

Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

Казахстан Спектр

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

1

2025

www.kisi.kz

Ассамблея народа Казахстана – институт выверенной
политики межэтнического согласия
и общенационального единства
Серик Сейдуманов
Зарема Шаукенова

Имидж политических деятелей в системе современных
модернизационных процессов в Казахстане
Марал Калиева
Нурбек Пусырманов
Анара Габдуллина

Пенитенциарная система Центральной Азии: роль
социальной работы и здравоохранения в период реформ
Хайно Штёвер
Далида Мукашева

Опыт Китая в трансграничных грузоперевозках и его
значение для приграничного сотрудничества Казахстана
с Кыргызстаном и Узбекистаном: уроки COVID-19
Ажар Сериккалиева

Анализ образовательной дипломатии Китая
в странах Центральной Азии
Альбина Муратбекова

Достижение «да»: переговоры по соглашению между
Арменией и Азербайджаном. Принципиальные
переговоры против позиционного торга
Фархад Гусейнов

Квалификационные стандарты нового поколения
международный опыт и его применение
в вузах Казахстана
Сауле Зейнолла
Ляззат Спанкулова
Куралай Нургалиева
Амир Ниязбеков

Эффективность стратегий по противодействию
коррупции: опыт и достижения в Казахстане
Акторе Талгатулы
Гульсара Джунусбекова
Ане Тынышбаева

Исследования и образование как движущие силы
смены парадигмы в управлении водными ресурсами
и водной дипломатии в Центральной Азии
Мартон Краснай
Искандар Абдуллаев

ISSN 1562-6318

9 771562 631162

Содержание

ВЗГЛЯДЫ. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ДИСКУССИИ

Серик Сейдуманов
Зарема Шаукенова

Ассамблея народа Казахстана – институт
выверенной политики межэтнического
согласия и общенационального единства 7

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

Марал Калиева
Нурбек Пусырманов
Анара Габдуллина

Имидж политических деятелей в системе
современных модернизационных
процессов в Казахстане 19

Хайно Штёвер
Далида Мукашева

Пенитенциарная система Центральной Азии:
роль социальной работы и
здравоохранения в период реформ 34

Ажар Сериккалиева

Опыт Китая в трансграничных грузоперевозках
и его значение для приграничного сотрудничества
Казахстана с Кыргызстаном и Узбекистаном:
уроки COVID-19. 44

Альбина Муратбекова

Анализ образовательной дипломатии Китая
в странах Центральной Азии 60

Фархад Гусейнов

Достижение «да»: переговоры по соглашению между
Арменией и Азербайджаном. Принципиальные
переговоры против позиционного торга 74

АКТУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Сауле Зейнолла
Ляззат Спанкулова
Куралай Нургалиева
Амир Ниязбеков

Квалификационные стандарты нового поколения
международный опыт и его применение
в вузах Казахстана. 82

Акторе Талгатұлы
Гүльсара Джунусбекова
Ане Тынышбаева

Эффективность стратегий по противодействию
коррупции: опыт и достижения в Казахстане 102

Мартон Краснай
Искандар Абдуллаев

Исследования и образование как движущие силы
смены парадигмы в управлении водными ресурсами
и водной дипломатии в Центральной Азии 114

Шеф-редактор **Асель Назарбетова**,
Руководитель Представительства КИСИ при
Президенте РК в г. Алматы

Верстка: Меруерт Әсіл
Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Бейбитши-
лик 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и
массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство
№644. ISSN 1562-6318
При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакцион-
ной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.
Отпечатано в.
Тираж:

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Мазмұны

КӨЗ ҚАРАС. ОЙ-ПІКІР. ТАЛҚЫЛАУ

Серік Сейдуманов Зарема Шаукенова	Қазақстан халқы Ассамблеясы – этносаралық келісім мен жалпыұлттық бірліктің тексерілген саясат институты 7
--	--

САЯСАТ ЖӘНЕ ҚОҒАМ

Марал Қалиева Нұрбек Пұсырманов Анара Ғабдуллина	Қазақстандағы қазіргі жаңғырту процестері жүйесінде саяси қайраткерлердің бейнесі 19
Хайно Штёвер Далида Мұқашева	Орталық Азия пенитенциалдық жүйесі: реформа кезеңіндегі әлеуметтік жұмыс және денсаулық сақтаудың рөлі. 34
Ажар Серікқалиева	Қытайдың трансшекаралық жүк тасымалдау тәжірибесі және оның Қазақстанның Қырғызстан және Өзбекстанмен шекаралық ынтымақтастығына ықпалы: COVID-19 сабақтары. 44
Альбина Мұратбекова	Қытайдың Орталық Азия елдеріндегі білім дипломатиясын талдау 60
Фархад Гусейнов	«Иә» деген жол: Армения мен Әзербайжан арасындағы келісім бойынша келіссөздер. Принципті келіссөздер ұстанымдық саудаласу орнына 74

ӨЗЕКТІ ЭКОНОМИКА

Сәуле Зейнолла Ләззат Спанқұлова Құралай Нұрғалиева Әмір Ниязбеков	Жаңа ұрпақтың біліктілік стандарттары. Халықаралық тәжірибе және оны Қазақстан университеттерінде қолдану 82
Ақтөре Талғатұлы Гүлсара Жүнісбекова Ане Тынышбаева	Сыбайлас жемқорлыққа қарсы стратегиялардың тиімділігі: Қазақстандағы тәжірибелер мен жетістіктер 102
Мартон Красной Искандар Абдуллаев	Зерттеу және білім беру Орталық Азиядағы су ресурстарын басқару мен су дипломатиясының парадигмасы өзгеруінің қозғалтқыш күштері ретінде . 114

Қазақстан Республикасы
Президенті жанындағы
Қазақстанның стратегиялық
зерттеулер институты

Бас редактор **Әсел Назарбетова**,
Алматы қаласындағы ҚР Президенті жанындағы
ҚСЗИ өкілдігінің басшысы

Беттеу: Меруерт Өсіл
Редакция мекенжайы: Қазақстан Республикасы, 010000, Астана қ.,
Бейбітшілік көшесі 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail:
office@kisi.kz.
Журнал ҚР Баспа ісі және бұқаралық ақпарат жөніндегі ұлттық агенттікте 1997
жылдың 8 қыркүйегінде тіркелген, тіркеу куәлігінің №644. ISSN 1562-6318
Журналда жарияланған материалдарды көшіріп басқан жағдайда журналға
сілтеме жасалуы міндетті.
Жарияланған мақала авторларының пікірі редакция көзқарасын білдірмеуі
мүмкін. . Таралымы: .

1994 жылдың қазанынан тоқсан сайын шығып тұрады.

Contents

VIEWS. THINKING. DISCUSSIONS

- Seric Seidumanov**
Zarema Shaukenova The Assembly of the People of Kazakhstan is an Institution for a balanced Policy of interethnic Harmony and national Unity. 7

POLITICS AND SOCIETY

- Maral Kaliyeva**
Nurbek Pussyrmanov
Anara Gabdullina Image of Politicians in the System of Modernization Processes in Kazakhstan. 19
- Heino Stöver**
Dalida Mukasheva The Penitentiary System of Central Asia: the Role of Social Work and Healthcare in the Context of Reforms. 34
- Azhar Serikkaliyeva** China's Experience in cross-border Freight Transportation and its Impact on Kazakhstan's border cooperation with Kyrgyzstan and Uzbekistan: Lessons from COVID-19 44
- Albina Muratbekova** Analysis of China's Education Diplomacy in Central Asian Countries 60
- Farhad Huseynov** Getting to yes: negotiating an Armenia-Azerbaijan agreement. Principled negotiation versus Positional bargaining. 74

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMICS

- Saule Zeinolla**
Lyazzat Spankulova
Kuralai Nurgaliyeva
Amir Niyazbekov Qualification Standards of the New Generation. International Experience and its Application in Universities of Kazakhstan 82
- Aktore Talgatuly**
Gulsara Junusbekova
Ane Tynyshbayeva Effectiveness of Anti-corruption Strategies: Experiences and Achievements in Kazakhstan. 102
- Marton Krasznai**
Iskandar Abdullaev Research and Education as the Drivers of a Paradigm Shift in Central Asian Water Governance and Water Diplomacy 114

Quarterly since October 1994

Editor in Chief **Assel Nazarbetova**,
Head of the Representative Office of the KazISS under
the President of the Republic of Kazakhstan in Almaty

Layout: Meruert Asyl
Address: 4 Beibitshilik str., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan.
Phone: 8 (7172) 75 20 20. Fax: 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
The journal was registered by the National Agency of press and information of the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644. ISSN 1562-6318
All copies from this journal should be made with reference. The opinion of the editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed by:
Copies: .

Редакционный совет

- Санат Кушкумбаев** – Председатель Редакционного совета, главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук
- Марлен Ларюэль** – Директор Института европейских, российских и евразийских исследований Школы международных отношений Эллиота Университета Вашингтона, Ph.D. (США)
- Тимур Дадабаев** – Доцент кафедры международных отношений Университета Цукуба, Ph.D. (Япония)
- Адриен Фов** – Ассистент-профессор кафедры политики и международных отношений в Университете Пари-Сюд, Ph.D. (Франция)
- Беате Эшмент** – Научный сотрудник Центра восточноевропейских и международных исследований, Ph.D. (Германия)
- Хорос Йенг** – Ассоциированный профессор коммерческого права Школы права Лестера Лестерского университета, Ph.D. (Великобритания)
- Мартон Краснай** – Научный директор Центра исследований Центральной Азии при Университете Корвинуса, Ph.D. (Венгрия)
- Гульнара Насимова** – Заведующая кафедрой политологии и политтехнологий Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор политических наук, профессор
- Дастан Кошербаев** – Директор Института прикладных исследований Академии госуправления при Президенте РК, кандидат политических наук
- Рахман Алшанов** – Президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
- Анар Есенгельдина** – Заведующая отделом профессионального развития Центра исследований, анализа и оценки эффективности при Высшей аудиторской палате РК, кандидат экономических наук, профессор

Редакционная коллегия

- Асель Назарбетова** – Шеф-редактор, руководитель Представительства КИСИ в г. Алматы, Ph.D. по политологии
- Алуа Жолдыбалина** – Заместитель директора КИСИ при Президенте РК, Ph.D. по политологии, ассоциированный профессор
- Айгуль Кошербаева** – Ученый секретарь КИСИ при Президенте РК, доктор экономических наук, ассоциированный профессор
- Асель Абен** – Главный эксперт КИСИ при Президенте РК, Ph.D. по экономике

Редакциялық кеңес

- Санат Көшкімбаев** – Редакциялық кеңес төрағасы, ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ бас ғылыми қызметкері, саяси ғылымдарының докторы
- Марлен Ларюэль** – Вашингтон университеті Эллиот халықаралық қатынастар мектебінің Еуропа, Ресей және Еуразиялық зерттеулер институтының директоры, Ph.D. (АҚШ)
- Тимур Дадабаев** – Цукуба университетінің Халықаралық қатынастар кафедрасының доценті, Ph.D. (Жапония)
- Адриен Фов** – Пари-Сюд университетінің Саясат және халықаралық қатынастар кафедрасының ассистент-профессоры, Ph.D. (Франция)
- Беате Эшмент** – Шығыс Еуропа және халықаралық зерттеулер орталығының ғылыми қызметкері, Ph.D. (Германия)
- Хорос Йенг** – Лестер университетінің Лестер заң мектебінің коммерциялық құқық кафедрасының қауымдастырылған профессоры, Ph.D. (Ұлыбритания)
- Мартон Краснай** – Корвинус университетінің Орталық Азияны зерттеу орталығының ғылыми директоры, Ph.D. (Венгрия)
- Гүлнара Насимова** – Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының меңгерушісі, саяси ғылымдарының докторы, профессор
- Дастан Көшербаев** – ҚР Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының Қолданбалы зерттеулер институтының директоры, саяси ғылымдарының кандидаты
- Рахман Алшанов** – «Тұран» білім беру корпорациясының президенті, Қазақстан Республикасы жоғары оқу орындары қауымдастығының президенті, экономика ғылымдарының докторы, профессор
- Анар Есенгелдина** – ҚР Жоғарғы есеп палатасы жанындағы Ғылыми-зерттеу, талдау және қызметтің тиімділігін бағалау орталығының біліктілікті арттыру бөлімінің меңгерушісі, экономика ғылымдарының кандидаты, профессор

Редакциялық ұжым

- Әсел Назарбетова** – Бас редактор, ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ Алматы қаласындағы Өкілдігінің басшысы, Ph.D.
- Алуа Жолдыбалина** – ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ директорының орынбасары, Ph.D., қауымдастырылған профессор
- Айгүл Көшербаева** – ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ ғалым хатшысы, экономика ғылымдарының докторы, қауымдастырылған профессор
- Әсел Әбен** – ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ бас сарапшысы, Ph.D.

Editorial board

- Sanat Kushkumbayev** – Chairman of the Editorial Board, Chief Researcher at the Kazakhstan Institute for Strategic Studies (KazISS), Doctor of Political Science
- Marlene Laruelle** – Director of the Institute for European, Russian and Eurasian Studies at the Elliott School of International Affairs, George Washington University, Ph.D. (USA)
- Timur Dadabayev** – Associate Professor of International Relations Department at the University of Tsukuba, Ph.D. (Japan)
- Adrien Fauve** – Assistant Professor of Politics and International Relations at the University of Paris-Sud, Ph.D. (France)
- Beate Eschment** – Research Fellow at the Center for East European and International Studies, Ph.D. (Germany)
- Horace Yeung** – Associate Professor in Commercial Law at Leicester Law School, University of Leicester, Ph.D. (United Kingdom)
- Marton Krasznai** – Scientific Director of the Center for Central Asian Studies at Corvinus University, Ph.D. (Hungary)
- Gulnara Nassimova** – Head of the Department of Political Science and Political Technologies of the Kazakh National University named after Al-Farabi, Doctor of Political Sciences, Professor
- Dastan Kosherbayev** – Director of the Institute of Applied Research of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Political Sciences
- Rakhman Alshanov** – President of the educational corporation "Turan", President of the Association of Higher Educational Institutions of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Economic Sciences, Professor
- Anar Esengeldina** – Head of the Department of Professional Development of the Center for Research, Analysis and Evaluation of Performance under the Supreme Audit Chamber of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Economic Sciences, Professor

Editorial team

- Assel Nazarbetova** – Chief Editor, Head of the Representative Office of KazISS in Almaty, Ph.D. in Political Science
- Alua Zholdybalina** – Deputy Director of KazISS, Ph.D. in Political Science, Associate Professor
- Aigul Kosherbayeva** – Academic Secretary of KazISS, Doctor of Economics, Associate Professor
- Assel Aben** – Chief Expert of KazISS, Ph.D. in Economics

МРНТИ:
11.15.25

АССАМБЛЕЯ НАРОДА КАЗАХСТАНА - ИНСТИТУТ ВЫВЕРЕННОЙ ПОЛИТИКИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ И ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

Серик Сейдуманов¹,
Зарема Шаукенова^{2*},

¹Генеральный директор Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, академик НАН РК, доктор социологических наук, профессор, член НЭС АНК, Алматы, Казахстан.

^{2*}Научный руководитель Ассоциации социологов Казахстана, академик НАН РК, доктор социологических наук, профессор, заместитель председателя НЭС АНК, Алматы, Казахстан, e-mail: zarema_13@bk.ru

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.1.001>

Аннотация. Казахстанская модель укрепления общенационального единства, межэтнического и межконфессионального согласия заслуженно считается одной из наиболее успешных и эффективных моделей в мировой практике этнополитического менеджмента. В формировании национальной политики казахстанского государства ключевая роль принадлежит Ассамблее народа Казахстана (АНК), 30-летняя годовщина создания которой будет широко отмечаться в 2025 году.

В статье проводится анализ институционального дизайна АНК как уникального органа комплексной общественно-государственной регуляции сферы межэтнических отношений. Выделяются 4 ключевых структурно-функциональных уровней, на которых Ассамблея ведёт работу по укреплению общественного согласия и единства полиэтничного и мультикультурного казахстанского общества: АНК как институциональная форма системы общественного самоуправления в сфере межэтнических отношений; Ассамблея народа Казахстана как институциональная платформа межкультурного диалога и межэтнических коммуникаций; Ассамблея народа Казахстана как полноправный субъект проведения государственной национальной политики через институты исполнительной и законодательной власти Республики Казахстан; АНК как диалоговая площадка и форма институционализации прямых и обратных связей между гражданским обществом и политической системой государства.

Ключевые слова: межэтнические отношения, Ассамблея народа Казахстана, этнокультурные ценности и символы, этническая и гражданская идентичность, общественное согласие и единство.

ҚАЗАҚСТАН ХАЛҚЫ АССАМБЛЕЯСЫ - ЭТНОСАРАЛЫҚ КЕЛІСІМ МЕН ЖАЛПЫҰЛТТЫҚ БІРЛІКТІҢ ТЕКСЕРІЛГЕН САЯСАТЫ ИНСТИТУТЫ

Серік Сейдуманов¹, Зарема Шауқенова^{2*}

¹ ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының бас директоры, ҚР ҰҒА академигі, әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор, ҚХА ҰЭЖ мүшесі, Алматы Қазақстан

^{2*} Қазақстан әлеуметтанушылары қауымдастығының ғылыми жетекшісі, ҚР ҰҒА академигі, әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор, ҚХА ҰЭЖ төрағасының орынбасары, Алматы Қазақстан, e-mail: zarema_13@bk.ru

Андатпа. Жалпыұлттық бірлікті, этносаралық және конфессияаралық келісімді нығайтудың Қазақстандық моделі этносаяси менеджменттің әлемдік тәжірибесіндегі олардың ең табысты және тиімді модельдерінің бірі болып лайықты саналады. Қазақстан мемлекетінің ұлттық саясатын қалыптастыруда шешуші рөл Қазақстан халқы Ассамблеясына (ҚХА) тиесілі, оның құрылғанына 30 жыл толуы 2025 жылы кеңінен атап өтілетін болады.

Мақалада этносаралық қатынастар саласын кешенді қоғамдық-мемлекеттік реттеудің бірегей органы ретінде ҚХА-ның институционалдық дизайнына талдау жасалады. Ассамблея полиэтникалық және көпмәдениетті қазақстандық қоғамның қоғамдық келісімі мен бірлігін нығайту бойынша жұмыс жүргізетін 4 негізгі құрылымдық-функционалдық деңгей бөлінеді: ҚХА этносаралық қатынастар саласындағы қоғамдық өзін-өзі басқару жүйесінің институционалдық нысаны ретінде; Қазақстан халқы Ассамблеясы мәдениетаралық диалог пен этносаралық коммуникациялардың институционалдық платформасы ретінде; Қазақстан халқы Ассамблеясы мемлекеттік ұлттық саясатты жүргізудің толыққанды субъектісі ретінде Қазақстан Республикасының атқарушы және заң шығарушы билік институттары; ҚХА диалог алаңы және азаматтық қоғам мен мемлекеттің саяси жүйесі арасындағы тікелей және кері байланыстарды институционализациялау нысаны ретінде.

Түйін сөздер: этносаралық қатынастар, Қазақстан халқы Ассамблеясы, этномәдени құндылықтар мен рәміздер, этникалық және азаматтық бірегейлік, қоғамдық келісім мен бірлік.

THE ASSEMBLY OF THE PEOPLE OF KAZAKHSTAN IS AN INSTITUTION FOR A BALANCED POLICY OF INTERETHNIC HARMONY AND NATIONAL UNITY

Seric Seidumanov¹, Zarema Shaukenova^{2*}

¹ Director General of the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Sociological Sciences, Professor, member of the scientific and expert council of the APK, Almaty, Kazakhstan.

^{2*} Scientific Director of the Association of Sociologists of Kazakhstan, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Chairman of the scientific and expert council of the APK, Almaty, Kazakhstan, e-mail: zarema_13@bk.ru

Abstract. The Kazakh model of strengthening national unity, interethnic and interfaith harmony is deservedly considered one of the most successful and effective models in the world practice of ethnic-political management. The Assembly of the People of Kazakhstan (APK), whose 30th anniversary will be widely celebrated in 2025, plays a key role in shaping the national policy of the Kazakh state.

The article analyzes the institutional design of the APK as a unique body of complex socio-state regulation of interethnic relations. There are 4 key structural and functional levels at which the Assembly is working to strengthen social harmony and unity of the multiethnic and multicultural Kazakh society.: APK as an institutional form of the system of public self-government in the field of interethnic relations; the Assembly of the People of Kazakhstan as an institutional platform for intercultural dialogue and interethnic communications; the Assembly of the People of Kazakhstan as a full-fledged subject of state national policy through the institutions of the executive and legislative authorities of the Republic of Kazakhstan; APK as a dialogue platform and a form of institutionalization of direct and feedback links between civil society and the political system of the state.

Keywords: *interethnic relations, Assembly of the People of Kazakhstan, ethno-cultural values and symbols, ethnic and civic identity, public harmony and unity*

Введение

В динамике трансформаций этнокультурной сферы современного мира причудливо переплетаются и парадоксально совмещаются разнонаправленные процессы, противоречивые тренды, конфликтующие интерпретации. С одной стороны, расширяются транснациональные информационно-коммуникативные сети, технологически обеспечивающие экспансию космополитических норм и стандартов массовой культуры. На этом треке размываются традиционные внутриэтнические связи, преодолевается обособленность этнических общностей, происходит ассимиляция людьми инокультурных ценностей. С другой стороны, в условиях глобализации возрастает роль этнонациональных маркёров индивидуальной и коллективной идентичности: национальных языков и наречий; традиционных для той или иной этнической общности религиозных верований, обрядов и ритуалов; этнокультурных ценностей и символов, обычаев и традиций; событий и персонажей национальной истории; особенностей национального менталитета и национальных картин мира.

Казахстанская модель укрепления общенационального единства, межэтнического и межконфессионального согласия заслуженно считается одной из наиболее успешных и эффективных моделей в мировой практике этнополитического менеджмента.

Идея создания Ассамблеи согласия и единения народов Казахстана как особого общественного института, призванного способствовать разработке и реализации национальной политики государства, была высказана Первым президентом страны в 1992 г. в его речи на Форуме народа Казахстана. С 1990 г. в Казахстане начали создаваться национально-культурные центры (НКЦ),

ставящие перед собой в основном культурно-просветительские задачи. Президентом страны на совещании с активом НКЦ 16 февраля 1995 г. было внесено предложение о создании институциональной формы интеграции деятельности казахстанских НКЦ, направленной на поддержку культуры и языка этнических групп, на развитие и укрепление разнообразных форм межнациональных взаимодействий, на консолидацию полиэтнического и мультикультурного казахстанского общества. Предложение было принято, и 1 марта 1995 года Указом Президента Республики Казахстан была учреждена Ассамблея народов Казахстана (26 июля 2007 г. переименованная в Ассамблею народа Казахстана) со статусом консультативно-совещательного органа при Президенте республики.

В настоящее время в институциональном дизайне национальной политики казахстанского государства ключевая роль принадлежит Ассамблее народа Казахстана (АНК). В своём выступлении на XXXIII сессии Ассамблеи народа Казахстана «Единство. Созидание. Прогресс» Глава государства, Председатель Ассамблеи народа Казахстана Касым-Жомарт Кемелевич Токаев отметил, что Ассамблея, пройдя сложный путь трансформации, проявила себя в качестве эффективного инструмента нашей выверенной политики межэтнического согласия и общенационального единства, стала ведущим институтом социальной консолидации и деятельного патриотизма [1].

В мировой практике этнополитического менеджмента можно встретить множество самых разнообразных форм его институциональной организации. С точки зрения системного подхода АНК можно рассматривать как особый вид промежуточной структуры или связующего звена между несущими конструкциями гражданского общества и политической системы. Уникальная особенность Ассамблеи народа Казахстана состоит в том, что она имплементирована во все уровни вертикали государственной власти (от центральных до местных органов) и одновременно интегрирована в горизонтальную сеть институтов гражданского самоуправления. Согласно Положению об Ассамблее народа Казахстана, одна из главных её миссий заключается в межведомственной координации деятельности по развитию и укреплению межнациональных отношений, в тесном сотрудничестве с госструктурами всех рангов и с самостоятельными общественными организациями.

Методология

В выявлении и анализе особенностей АНК как уникального общественно-государственного института управления межэтническими отношениями применены логический и исторический методы, а также методы институционального и неинституционального подходов. Исследование проведено на основе анализа статистических данных и положений нормативно-правовых документов, имеющих непосредственное отношение к разработке и проведению государственной этнополитики Республики Казахстан.

Результаты и обсуждение

Можно выделить несколько ключевых структурных уровней организации общественного целого, на которых Ассамблея ведёт работу по укреплению общественного согласия и единства полиэтнического и мультикультурного казахстанского общества.

АНК как институциональная форма системы общественного самоуправления в сфере межэтнических отношений.

Как указывается в «Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана на 2022-2026 годы», одной из приоритетных задач АНК является «создание условий для этнокультурных объединений Ассамблеи и иных общественных объединений в работе по интеграции общества, а также сохранению и развитию традиций, языков, культуры всех этносов Казахстана» [2]. Местные, региональные и республиканские этнокультурные объединения (ЭКО) являются организационно-правовой формой самоуправления гражданского общества в сфере межэтнических отношений. Согласно Закону РК от 20 октября 2008 года № 70-IV «Об Ассамблее народа Казахстана» этнокультурные объединения Ассамблеи участвуют в реализации государственной политики по обеспечению общественного согласия и национального единства, содействуют укреплению казахстанской идентичности на принципе гражданства, на основе патриотизма, духовно-культурной общности этносов Казахстана при консолидирующей роли казахского народа [3].

По состоянию на ноябрь текущего года 422 ЭКО прошли общественную аккредитацию. Всего же в Казахстане функционируют более 1000 ЭКО, активно взаимодействующих с РГУ «Қоғамдық келісім» в реализации целей и выполнении задач Ассамблеи.

Наряду с ЭКО Ассамблея включает в себя широкий спектр разнообразных общественных объединений и структур. Назовём наиболее важные и эффективные из их числа.

Советы матерей при Ассамблее народа Казахстана были созданы 10 лет назад. На сегодняшний день 1745 Советов матерей, насчитывающих свыше 14 тыс. членов, по поручению Главы государства участвуют в реализации общенационального проекта «Мәдениетті ана – мәдениетті ұлт». Этот проект направлен на сохранение и укрепление семейных ценностей, национальных традиций и на совершенствование системы духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения казахстанцев.

На XXXIII сессии АНК презентован новый проект Совета матерей – «Саулауатты Сана» («Здоровое Сознание»). Задачей данного проекта является содействие Советом матерей АНК государственным органам и общественным организациям в выработке и реализации комплекса мер по искоренению разрушительных моделей поведения и пяти социальных пороков современного общества: наркомании, игромании, насилию в семье и обществе, вандализму, расточительству.

Советы медиации АНК. Одним из важных и перспективных направлений деятельности АНК является развитие института этномедиации. Кабинеты и Центры медиации открыты во всех регионах страны, создан республиканский и 17 региональных Советов медиации. Всего в республике действует 485 площадок медиации. В реестре Ассамблеи на сегодня зарегистрировано 1596 медиатора, из них – 1326 общественных и 270 профессиональных медиатора.

Более 30 тыс. граждан республики прошли обучающие курсы, на которых овладели общедоступными методами медиации и получали навыки их практического применения. Особого внимания заслуживает опыт институтов этномедиации Алматинской, Жамбылской и Туркестанской областей. В своём выступлении на XXXIII сессии Ассамблеи народа Казахстана Касым-Жомарт Кеме-

левич Токаев предложил масштабировать этот опыт по всей организационной горизонтали АНК.

Ақсақалдар кеңесі АНК. С конца 2022 г. по поручению Главы государства при Ассамблее народа Казахстана во всех регионах страны начали создаваться Ақсақалдар кеңесі (Советы старейшин). К настоящему времени в республике функционирует 1224 Ақсақалдар кеңесі АНК, выполняющих комплекс важнейших задач:

- содействие государственным органам и институтам гражданского общества в укреплении казахстанской идентичности, консолидации граждан вокруг ценностей общественного согласия и единства;
- укрепление конструктивных коммуникаций и взаимодействия между гражданами, государственными и общественными институтами;
- организация механизмов «обратной связи» государства и общества по вопросам обеспечения общественного согласия и единства;
- продвижение идей патриотизма и патриотическое воспитание среди молодёжи;
- содействие государственным органам в профилактике, разрешении социальных и бытовых конфликтов, а также их постконфликтном урегулировании;
- содействие и непосредственное участие в осуществлении этномедиации, организации диалога по вопросам укрепления общественного согласия;
- внедрение и совершенствование практики наставничества среди молодёжи, взаимодействие с молодёжными организациями в деле консолидации общества;
- передача знаний и опыта в вопросах обеспечения общественного согласия среди населения.

Республиканское общественное объединение «Ассамблея жастары». РОО «Ассамблея жастары», созданное 17 ноября 2017 г., в настоящее время является одной из ведущих общественных структур АНК. Численность актива организации превышает 9 тыс. человек. В прошлом году независимые эксперты признали «Ассамблея жастары» самой активной молодёжной организацией Казахстана.

Одними из наиболее значимых и масштабных проектов, реализуемых «Ассамблея жастары», являются проекты «Жаңа толқын» и «Школа лидеров Ассамблеи народа Казахстана», направленные на формирование кадрового резерва Ассамблеи народа Казахстана и обучение лидеров молодёжи АНК. Активно ведётся волонтерская работа. Например, в акцию АНК «Жүректен жүрекке» («От сердца к сердцу»), проведённую в помощь пострадавшим в период паводка, было вовлечено более 12 тысяч волонтеров. Данная работа получила высокую оценку Главы государства в его выступлении на XXXIII сессии Ассамблеи народа Казахстана.

Центры «Жомарт Жан» при АНК. Целью деятельности Центров «Жомарт Жан» («Щедрая душа»), куда входят меценаты, благотворители, волонтеры, является координация мер Ассамблеи народа Казахстана по реализации социально значимых проектов, а также содействие развитию благотворительности в стране, проведение социально-значимых благотворительных акций. Например, в рамках проекта «Жүректен жүрекке» в пострадавшие от стихийного бедствия

регионы было направлено более 1700 тонн продуктов питания, лекарств и товаров первой необходимости на общую сумму свыше 805 миллионов тенге. В ходе ежегодной благотворительной акции Ассамблеи народа Казахстана «Мектепке жол» («Дорога в школу») в текущем году более 6,5 тысяч детей из многодетных и малообеспеченных семей получили необходимые учебные принадлежности и школьную форму на сумму свыше 260 миллионов тенге.

На сегодняшний день в Ассамблею народа Казахстана входят свыше 4 тысяч общественных структур, в рамках которых более 50 тысяч человек ведут эффективную работу по укреплению единства и согласия в нашей стране. Это позволяет считать Ассамблею народа Казахстана уникальным и одним из наиболее представительных институтов гражданского общества в нашей республике.

Ассамблея народа Казахстана как институциональная платформа межкультурного диалога и межэтнических коммуникаций.

В современном мире межкультурное взаимодействие становится всё более заметным аспектом повседневной жизни и нормой в организации публичного пространства. Входящие в состав Ассамблеи народа Казахстана этнокультурные объединения выполняют функции не только защиты интересов этнических сообществ, сохранения их самобытной культуры и традиций, но активно внедряют разнообразные формы и механизмы межэтнического взаимодействия. В частности, такая работа активно ведётся республиканским и 40 региональными Домами дружбы, которые в своей речи на XXXIII сессии АНК Президент страны К.К. Токаев назвал современными комьюнити-центрами. Дома дружбы и другие многофункциональные Центры Ассамблеи народа Казахстана способствуют развитию диалоговых платформ и структур, многообразию этнокультурных коммуникативных практик, тем самым обеспечивая интеграцию множественности этнокультурных групп в единое гражданско-политическое целое на основе принципов казахстанского патриотизма, толерантности и согласия.

Между тем позитивным процессам внутренней консолидации этнических групп, возрождению их национальных языков, культуры, обычаев и традиций неизбежно сопутствуют негативные тенденции к их самоизоляции, которые могут в конечном счёте привести к этнополитической поляризации и этнокультурной сегментации общества. Наиболее рельефно эти процессы проявились в катастрофическом провале неолиберальной модели мультикультурализма, зафиксированном лидерами ряда ведущих европейских стран.

Рост числа автономизированных этнических организаций и структур самоуправления в рамках национального государства создаёт угрозы дезинтеграции полиэтнического социума. Эти структуры подчас демонстративно дистанцируются от общепринятых культурных норм и ценностного консенсуса гражданской нации. Для купирования этих рисков критически важной является разработка и внедрение механизмов межкультурного диалога на всех уровнях публичного пространства межэтнических взаимодействий. Как отмечается в «Доктрине национального единства Казахстана» Ассамблея народа Казахстана является «уникальным институтом развития межкультурного диалога» [4]. АНК не просто поддерживает межэтнический диалог, а организует его на основе активного участия этнокультурных объединений в кросс-этнических форматах общения и взаимопонимания между различными этнолингвистическими и

этноконфессиональными группами казахстанского общества. Таким образом, деятельность Ассамблеи народа Казахстана по формированию и институционализации единого интерэтнического коммуникативного пространства становится ключевым звеном в управлении полиэтничным обществом, обеспечивая баланс между сохранением культурного разнообразия и единством гражданской нации.

Ассамблея народа Казахстана как полноправный субъект проведения государственной национальной политики через институты исполнительной и законодательной власти Республики Казахстан.

Напомним, что первоначально АНК была создана как консультативно-совещательный орган при Президенте Республики Казахстан. Конституционная реформа, проведённая в 2007 г., нормативно-правовые положения Закона Республики Казахстан «Об Ассамблее народа Казахстана», принятого в 2008 г. [3], в Положении об АНК [5] за Ассамблеей закреплён новый конституционный статус полноправного субъекта административно-политической системы казахстанского государства в сфере регулирования межэтнических отношений. Этот статус АНК реализуется через разнообразные формы и механизмы её политического участия:

- Председателем АНК является Президент Республики Казахстан. АНК функционирует как центральный орган, синхронизирующий деятельность различных этнических групп и социальных институтов в соответствии с курсом, заданным главой государства;
- все решения сессий Ассамблеи являются обязательными для рассмотрения государственными органами;
- в Совет Ассамблеи, наряду с представителями республиканских этнокультурных объединений, входят депутаты Парламента, министры, акимы областей;
- Секретариат АНК входит в структуру Администрации Президента как её самостоятельное структурное подразделение;
- 5 депутатов Сената Парламента назначаются Главой государства по предложению Ассамблеи народа Казахстана (ранее АНК кооптировала в Мажилис Парламента республики свою депутатскую группу из девяти депутатов);
- по поручению Главы государства в 2023 г. создана депутатская группа «Бір ел – бір мүдде» («Единая страна – единые интересы»). В её состав вошли 30 депутатов от Сената и Мажилиса Парламента РК;
- создан и ведёт работу институт регулярных консультаций Ассамблеи с политическими партиями.

Таким образом, АНК располагает значительными административными ресурсами и политическими полномочиями в своей деятельности по разработке и практической реализации казахстанской модели межэтнического единства и согласия.

АНК как диалоговая площадка и форма институционализации прямых и обратных связей между гражданским обществом и политической системой государства.

В Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана до 2025 года за АНК

закреплены следующие функции: 1. Усиление роли Ассамблеи в качестве координатора работы государственных органов всех уровней и институтов гражданского общества по укреплению общественного согласия, казахстанской идентичности и единства. 2. Внедрение новых форматов взаимодействия государства и этнокультурных и иных общественных объединений для укрепления общественного согласия и общенационального единства [6].

В Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана на 2022-2026 годы отмечается, что в ходе своего институционального развития АНК стала «ключевым механизмом формирования гражданской идентичности и реализации конституционного принципа общественного согласия, диалоговой площадкой государства и гражданского общества» [2]. Важность выполнения Ассамблейей роли связующего звена между политической системой и гражданским обществом подчеркнул в своём выступлении на XXXIII сессии Ассамблеи народа Казахстана «Единство. Созидание. Прогресс» Глава государства Касым-Жомарт Кемелевич Токаев: «Ассамблея должна показывать пример продуктивного партнёрства с государственными структурами всех уровней и направлений... Благодаря конструктивному диалогу и действенному партнёрству государственных структур с институтами гражданского общества и прежде всего с Ассамблейей, мы сможем решить все стоящие перед нами задачи» [1]. Президент внёс ряд предложений по развитию такого партнёрства, оптимального для комплексного и наиболее эффективного управления процессом общенациональной консолидации. В частности, он обязал акимов областей как минимум раз в два месяца проводить совещания по межэтнической ситуации с участием представителей АНК и дал указание всем главам регионов лично присутствовать на ключевых мероприятиях Ассамблеи.

Выполняя важнейшую функцию координации деятельности государственных органов и общественных объединений, Ассамблея народа Казахстана становится одним из ключевых элементов системы государственного управления, в которой органично сочетаются принципы полицентризма, многосубъектности и консолидированной деятельности на основе диалога и партнёрства институтов гражданского общества и государства.

В Казахстане национальная политика государства, направленная на поддержку этнического и культурного разнообразия и призванная укреплять гражданское, политическое, культурное и духовное единство народа как основу национально-государственного суверенитета, имеет научные основы.

В выступлении на XXXIII сессии Ассамблеи народа Казахстана «Единство. Созидание. Прогресс» Президент страны Касым-Жомарт Кемелевич Токаев призвал к усилению роли АНК в принятии государственных решений, сопровождении проводимых в стране реформ и подчеркнул роль в этом процессе ее научно-экспертного потенциала. Именно эти задачи выполняет Научно-экспертный совет (НЭС) АНК, который был сформирован для научного сопровождения принимаемых решений и проведения научных исследований в сфере межэтнических отношений в Казахстане. В состав республиканского НЭС АНК вошли академики, доктора и кандидаты наук, доктора PhD, депутаты и общественные деятели. Кроме того, в областных вузах, НИИ работают научно-экспертные группы (НЭГ), в составе которых 57 докторов, 117 кандидатов наук, 5 докторов PhD. В региональные НЭГ входит свыше 300 экспертов. Члены НЭГ выезжают в регионы страны с целью изучения межэтнических отно-

шений на местах и разработки конкретных мер по оптимизации этнополитического менеджмента.

Рабочий орган НЭС – Институт прикладных этнополитических исследований Министерства культуры и информации РК, который проводит системную работу по изучению межэтнических процессов, разрабатывает научно обоснованные рекомендации по широкому кругу вопросов, осуществляет мониторинг межэтнической ситуации в стране.

Большой вклад в научные исследования межэтнических отношений вносит Министерство науки и высшего образования РК, при поддержке которого за 2018-2023 годы было реализовано 7 научно-технических программ; в 2022-2024 годы в рамках грантового финансирования реализовано 5 проектов в сфере межэтнических отношений [7].

Реализация принципа межкультурного взаимодействия в деятельности Ассамблеи народа Казахстана как институциональной формы консолидации основных ценностей всех этнических и культурных групп казахстанского общества становится важным элементом государственного строительства. Поэтому совершенно справедливо Президент страны в своём выступлении на XXXIII сессии АНК расценил празднование тридцатилетия Ассамблеи народа Казахстана как политически важное мероприятие.

Анонсированный Главой государства План мероприятий по организации и проведению 30-летия Ассамблеи народа Казахстана подготовлен и утверждён Правительством [8]. Программа юбилейных мероприятий обширна и разнообразна. Состоятся научно-образовательные мероприятия с участием историков, экспертов и общественных деятелей, на которых будут обсуждаться результаты работы АНК за 30 лет и выработываться новые подходы к её деятельности в будущем. Все намеченные в Плате празднования юбилея Ассамблеи народа Казахстана «30 лет во имя единства и согласия» разноформатные и содержательные мероприятия призваны обеспечить вовлечение широких слоёв, различных адресных и социальных категорий населения в проводимую практическую работу по укреплению единства и продвижению базовой национальной ценности «Единство и Солидарность».

Заключение

В Казахстане этнические общности приобретают всё больше средств и возможностей для сохранения своей культурной самобытности и её основополагающих ценностей, в том числе в виде разнообразных общественных институтов и политически-правовых механизмов. Вместе с тем, как свидетельствуют результаты социологических исследований, в идентификационных стратегиях казахстанцев укрепляется значимость общенациональной, гражданской идентичности.

В логике данной тенденции претерпевает изменения социальный и политический статус национальной идентичности, трансформирующейся из этнокультурного по преимуществу феномена в легитимный и эффективный инструмент реализации политических, социальных, экономических прав и интересов индивидов и социальных групп.

Казахстанская модель укрепления общенационального единства, межэтнического и межконфессионального согласия заслуженно считается одной из наиболее успешных и эффективных моделей в мировой практике этнополити-

ческого менеджмента. В нашей стране ключевую позицию в институционализации принципов межэтнических взаимодействий занимает Ассамблея народа Казахстана.

АНК вносит неоспоримый, весомый вклад в реализацию стратегии перехода нашей республики к современным формам и моделям устойчивого и динамичного развития гражданского общества и государства; в решение комплекса задач по обеспечению общественного согласия и общенационального единства народа Казахстана, по гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений, по духовной, социокультурной и политической консолидации казахстанского социума; в разработку и реализацию базовых принципов, путей и механизмов позитивно-синергетического взаимодействия этнокультурной и национально-государственной, общекзахстанской гражданской идентичности.

Список литературы

1. Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на XXXIII сессии Ассамблеи народа Казахстана «Единство. Созидание. Прогресс» // <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-hhhiii-sessii-assamblei-naroda-kazahstana-edinstvo-sozidanie-progress-2533949>
2. Об утверждении Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана на 2022-2026 годы/ Указ Президента Республики Казахстан от 15 сентября 2022 года № 1014. // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200001014>
3. Об Ассамблее народа Казахстана, Закон Республики Казахстан от 20 октября 2008 года № 70-IV. // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z080000070_
4. Доктрина национального единства // <https://assembly.kz/ank/Доктрина%20национального%20единства.pdf>
5. Об утверждении Положения об Ассамблее народа Казахстана Указ Президента Республики Казахстан от 27 декабря 2024 года № 747.
6. Об утверждении Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана (до 2025 года). Указ Президента Республики Казахстан от 28 декабря 2015 года № 148. // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000148>
7. Справочная информация об Ассамблее народа Казахстана // <https://assembly.kz/ru/ank/obshchaya-informatsiya/deyatelnost/>
8. Об утверждении Плана мероприятий по организации и проведению 30-летия Ассамблеи народа Казахстана "30 лет во имя единства и согласия". Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 октября 2024 года № 878 // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000878>

References

1. Vystuplenie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva na KhKhKhIII sessii Assamblei naroda Kazakhstana «Edinstvo. Sozidanie. Progress» [Speech by Head of State Kassym-Jomart Tokayev at the XXXIII session of the Assembly of People of Kazakhstan "Unity. Creation. Progress"] // <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-hhhiii-sessii-assamblei-naroda-kazakhstana-edinstvo-sozidanie-progress-2533949> (in Russian).
2. Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya Assamblei naroda Kazakhstana na 2022-2026 gody/ Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 15 sentyabrya 2022 goda № 1014. [On approval of the Development Concept of the Assembly of the People of Kazakhstan for 2022-2026/ Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated September 15, 2022 No. 1014] // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200001014> (in Russian).
3. Ob Assamblee naroda Kazakhstana, Zakon Respubliki Kazakhstan ot 20 oktyabrya 2008 goda № 70-IV. [On the Assembly of the People of Kazakhstan, the Law of the Republic of Kazakhstan dated October 20, 2008 No. 70-IV]. // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z080000070_ (in Russian).
4. Doktrina natsional'nogo edinstva [The doctrine of national Unity] // <https://assembly.kz/ank/Doktrina%20natsional'nogo%20edinstva.pdf> (in Russian).
5. Ob utverzhdenii Polozheniya ob Assamblei naroda Kazakhstana Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 27 dekabrya 2024 goda № 747.
6. Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya Assamblei naroda Kazakhstana (do 2025 goda). Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 28 dekabrya 2015 goda № 148. [Approval of the Development Concept of the Assembly of People of Kazakhstan (until 2025). Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated December 28, 2015 No. 148]. // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000148> (in Russian).
7. Spravochnaya informatsiya ob Assamblee naroda Kazakhstana [Background information about the Assembly of the People of Kazakhstan] // <https://assembly.kz/ru/ank/obshchaya-informatsiya/deyatelnost/> (in Russian).
8. Ob utverzhdenii Plana meropriyatii po organizatsii i provedeniyu 30-letiya Assamblei naroda Kazakhstana "30 let vo imya edinstva i soglasiya". Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 24 oktyabrya 2024 goda № 878 [Approval of the Action Plan for the organization and holding of the 30th anniversary of the Assembly of People of Kazakhstan "30 years in the name of unity and harmony". Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated October 24, 2024 No. 878]. // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000878> (in Russian).

Материал поступил в редакцию 10.01.2025

Утвержден к публикации 17.03.2025

ИМИДЖ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В КАЗАХСТАНЕ

Марал Калиева¹,

Нурбек Пусырманов^{2*}

Анара Габдуллина³

¹Главный научный сотрудник Института истории государства КН МНВО РК, доктор политических наук, ассоциированный профессор, (Астана, Казахстан), e-mail: mkaliyeva23@gmail.com

^{2*}Директор Института истории государства КН МНВО РК, PhD, (Астана, Казахстан)
e-mail: nurbekp89@gmail.com

³Кандидат исторических наук, (Астана, Казахстан),
e-mail: agastana77@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.1.002>

Аннотация. В статье обозначена актуальность формирования новой мировоззренческой парадигмы об имидже политических деятелей в системе современных модернизационных процессов в Казахстане, проведен анализ концептуальных положений по вопросам дальнейшей либерализации политической системы, демонополизации экономики и социализации граждан. Значительное внимание уделено изучению имиджа политических деятелей в новых условиях социального и политического партнерства. Раскрыты его особенности, специфика и характерные черты в контексте развития полиэтничного общества. Выводы исследования отмечают значимость медийного инструментария как составной части технологий политической деятельности, подчеркивают, что на уровне современной политической практики существенное место занимают средства массовой информации и коммуникации. Результаты статьи могут быть полезны для разработки новых направлений имиджевых технологий политической деятельности.

Ключевые слова: демократия, государство, политический деятель, модернизационный процесс, имидж, политическая партия, общество.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ҚАЗІРГІ ЖАҢҒЫРТУ ПРОЦЕСТЕРІ ЖҮЙЕСІНДЕ САЯСИ ҚАЙРАТКЕРЛЕРДІҢ БЕЙНЕСІ

Марал Қалиева¹, Нұрбек Пұсырманов^{2*}, Анара Ғабдуллина³

¹ҚР ҒЖБМ ҒК Мемлекет тарихы институтының бас ғылыми қызметкері, саяси ғылымдарының докторы, қауымдастырылған профессор, e-mail: mkaliyeva23@gmail.com

^{2*}ҚР ҒЖБМ ҒК Мемлекет тарихы институтының директоры, PhD, (Астана, Қазақстан), e-mail: nurbekp89@gmail.com

³Тарих ғылымдарының кандидаты, (Астана, Қазақстан), e-mail: agastana77@gmail.com

Аңдатпа. Мақалада Қазақстандағы заманауи жаңғырту процестері жүйесіндегі саяси қайраткерлердің бейнесі туралы жаңа идеологиялық парадигманы қалыптастырудың өзектілігі көрсетілген, саяси жүйені одан әрі ырықтандыру мәселелері бойынша тұжырымдамалық ережелерге, экономиканы монополиясыздандыру және азаматтарды әлеуметтендіру туралы талдау жасалды. Әлеуметтік-саяси серіктестіктің жаңа жағдайында саяси қайраткерлердің бейнесін зерттеуге көп көңіл бөлінуде. Оның ерекшеліктері, ерекшелігі мен өзіне тән ерекшеліктері көп ұлтты қоғамның дамуы контексте ашылады. Зерттеудің нәтижелері саяси қызмет технологияларының құрамдас бөлігі ретінде медиа құралдарының маңыздылығын атап өтеді, қазіргі заманғы саяси тәжірибе деңгейінде бұқаралық ақпарат құралдары және коммуникациялар маңызды орын алатынын атап көрсетілген. Мақаланың нәтижелері саяси қызмет үшін имидждік технологиялардың жаңа бағыттарын дамыту үшін пайдалы болуы мүмкін.

Түйін сөздер: демократия, мемлекет, саясаткер, модернизация процесі, имидж, саяси партия, қоғам.

IMAGE OF POLITICIANS IN THE SYSTEM OF MODERNIZATION PROCESSES IN KAZAKHSTAN

Maral Kaliyeva¹, Nurbek Pussyrmanov², Anara Gabdullina³

¹Chief Researcher of the Institute of State History, Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Political Science, Associate Professor, (Astana, Kazakhstan), e-mail: mkaliyeva23@gmail.com

^{2*}Director of the Institute of State History Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, PhD, (Astana, Kazakhstan), e-mail: nurbekp89@gmail.com

³Candidate of Historical Sciences, (Astana, Kazakhstan), e-mail: agastana77@gmail.com

Abstract. This paper explores the relevance of the formation of a new worldview paradigm in the analysis of conceptual provisions on the issues of

statesmanship, further liberalization of the political system, de-monopolization of the economy, and socialization of citizens in the modernization process in Kazakhstan. Considerable attention has been given to the study of political figures in the new context of social and political partnerships. There are characteristics, idiosyncrasies and distinctive features in the context of the development of a multi-ethnic society are revealed. The study's conclusions point to the importance of media tools as part of the technology of political action and emphasize the important place of mass media and communication at the level of contemporary political activity. The results of this paper will help develop new directions in image technology for political activism.

Keywords: *democracy, state, politician, modernization process, image, political party, society.*

Введение

Как показывает современная практика, политические деятели могут оказывать влияние на ход исторических событий и явлений, способствовать ускорению или замедлению общественных процессов, организовывать жизнедеятельность социума в интересах решения конкретных задач и достижения общенациональных целей. Для них важно генерировать новые идеи, понимать ценность времени, нести ответственность за настоящее и будущее страны. Цифровые технологии, PR-коммуникации и рекламистика всесторонне и оптимально используются в процессе формирования и продвижения имиджа политических деятелей.

Соответственно, реформирование политической системы и широко-масштабные преобразования в обществе определяют потребность в новом подходе к исследованию имиджа политических деятелей. Важно и необходимо учитывать влияние геополитических и общенациональных факторов на модернизационные процессы, поэтому политические деятели призваны регулярно демонстрировать населению свой высокий уровень репутации и приверженность к демократическим ценностям.

Данная статья определяет актуальность и важность комплексного подхода в исследовании имиджа политических деятелей в условиях модернизации и трансформации общества. Значимую группу источников составляют Послания Главы государства народу Казахстана, программные документы политических партий, архивные материалы, статистические данные, анализ которых способствует раскрытию тенденций и факторов формирования имиджа политических деятелей.

Методология исследования

В работе взаимосвязанно использованы неинституциональный, структурно-функциональный, конкретно-исторический методы, принципы сравнительного и системного анализа.

Неинституциональный метод дает возможность выявить и проанализировать специфику имиджа политических деятелей в контексте функционирования различных политических институтов в системе современных модернизационных процессов.

Структурно-функциональный метод позволяет раскрыть характерные

черты имиджа политических деятелей на институциональном, ценностном и поведенческом уровнях, провести анализ тенденций его развития в рамках социально-политической динамики общества.

Конкретно-исторический метод определяет актуальность изучения политических явлений и событий во взаимосвязи и взаимодействии с окружающей средой, выявляет необходимость учета всех условий формирования имиджа политических деятелей.

Принципы сравнительного анализа позволяют охарактеризовать общее и особенное в имидже политических деятелей. В частности, были проанализированы базовые стратегии предвыборных Программ политических партий в ходе внеочередных выборов в Мажилис Парламента Республики Казахстан в марте 2023 года, что дало возможность раскрыть основные направления ценностной платформы политических деятелей – лидеров политических партий.

Принципы системного анализа выявляют коэволюционный характер взаимосвязи институциональных и социокультурных составляющих трансформации общества, что важно для осмысления роли и значимости имиджа политических деятелей в системе современных модернизационных процессов в Казахстане.

Результаты исследования и их обсуждение

Проблема имиджа политических деятелей является предметом междисциплинарных исследований. Каждая из социально-гуманитарных областей науки вносит собственный вклад в ее комплексную разработку. Актуально исследовать роль политических деятелей в достижении социального прогресса и развитии национальной государственности. В своем выступлении на втором заседании Национального курултая «Әділетті Қазақстан – Адал азамат» в Туркестане 17 июня 2023 года Глава государства подчеркнул, что «нам следует определить единый ряд выдающихся фигур в истории нашего народа. Они станут одним из ключевых «маркеров» нашей общенациональной идентичности внутри страны и за рубежом» [1]. Роль и место политических деятелей в истории для каждого поколения всегда остается актуальной, носит системный, интеграционный характер. Значительное место в раскрытии данной проблемы занимает персоналистская парадигма. Политические деятели действуют в конкретных условиях, в определенной социально-экономической среде, что, в целом, оказывает влияние на их мысли и действия. Появление выдающихся деятелей выступает результатом взаимодействия множества объективных и субъективных факторов исторического процесса.

Существенное значение в изучении имиджа политических деятелей имеют теоретические концепции лидерства и институционализации власти, воззрения известных мыслителей, в частности, английского мыслителя XIX века Томаса Карлейля. Он полагал: «Все, содеянное в этом мире, представляет, в сущности, внешний материальный результат, практическую реализацию и воплощение мыслей, принадлежавших великим людям, посланным в наш мир. История этих последних составляет поистине душу всей мировой истории» [2, 7]. Т. Карлейль вывел тезис о том, что ход истории во многом определяется деятельностью великих исторических личностей.

Определенный вклад в изучение теории личности внесли работы таких представителей социально-психологической школы, как Э. Дюркгейм [3], Г. Лебон [4], К.Г. Юнг [5], З. Фрейд [6].

В трудах западных исследователей подчеркивается актуальность рассмотрения роли и места политических деятелей в демократическом обществе. Так, американский исследователь политического имиджмейкинга Дж. Наполитан анализировал технологию формирования имиджа политического деятеля в аспектах проведения избирательных кампаний [7]. Английский исследователь П. Берд представил свое видение понятия «имидж» в сравнении с понятиями «образ» и «стереотип» [8]. Французский специалист по избирательным технологиям Ж. Сегела сформулировал универсальные положения по созданию успешного имиджа политического деятеля [9]. П. Бурдьё в своей работе «Социология политики» изложил аспекты взаимоотношений лидера и избирателей в контексте социологической составляющей [10]. Автор К. Манхейм проводит анализ деятельности политика и показывает особенности формирования его сознания [11]. По мнению У.Липпманна, некоторые политические деятели под воздействием общественного мнения отдают предпочтение проведению популярных мер, а не остро необходимых для социума [12].

Казахстанские ученые уделяют большое внимание вопросам разработки методологии исследования исторических событий и явлений, в рамках которой также рассматривалась роль выдающихся деятелей в развитии общества. Важное место занимает фундаментальный труд академика М.К. Козыбаева «Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана (Избранные труды)», в котором раскрыты значимость, содержание и сущность теоретико-методологического исследования в осмыслении и изучении истории Казахстана [13]. Известные ученые А. Кузембайулы и Е.А. Абиля в своей работе «Разработка М.К. Козыбаевым методологических проблем истории» подчеркивают: «Слабо разработанной М.К. Козыбаев считал проблему создания исторических портретов видных деятелей прошлого, внесших большой вклад в развитие государства и его экономики и культуры. В портретных характеристиках, созданных при советском режиме и в постсоветские годы, преобладают элементы стандартизации, стереотипные определения и оценки их деятельности, отсутствует раскрытие и научный анализ индивидуальных психологических черт личности, считал ученый» [14,16].

Политические процессы тесно взаимосвязаны с социокультурными ценностями, оказывающими широкое влияние на формирование мировоззрения политических деятелей. Теоретико-методологические аспекты изучения историко-культурного наследия традиционного общества рассмотрены в публикации М.С. Джангужиева и Г.К. Жапековой. Авторы провели анализ взаимного усвоения народами этнических традиций [15].

Особо следует выделить монографию К.К. Абуева и Г.К. Жапековой, посвященную общественно-политической деятельности Губайдуллы Уалиханова. Работа выделяется системным подходом и глубокой характеристикой социально-политических аспектов становления исторической личности: «В условиях современного независимого Казахстана подход к оценке роли личности в истории претерпел существенное изменение, в частности, дела-

ется акцент на человека в истории, на «его характер, проблемы повседневной жизни, превратности судьбы и обстоятельств». Преимущество данного концепта в том, что он позволяет через биографию того или иного известного деятеля яснее понять время, народ, страну, эпоху» [16, 4]. Исследователи раскрывают исторические условия социализации личности Губайдуллы Уалиханова и его роль в политических преобразованиях в первой половине XIX века.

Формирование имиджа политических деятелей на современном этапе развития независимого Казахстана взаимосвязано с вопросами выстраивания системного диалога между властью и обществом. Анализу основных каналов коммуникации и обратной связи между гражданами и государством посвящена монография Института Евразийской интеграции «Практики «слушающего государства»: механизмы, инструменты и направления развития». Авторы подчеркивают, что «принцип «слушающего государства» в данный момент – ключевой идеологический инструмент государства для работы с общественными ожиданиями как в реальном времени, так и в долгосрочной перспективе» [17, 8]. В коллективной монографии Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан «Казахстан-2023: тенденции настоящего и контуры будущего» рассмотрены содержание и сущность осуществляемых социально-политических реформ. Авторы отмечают, что «сложный комплекс глобальных изменений в международной политике и мировой экономике, в устройствах политических систем самих государств, многоуровневых трансформаций их обществ формирует глобальный контекст, в котором находится Казахстан. Этот контекст накладывается на масштабные внутренние изменения и трансформацию политической системы и самого общества, что создает уникальную природу процессов, происходящих в нашей стране» [18, 8].

Отдельного внимания заслуживают научные форумы, на диалоговых площадках которых раскрываются различные аспекты вклада известных деятелей в историко-политическое развитие общества. Так, в декабре 2022 года в библиотеке Аль-Фараби КазНУ имени Аль-Фараби состоялась конференция по теме «Исторические личности - память страны», посвященная 110-летию видного государственного деятеля Динмухаммеда Ахметовича Кунаева [19]. В феврале 2024 года в Евразийском национальном университете имени Л.Н. Гумилева прошла республиканская конференция «Личность Бердибека Сапарбаева» [20].

Анализ научных изданий показывает, что политические деятели занимают одно из основополагающих мест в развитии национальной государственности. Согласие основной части граждан относительно норм, ценностей и форм модернизации общества является фундаментальной основой демократического транзита. Для политических деятелей актуально признание большинством социума значимости выработанных ими идейно-политических целей и программ. Казахстан – полиэтничное государство, что определяет значимость и необходимость формирования, сохранения и укрепления толерантных отношений и гражданского мира в стране. Так, анализ материалов и документов из фондов Архива Президента Республики Казахстан, Государственных архивов Атырауской, Костанайской и Мангистауской областей дает возможность выявить, что в первые годы неза-

висимости вопросы развития межэтнического согласия занимали важное место в становлении технологий политической деятельности. Так, в 1995 году в Обращении представителей национально-культурных центров Атырауской области ко всем гражданам и избирателям республики было отмечено: «Мы за необратимость политической стабильности, последовательного развития демократических преобразований в Казахстане – в нашей общей родине» [21]. В сложных условиях переходного периода значительное внимание уделялось сохранению спокойствия в обществе.

1997 год был объявлен Президентом страны Годом общенационального согласия и памяти жертв политических репрессий. В этом формате, например, проводился фестиваль-конкурс «Мой родной край» в Костанайской области, цель которого заключалась в том, чтобы «показать республику как единую мать – Родину для всех проживающих на ее территории людей, посредством народного творчества раскрыть красоту родного края, его природы, почтить память жертв политических репрессий» [22]. В дальнейшем, 1998 год стал Годом народного единства и национальной истории, что было направлено на реализацию долгосрочного приоритета Стратегии «Казахстан - 2030» по сохранению и укреплению внутривнутриполитической стабильности и консолидации общества. 1999 год был провозглашен Годом единства и преемственности поколений. Мероприятия, проводимые в его рамках, способствовали «обеспечению поддержки, социальной защиты старшего поколения, всех слоев населения, преемственности и консолидации поколений на фоне проводимых реформ» [23]. В данный период в Атырауской области отмечали 60-летний юбилей известного государственного и общественно-политического деятеля, народного писателя, Государственного секретаря РК Абиша Кекилбаева. Он был широко известен в Казахстане, его почитали как «мудрого проповедника идей общественного согласия, преемственности поколений» [24].

В полиэтническом обществе большое значение имеет солидарность взглядов и мировоззрения населения по содержанию и технологиям реализуемых реформ, что оказывает существенное воздействие на имидж политических деятелей. В частности, на IX сессии Костанайской областной ассамблеи, проходившей 21 апреля 1997 года, была подчеркнута важность развития малого и среднего бизнеса, поддержки частного предпринимательства, открытия новых рабочих мест [25]. Также примечательно, что в Плане мероприятий по трудоустройству кандасов (оралманов) по Мангистуской области на 2000 год особое внимание уделялось решению социально-экономических задач, были обозначены следующие мероприятия: «Открытие новых рабочих мест на предприятиях и организациях области. Обучение специальностям и переквалификация оралманов. Содействие и создание условий для индивидуальной трудовой деятельности оралманов, возрождение национальных ремесел. Содействие в предоставлении места торговли на рынках г.Актау. Выделение микрокредитов для предпринимательства» [26]. В 2000 году Министерство культуры, информации и общественного согласия подготовило мероприятия по реализации идей и предложений, высказанных Президентом РК и участниками на VI сессии Ассамблеи народа Казахстана, анализ которых показывает, что развитие межэтнического согласия являлось важной задачей государственной политики, было тесно

взаимосвязано с социальной коммуникацией в обществе [27].

В Казахстане происходят социально-политические и экономические преобразования, затрагивающие всю систему базовых ценностей. Актуально формирование новой мировоззренческой парадигмы об имидже политических деятелей, их роли в развитии общества. Исследователь Л.Е. Гринин полагает: «Исторические события не являются предопределенными, поэтому будущее имеет множество альтернатив» [28, 3]. Необходима разработка надежного и устойчивого диагностического инструментария, позволяющего дать разностороннюю оценку вкладу политических деятелей в историческое продвижение страны.

Следует отметить, что имидж политических деятелей в системе современных модернизационных процессов имеет свои особенности. В частности, речь идет об их соответствии определенному уровню образования, интеллекта и активном участии как кандидатов на выборную должность в избирательном процессе. Весомы и важны действия социально активной личности в формате трансформации общества. Исследование имиджа политических деятелей позволяет углубленно анализировать содержание и сущность осуществляемых демократических преобразований и реформ.

Имидж политических деятелей в обществе проявляется в ходе конкретных событий и процессов. В данном контексте следует выделить такие критерии оценки их вклада в развитие страны, как: последовательная деятельность в соответствии с интересами национальной государственности и народа Казахстана; активное участие в решении конфликтных ситуаций и проблемных задач в условиях турбулентности глобального мира; достоинства и индивидуально-личностные характеристики; целостность поступков, действий и мотивов поведения.

В аспектах построения Справедливого Казахстана мотивы повышения благополучия и качества жизни населения приобретают существенный характер. Поэтому социальная модель изучения имиджа политических деятелей актуальна, имеет теоретико-прикладной характер и представляет собой определенную последовательность действий в соответствии с концептуальными основами развития страны, заложенными в ежегодных Посланиях Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана с 2019 по 2024 годы. Проведенный анализ свидетельствует о том, что в них прослеживается логическая линия поэтапного развития независимого государства, системно изложены основные направления укрепления национальной государственности и социокультурных ценностей демократии. Большое значение имеет принятый курс на постепенное и неуклонное осуществление политической трансформации в интересах всего общества. Это новый формат продвижения к демократии, неотъемлемой частью которой является реализация концепции «Слышащего государства», направленной на своевременное, оперативное и эффективное реагирование на запросы граждан. Такой посыл способствует росту активности социума, повышению ответственности государственных органов за положительное решение поставленных задач. Концепция «Слышащего государства» затрагивает ключевые вопросы выстраивания системного диалога между властью и обществом, укрепления основных каналов коммуникации и обратной связи между гражданами и государством.

Новый вектор политической и социально-экономической модернизации страны направлен на повышение благосостояния населения. Значительный импульс углублению социального характера государственной политики придает новый экономический курс страны, основным лейтмотивом которого является созидание справедливого общества.

Современные модернизационные процессы отличаются большим своеобразием, испытывают воздействие множества факторов. Их основной направленностью является тезис: «Политический плюрализм содействует развитию и укреплению государства эволюционным путем» [29]. Новое понимание системы и динамики её развития выявляет актуальность изучения профессиональных и человеческих качеств политических деятелей, особенностей и характерных черт их взаимодействия с различными социальными группами. Политические деятели призваны мыслить на государственном уровне, проявлять компетентность и оперативность в своевременном принятии решений.

Дальнейшая демократизация страны связана с Конституционной реформой 2022 года. В период трансформации происходит реализация политических реформ, утверждение системы правовых институтов и новой парадигмы социальной политики. Активные политические изменения способствуют обновлению механизмов государственного управления, эффективному взаимодействию власти и общества. Необратимый характер модернизационного курса предполагает формирование воззрений, ментальности и культуры поведения социума в условиях концептуальных преобразований. Чем выше уровень экономического роста, тем больше возможностей у граждан углублять и поддерживать демократию.

В новых условиях цифровых технологий политические деятели активно используют социальные сети в процессе общения с населением. Их деятельность отражена в медиапространстве, под воздействием которого в определенной степени формируется общественное мнение. Граждане воспринимают имидж политических деятелей, создаваемый средствами массовой информации и коммуникации на основе определенных социально-политических, психологических, морально-нравственных свойств.

Тенденции развития общества накладывают свой отпечаток на формирование имиджа политических деятелей, дают возможность ощутить дух времени. Помимо имиджа отдельных политических деятелей особое значение в условиях реформ приобретают институты. В этой связи на уровне практического опыта важное место занимает избирательная система. В частности, во внеочередных выборах в Мажилис Парламента Республики Казахстан 19 марта 2023 года принимали участие различные политические партии. 27 марта 2023 года Центральная избирательная комиссия (ЦИК) объявила окончательные итоги выборов в Мажилис, согласно которым 5-ти % (пятипроцентный) барьер сумели преодолеть шесть политических партий. Таким образом, мандаты в нижнюю палату Парламента страны распределелись в следующей последовательности: за Партию «Аманат» отдали свои голоса 3431510 человек, т.е. 53,9% избирателей, что обеспечило ей наибольшее количество мест – 40; Народно-демократическая патриотическая партия «Ауыл» получила 8 мандатов, набрав 693938 голосов, т.е. 10,9%; Партия Respublica имеет 547154 голосов, т.е. 8,59%, – 6 мандатов;

Демократическая партия Казахстана «Ақ жол» также получила 6 мандатов, за нее проголосовали 535139 избирателей, т.е. 8,41%; за Народную партию Казахстана (НПК) проголосовали 432920 избирателей, т.е. 6,8%, что дало ей 5 мест; Общенациональная социал-демократическая партия (ОСДП) обеспечила себе 4 мандата, получив 331058 голосов, т.е. 5,2% [30].

Анализ программных документов показывает, что политические деятели-лидеры партий уделяют большое внимание концептам социальной политики и социальной защиты населения, что, в совокупности, составляет общую направленность развития справедливого общества. Так, политическая платформа партии «Amanat» определяет приоритетность интересов социума: «Наша партия защищает права и свободы каждого человека. Наша партия объединяет людей с едиными ценностями, общим пониманием будущего, отстаивающих национальные интересы. Наша партия не дублирует государственные функции, но всегда реагирует на запросы общества и предлагает эффективные решения» [31].

В Программе Народно-демократической патриотической партии «Ауыл» раскрыты главные направления ее деятельности: «Наша основная цель – это построение независимого, сильного, и процветающего Казахстана, с высоким уровнем жизни всех казахстанцев. Наши фундаментальные ценности – это независимость, патриотизм, справедливость, равноправие и солидарность. Независимость – это главная ценность и богатство нашего государства и народа. Будущее успешное развитие страны возможно лишь при дальнейшем укреплении ее независимости» [32].

Существенный интерес представляет идеологическая платформа Партии Respublica, в которой обозначено, что «истинным богатством страны являются люди, человеческий капитал, инвестиции в который возвращаются в виде квалифицированной рабочей силы, развитых отраслей экономики, экономического роста страны», также отмечена роль и ответственность таких общественных институтов, как семья, государство, бизнес, в развитии высокого уровня человеческого капитала [33].

В Программе Демократической партии Казахстана «Ақ жол» «Перемены неизбежны!» изложены концептуальные направления ее деятельности. Значительное место занимают аспекты развития Независимости, национальных интересов, государственности: «Мы рассматриваем политическое наследие «Алаш» как идею национальной модернизации Казахстана и будем настойчиво продвигать её ценности в государственном строительстве, экономике и обществе» [34]. Подчеркивается важная роль социальной составляющей в жизни общества.

В предвыборной Программе Народной партии Казахстана (НПК) «За страну! За землю! Власть – народу!» существенное значение придается улучшению качества жизни социума в направлении «Каждой семье – защите государства». В данный блок входят такие ключевые основы, как бесплатная медицина и бесплатное образование, поддержка многодетных матерей, матерей с неполными семьями и матерей детей-инвалидов, поддержка молодежи и молодых семей [35].

В Программе Общенациональной социал-демократической партии (ОСДП) «Социал-демократия – путь 21 века!» подчеркивается важность такого универсального показателя, как Стандарт качества жизни казахстан-

цев, который «включит в себя потребность человека в полноценном питании, одежде, лекарствах, коммунальных услугах, получении информации, отдыхе – и будет нацелен на достижение передовых мировых показателей продолжительности жизни, здоровья, доступности всех основных благ цивилизации!» [36].

Таким образом, в Программных документах политических партий подчеркивается необходимость выражения интересов различных социальных слоев, что важно в период трансформации общества. Политические деятели – лидеры партий играют большую роль во взаимодействии общества и человека, в качестве первоочередных задач заявляют о важности повышения благосостояния и благополучия социума, большое внимание уделяют положительному восприятию своего имиджа со стороны электората.

Продуктивное решение стоящих перед страной задач требует от политических деятелей активной жизненной, социальной и гражданской позиции, ответственности, сильной политической воли и харизмы. При этом крайне важно, чтобы их влияние и вклад в развитие общества и государства носили позитивный характер, имели эволюционную динамику и определяли приоритетность правового поля. В Выступлении Главы государства на третьем заседании Национального курултая «Адал адам – Адал еңбек – Адал табыс» 15 марта 2024 года в г. Атырау выражено основное направление модернизации и трансформации общества: «Политические реформы реализуются посредством законодательных и институциональных преобразований» [37]. Концепция «Слышащего государства» оказывает существенное воздействие на изменение культуры «взаимодействия между обществом и властными структурами. Появилось достаточное количество действенных механизмов выражения мнений и различных диалоговых площадок. Нормой стало прямое общение государственных служащих с гражданами» [38].

В условиях дальнейшей демократизации и либерализации общества имидж политических деятелей выявляет значимость таких умений, как всесторонне коммуницировать в политической среде и социуме, эффективно решать общенациональные проблемы. Для них важно располагать опытом и практикой государственной и общественно-политической деятельности, знанием административно-управленческого процесса, высоконравственными личными достоинствами; важно проявлять толерантное отношение ко всем этносам и религиям в обществе.

Выводы

Исследование имиджа политических деятелей требует комплексного, всестороннего анализа, имеет большую актуальность в системе современных модернизационных процессов в Казахстане. Политические деятели оказывают существенное воздействие на реальную действительность, влияют на выработку, ход и перспективу стратегического продвижения страны. Демократическая система дает широкую возможность людям проявить свои творческие и профессиональные способности. В реалиях XXI века политические деятели призваны учитывать тенденции и аспекты развития полиэтнического общества, оптимально решать задачи по улучшению качества жизни граждан. Анализ имиджа политических деятелей выявляет их общественно-политическую и социальную роль в

построении Справедливого Казахстана.

Результаты проведенного исследования расширяют возможности осмысления и современного прочтения имиджа политических деятелей, определяют проблемное поле новых концептуально-теоретических разработок, могут быть применены в области политического консалтинга и менеджмента, аналитико-исследовательской работы и научно-образовательной деятельности.

Статья подготовлена в рамках научного проекта (BR21882308) программно-целевого финансирования «Эволюция политических институтов и структур в истории Казахстана (XIX–XXI вв.)».

Список литературы

1. Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на втором заседании Национального курултая «Әділетті Қазақстан – Адалазамат». 17 июня 2023 года, г. Туркестан. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-vtorom-zasedanii-nacionalno-go-kurultayaadiletti-kazakstan-adal-azamat-175233>
2. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории / Томас Карлейль. – М.: Эксмо, 2008. – 864 с. – (Антология мысли).
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1990. – 575 с.
4. Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб.: Макет, 1995. – 311 с.
5. Юнг К.Г. Человек и его символы. – СПб.: Б.С.К., 1996. – 454 с.
6. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. – М.: Наука, 1991. – 456 с.
7. Наполитан Дж. Электоральная игра. – М.: НикколоМ., 2002. – 400 с.
8. Bird P. Sell yourself. Persuasive tactics to boost your image. – London, 1994. – 320 p.
9. Сегела Ж. Национальные особенности охоты за голосами. – М.: Вагриус, 1999. – 264 с.
10. Бурдые П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
11. Манхейм К. Идеология и утопия. – М.: Юристъ, 1994. – 704 с.
12. Walter Lippmann's Public Opinion Revisited Public Opinion, by Walter Lippmann. – New Brunswick (NJ): Transaction Publishers, 1991. – 427 pp.
13. Козыбаев М.К. Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана (Избранные труды). – Алматы, 2006. – С. 22.
14. Абиль, Е.А., Кузембайулы, А. Разработка М.К. Козыбаевым методологических проблем истории. – Вестник КГПИ. – 2017. – №1 (45). – С. 14-17.
15. Джангужиев М.С., Жапекова Г.К. Тарихи-мәдени мұра зерделеудің теориялық-әдіснамалық аспектілері. – БҚМУ Хабаршы. – 2019. – №1. – Б.324-331.
16. Абуев К. К., Жапекова Г. К. Губайдулла Уалиханов: жизнь и общественно-политическая деятельность. Монография. – Павлодар: Кереку, 2017. – 169 с.
17. Практики «слышащего государства»: механизмы, инструменты и направления развития: монография / под общ. ред. У. Сельтеева. – Нур-Султан: Институт Евразийской интеграции, 2021. – 220 с.
18. Казахстан-2023: тенденции настоящего и контуры будущего. Коллективная монография. – Астана: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2023. – 294 стр.
19. Исторические личности – память страны 26 декабрь 2022 г. – URL: <http://edunews.kz/ru/sciense/2592-ly-tla-donaeva-arnalan-mereytoyly-sshalaraldy-orytyndy-zhiyny-ty.html>

20. В ЕНУ состоялась республиканская конференция «Личность БердибекаСапарбаева» 16.02.2024. – URL: <https://enu.kz/ru/news/1431>
21. Государственный архив Атырауской области. Ф.355. Оп.1. Д.35. Л.25.
22. Государственный архив Костанайской области. Ф.917. Оп.1. Д.25. Св.1. Л.6.
23. Государственный архив Атырауской области.Ф.446. Оп.1. Д.19. Л.6.
24. Государственный архив Атырауской области. Ф.446. Оп.1. Д.19. Л.7.
25. Государственный архив Костанайской области. Ф.917. Оп.1. Д.37. Св.2. Л.4.
26. Государственный архив Мангистауской области. Ф.568. Оп.1. Д.45. Л.18-19.
27. Архив Президента Республики Казахстан. Ф.5Н. Оп.6/2. Д.2281. Л.41-49.
28. Гринин, Л.Е. Личность в истории: Современные подходы / Л.Е. Гринин // История и современность. – 2011. – № 1. – С. 3-40.
29. «Независимость превыше всего» – статья Президента Касым-ЖомартаТокаева. 05 января 2021 г. – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-berlin/press/news/details/143121?lang=ru&fbclid=IwAR2y_KP35ePfk1BsjeFJKSBixt4DLH0uAQoXz_1tuu_Wbjim2e8e7DtcuU
30. ЦИК объявил окончательные итоги выборов в Мажилис. – URL: <https://www.zakon.kz/politika/6388260-tsik-obyavil-okonchatelnye-itogi-vyborov-v-mazhilis.html>
31. Политическая платформа партии «Аманат». – URL: <https://amanatpartiasy.kz/news/news-detail/296021?lang=ru>
32. Программа НДПП «Ауыл» // URL: <https://auyl.kz/project/6/>
33. Идеологическая платформа партии «Respublica». – URL: <https://respublica-partiyasy.kz/doc/ru/.pdf>
34. Перемены неизбежны! Политическая программа Демократической партии «Ак жол». – URL: <https://akzhol.kz/ru/program>
35. Предвыборная программа Народной партии Казахстана «За страну! За землю! Власть – народу!». – URL: <https://halykpartiyasy.kz/ru/programma>
36. Социал-демократия – путь 21 века! Программа Общенациональной социал-демократической партии (ОСДП). – URL: <https://osdp.kz/storage/app/media/docs/programma.pdf>
37. Выступление Главы государства К. Токаева на третьем заседании Национального курултая «Адал адам – Адал еңбек – Адал табыс» 15 марта 2024 года. – URL: <https://akorda.kz/ru/vystuplenieglavy-gosudarstva-ktokaevana-tremem-zasedaniinacionalnogo-kurultaya-1525116>
38. Послание Главы государства Касым-ЖомартаТокаева народу Казахстана «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм» 2 сентября 2024 г. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-spravedlivyy-kazahstan-zakon-i-poryadok-ekonomicheskij-rost-obshchestvennyy-optimizm-285014>

References

1. Vystuplenie Glavy gosudarstva Kasym-ZhomartaTokaeva na vtorom zasedanii Nacional'nogo kurultaya «Әдилетті Қазақстан – Адалазамат» [Speech by Head of State Kassym-Jomart Tokayev at the second meeting of the National Kurultai "Әдилетті Қазақстан – Адал азамат"]. 17 iyunya 2023 goda, g. Turkestan. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-vtorom-zasedanii-nacionalnogo-kurultayaadiletiti-kazakistan-adal-azamat-175233>
2. Karlejl' T. Geroy, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii [Heroes, hero-worship, and the heroic in history] / Tomas Karlejl'. – М.: Eksmo, 2008. – 864 s. – (Antologiya mysli).
3. Dyurkgejm E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii [The division of labor in society. The method of sociology]. – М.: Nauka, 1990. - 575 s.
4. Lebon G. Psihologiya narodov i mass [The psychology of peoples and masses]. – SPb.: Maket, 1995. – 311 s.
5. Yung K.G. Chelovek i ego simvoly [Man and his symbols]. – SPb.: B.S.K., 1996.

- 454 s.
6. Frejd Z. Vvedenie v psihoanaliz. Lekcii [Introduction to psychoanalysis. Lectures]. – M.: Nauka, 1991. – 456 s.
  7. Napolitan Dzh. Elektoral'naya igra [The electoral game]. – M.: NikkoloM., 2002. – 400 s.
  8. Bird R. Sell yourself. Persuasive tactics to boost your image. – London, 1994. – 320 p.
  9. Segela Zh. Nacional'nye osobennosti ohoty za golosami [National features of the hunt for votes]. – M.: Vagrius, 1999. – 264 s.
  10. Burd'e P. Sociologiya politiki [Political sociology]. – M.: Socio-Logos, 1993. – 336 s.
  11. Manhejm K. Ideologiya i utopiya [Ideology and utopia]. – M.: Yurist", 1994. – 704 s.
  12. Walter Lippmann's Public Opinion Revisited Public Opinion, by Walter Lippmann. – New Brunswick (NJ): Transaction Publishers, 1991. – 427 pp.
  13. Kozybaev M.K. Problemy metodologii, istoriografii i istochnikovedeniya istorii Kazahstana (Izbrannye trudy) [Problems of methodology, historiography, and source studies of Kazakhstan's history (Selected works)]. – Almaty, 2006. – S. 22.
  14. Abil', E.A., Kuzembajuly, A. Razrabotka M.K. Kozybaevym metodologicheskikh problem istorii [M. K. Kozybaev's development of methodological problems in history]. – Vestnik KGPI. – 2017. – №1 (45). – S. 14-17.
  15. Dzhanguzhev M.S., Zhapekova G.K. Tarihi-mädeni mұra zerdeleudiң teoriyalıq-ēdisnamalyq aspektleri [Theoretical and methodological aspects of historical and cultural heritage research]. – BKMU Habarshy. – 2019. – №1. – B.324-331.
  16. Abuev K. K., Zhapekova G. K. GubajdullaUalikhanov: zhizni i obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' [Gubaydulla Ualikhanov: Life and socio-political activity]. Monograph. – Pavlodar: Kereku, 2017. – 169 s.
  17. Praktiki «slyshashchego gosudarstva»: mekhanizmy i napravleniya razvitiya: monografiya [Practices of a "listening state": Mechanisms, tools, and directions of development. Monograph] / pod obshch. red. U. Sel'teeva. – Nur-Sultan: Institut Evrazijskoj integracii, 2021. – 220 s.
  18. Kazahstan-2023: tendencii nastoyashchego i kontury budushchego. Kollektivnaya monografiya [Kazakhstan-2023: Trends of the present and contours of the future. Collective monograph]. – Astana: Kazahstanskij institut strategicheskikh issledovanij pri Prezidente RK, 2023. – 294 str.
  19. Istoricheskie lichnosti – pamyat' strany [Historical figures – memory of the country] 26 dekabr' 2022 g. – URL: <http://edunews.kz/ru/sciense/2592-ly-tladonaeva-arnalan-mereytoyly-ssharalardy-orytyndy-zhiyny-t.html>
  20. V ENU sostoyalas' respublikanskaya konferenciya «Lichnost' BerdibekaSaparbaeva» [Republican conference "The personality of Berdibek Saparbayev" held at ENU] 16.02.2024. – URL: <https://enu.kz/ru/news/1431>
  21. Gosudarstvennyj arhiv Atyrauskoj oblasti [State Archives of Kazakhstan]. F.355. Op.1. D.35. L.25.
  22. Gosudarstvennyj arhiv Kostanajskoj oblasti [State Archives of Kazakhstan]. F.917. Op.1. D.25. Sv.1. L.6.
  23. Gosudarstvennyj arhiv Atyrauskoj oblasti [State Archives of Kazakhstan]. F.446. Op.1. D.19. L.6.
  24. Gosudarstvennyj arhiv Atyrauskoj oblasti [State Archives of Kazakhstan]. F.446. Op.1. D.19. L.7.
  25. Gosudarstvennyj arhiv Kostanajskoj oblasti [State Archives of Kazakhstan]. F.917. Op.1. D.37. Sv.2. L.4.
  26. Gosudarstvennyj arhiv Mangistauskoj oblasti [State Archives of Kazakhstan]. F.568. Op.1. D.45. L.18-19.
  27. Arhiv Prezidenta Respubliki Kazahstan [State Archives of Kazakhstan]. F.5N. Op.6/2. D.2281. L.41-49.
  28. Grinin, L.E. Lichnost' v istorii: Sovremennye podhody [Personality in history: Modern approaches. History and Modernity] / L.E. Grinin // Istoriya i sovremennost'. – 2011. – № 1. – S. 3-40.
  29. «Независимость превыше всего» – статья Президента Касым-ЖомартаТокаева. 05 января 2021 г. – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-berlin/press/news/details/143121?lang=ru&fbclid=IwAR2y_KP35e

- pFkk1BsjeFJKSBixt4DLH0uAQoXz_1tuu_Wbjim2e8e7DtcuU
30. CIK ob"yavil okonchateľnye itogi vyborov v Mazhilis [CEC announced final results of elections to the Mazhilis]. – URL: <https://www.zakon.kz/politika/6388260-tsik-obyavil-okonchateľnye-itogi-vyborov-v-mazhilis.html>
  31. Politicheskaya platforma partii «Amanat» [Political platform of the Amanat Party]. – URL: <https://amanatpartiasy.kz/news/news-detail/296021?lang=ru>
  32. Programma NDPP «Auy!» [NDPP "Auy!" Program] // URL: <https://auyl.kz/project/6/>
  33. Ideologicheskaya platforma partii «Respublica» [Ideological platform of the Respublica Party]. – URL: <https://respublica-partiyasy.kz/doc/ru/.pdf>
  34. Peremeny neizbezhny! Politicheskaya programma Demokraticheskoj partii «Ak zhol» [Changes are inevitable! Political program of the Democratic Party "Ak zhol"]. – URL: <https://akzhol.kz/ru/program>
  35. Predvybornaya programma Narodnoj partii Kazahstana «Za stranu! Za zemlyu! Vlast' – narodu!» [Election program of the People's Party of Kazakhstan "For the country! For the land! Power to the people!"]. – URL: <https://halykpartiyasy.kz/ru/programma>
  36. Social-demokratiya – put' 21 veka! Programma Obshchenacional'noj social-demokraticheskoj partii (OSDP) [Social democracy – the way of the 21st century! Program of the National Social Democratic Party (OSDP)]. – URL: <https://osdp.kz/storage/app/media/docs/programma.pdf>
  37. Vystuplenie Glavy gosudarstva K. Tokaeva na tret'em zasedanii Nacional'nogo kurultaya «Adaladam – Adaleñbek – Adaltabys» [Speech by Head of State Kassym-Jomart Tokayev at the third meeting of the National Kurultai "Fair Man – Fair Labor – Fair Income"] 15 marta 2024 goda. – URL: <https://akorda.kz/ru/vystuplenieglavy-gosudarstva-ktokaevana-tretem-zasedaniinacionalnogo-kurultaya-1525116>
  38. Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-ZhomartaTokaeva narodu Kazahstana «Spravedlivyj Kazahstan: zakon i poryadok, ekonomicheskij rost, obshchestvennyj optimizm» [Address of the Head of State Kassym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan: "Fair Kazakhstan: Law and order, economic growth, social optimism".] 2 sentyabrya 2024 g. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-spravedlivyy-kazahstan-zakon-i-poryadok-ekonomicheskij-rost-obshchestvennyj-optimizm-285014>

Материал поступил в редакцию 22.01.2025

Утвержден к публикации 17.03.2025

THE PENITENTIARY SYSTEM OF CENTRAL ASIA: THE ROLE OF SOCIAL WORK AND HEALTHCARE IN THE CONTEXT OF REFORMS

Heino Stöver^{1*},
Dalida Mukasheva²

¹ Professor for Social Scientific Addiction Research at the Faculty of Health and Social Work at Frankfurt University of Applied Sciences in Frankfurt, Germany, e-mail: hstoever@fb4.fra-uas.de, ORCID 0000-0002-2456-2775

^{2*} PhD student at L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, e-mail: dalida.mukasheva@mail.ru, ORCID 0009-0009-7721-1221

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.1.003>

Abstract. The article «The penitentiary system of Central Asia: the role of social work and healthcare in the context of reforms» provides a comprehensive analysis of the current challenges and prospects for reforming social work and healthcare in the penitentiary institutions of Central Asia. The article examines critical issues such as prison overcrowding, high rates of infectious diseases, including HIV and tuberculosis, and the lack of attention to the needs of prisoners. Special emphasis is placed on the social rehabilitation of prisoners, which plays a key role in reducing recidivism and ensuring successful reintegration into society after release.

The research methodology is based on a comparative analysis of practices in various countries of the region, such as Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, and Tajikistan, and an assessment of the implementation of international standards, particularly the Nelson Mandela Rules. These standards, developed by the UN, aim to ensure respect for human rights in prisons and improve conditions of confinement. However, their implementation in Central Asian countries faces numerous obstacles, including political instability, lack of resources, and corruption.

The study results demonstrate certain successes in reforming the penitentiary system in some countries of the region, such as Kazakhstan, where the introduction of the probation system and modernization of medical facilities have contributed to reducing prison overcrowding and improving prisoners' conditions. Nevertheless, the article emphasizes the need for continued reforms and active implementation of international standards to ensure basic human rights and improve healthcare and social support for prisoners. The conclusion highlights that the successful reform of the Central Asian penitentiary system requires a comprehensive approach that includes improving infrastructure, strengthening international cooperation, and combating corruption.

Keywords: *Social work, penitentiary system, Central Asia, healthcare, reforms, human rights, HIV.*

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ПЕНИТЕНЦИОНАЛДЫҚ ЖҮЙЕСІ: РЕФОРМА КЕЗЕҢІНДЕГІ ӘЛЕУМЕТТІК ЖҰМЫС ЖӘНЕ ДЕНСАУЛЫҚ САҚТАУДЫҢ РӨЛІ

Хайно Штёвер¹, Далида Мұқашева^{2*}

¹ Франкфурт қолданбалы ғылымдар университетінің Денсаулық сақтау және әлеуметтік жұмыс факультетінің әлеуметтік ғылымдар және тәуелділікті зерттеу профессоры, Франкфурт-на-Майне, Германия, e-mail: hstoever@fb4.fra-uas.de, ORCID 0000-0002-2456-2775

^{2*} Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің әлеуметтану кафедрасының докторанты, Астана, Қазақстан, e-mail: dalida.mukasheva@mail.ru, ORCID 0009-0009-7721-1221

Аңдатпа. «Орталық Азияның пенитенциарлық жүйесі: реформа кезеңіндегі әлеуметтік жұмыс және денсаулық сақтаудың рөлі» мақаласы Орталық Азияның пенитенциарлық мекемелеріндегі әлеуметтік жұмыс пен денсаулық сақтауды реформалаудың ағымдағы мәселелері мен перспективаларын кешенді талдау болып табылады. Мақалада түрмелердің толып кетуі, жұкпалы аурулардың, соның ішінде АИТВ мен туберкулездің жоғары деңгейі және тұтқындардың қажеттіліктеріне жеткіліксіз назар аудару сияқты маңызды мәселелер қарастырылады. Тұтқындарды әлеуметтік оңалтуға ерекше назар аударылады, бұл қылмыстың қайталануын төмендетуде және бостандыққа шыққаннан кейін қоғамға табысты реинтеграциясын қамтамасыз етуде маңызды рөл атқарады.

Зерттеу әдістемесі Қазақстан, Қырғызстан, Өзбекстан және Тәжікстан сияқты аймақтың әртүрлі елдеріндегі тәжірибені салыстырмалы талдауға, сондай-ақ халықаралық стандарттарды, атап айтқанда Нельсон Мандела ережелерін енгізуді бағалауға негізделген. БҰҰ әзірлеген бұл стандарттар түрмелердегі адам құқықтарының сақталуын қамтамасыз етуге және тұтқындардың жазасын өтеу шарттарын жақсартуға бағытталған. Алайда, Орталық Азия елдерінде халықаралық стандарттарды енгізу көптеген кедергілерге, соның ішінде саяси тұрақсыздыққа, ресурстардың жетіспеушілігіне және сыбайлас жемқорлыққа тап болады.

Зерттеу нәтижелері аймақтың кейбір елдерінде, мысалы, пробация жүйесін енгізу және медициналық мекемелерді жаңғырту түрмелердің толып кетуін азайтуға және тұтқындардың жазасын өтеу жағдайларын жақсартуға ықпал еткен Қазақстанда пенитенциарлық жүйені реформалауда белгілі бір жетістіктерді көрсетеді. Дегенмен, мақалада адамның негізгі құқықтарын қамтамасыз ету және тұтқындарға медициналық көмек пен әлеуметтік қолдауды жақсарту үшін реформаларды жалғастыру және халықаралық стандарттарды белсенді енгізу қажеттілігі көрсетілген. Қорытындылай келе, Орталық Азияның пенитенциарлық жүйесін табысты реформалау үшін инфрақұрылымды жақсартуды, халықаралық ынтымақтастықты нығайтуды және сыбайлас жемқорлыққа қарсы күресті қамтитын кешенді тәсіл қажет екендігі көрсетіледі.

Түйін сөздер: *Әлеуметтік жұмыс, пенитенциарлық жүйе, Орталық Азия, денсаулық сақтау, реформалар, адам құқықтары, АИТВ.*

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ СИСТЕМА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ПЕРИОД РЕФОРМ

Хайно Штёвер¹, Далида Мукашева^{2*}

¹ Профессор в области социальных наук и исследований зависимостей на факультете здравоохранения и социальной работы Франкфуртского университета прикладных наук, Франкфурт-на-Майне, Германия, e-mail: hstoever@fb4.fra-uas.de, ORCID 0000-0002-2456-2775

^{2*} PhD докторант, специальность «Социология», Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан, e-mail: dalida.mukasheva@mail.ru, ORCID 0009-0009-7721-1221

Аннотация. Статья «Пенитенциарная система Центральной Азии: роль социальной работы и здравоохранения в период реформ» представляет собой комплексный анализ текущих проблем и перспектив реформирования социальной работы и здравоохранения в пенитенциарных учреждениях Центральной Азии. В статье рассматриваются такие критические вопросы, как переполненность тюрем, высокий уровень инфекционных заболеваний, включая ВИЧ и туберкулез, а также недостаточное внимание к нуждам заключенных. Особое внимание уделяется социальной реабилитации заключенных, которая играет ключевую роль в снижении рецидивной преступности и обеспечении успешной реинтеграции в общество после освобождения.

Методология исследования основана на сравнительном анализе практики в различных странах региона, таких как Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан, а также на оценке внедрения международных стандартов, в частности Правил Нельсона Манделы. Эти стандарты, разработанные ООН, направлены на обеспечение соблюдения прав человека в тюрьмах и улучшение условий отбывания наказания заключенных. Однако внедрение международных стандартов в странах Центральной Азии сталкивается с многочисленными препятствиями, включая политическую нестабильность, нехватку ресурсов и коррупцию.

Результаты исследования демонстрируют определенные успехи в реформировании пенитенциарной системы в некоторых странах региона, например в Казахстане, где введение системы пробации и модернизация медицинских учреждений способствовали снижению переполненности тюрем и улучшению условий отбывания наказания заключенных. Тем не менее, в статье подчеркивается необходимость продолжения реформ и активного внедрения международных стандартов для обеспечения основных прав человека и улучшения медицинского обслуживания и социальной поддержки заключенных. В заключении подчеркивается, что для успешного реформирования пенитенциарной системы Центральной Азии необходим комплексный подход, включающий улучшение инфраструктуры, укрепление международного сотрудничества и борьбу с коррупцией.

Ключевые слова: социальная работа, пенитенциарная система, Центральная Азия, здравоохранение, реформы, права человека, ВИЧ.

Introduction

The penitentiary system of Central Asia, inherited from the Soviet Union, is one

of the most complex and problematic areas of governance in the region. Historically, during the Soviet era, the prison system was built on harsh repressive methods and the widespread use of prisoner labor. The Soviet penitentiary system served not only as a means of punishment but also as an important element of social control, suppressing political dissent. After the collapse of the Soviet Union and the independence of the Central Asian countries, these states' penitentiary systems continued to function, albeit without the former ideological basis and material support [1].

Prison overcrowding remains one of the most acute problems in Central Asia, leading to numerous negative consequences, including deteriorating living conditions, the spread of infectious diseases such as HIV and tuberculosis, and increased social tensions among prisoners. In some countries of the region, prisons are overcrowded to more than twice their capacity, making it impossible to meet even minimal standards of confinement. The situation is exacerbated by low levels of funding and a shortage of qualified personnel, particularly in healthcare and social work [2].

Additionally, the spread of infectious diseases in prisons poses a significant challenge, threatening not only the prisoners themselves but also public health in general. In conditions of overcrowding and poor sanitation, infectious diseases such as tuberculosis and HIV spread rapidly. For example, in some prisons in Kazakhstan, the incidence of tuberculosis is several times higher than the national average, and the treatment of HIV-infected prisoners is often ineffective due to a lack of medical resources [3].

The complexity of reforming Central Asian penitentiary systems also lies in the lack of political will and weak governance. While some governments in the region declare their commitment to reforms, real changes are often superficial and do not address the key issues. Corruption, lack of transparency, and accountability make the reform process difficult and barely noticeable to the general public [4].

Social work and healthcare in penitentiary institutions play a key role in ensuring decent conditions and rehabilitating prisoners. However, for decades following the collapse of the USSR, these aspects have not received due attention. Central Asian countries have an urgent need to reform their penitentiary systems, focusing on the humanization of confinement conditions and the enforcement of international standards, such as the Nelson Mandela Rules [5]. These standards are designed to guarantee the protection of human rights in prisons and improve conditions, but their implementation faces numerous obstacles, including political instability, lack of resources, and corruption [6].

The Nelson Mandela Rules, adopted by the UN in 2015, are updated minimum standard rules for the treatment of prisoners, serving as an important guideline for penitentiary system reforms worldwide, including in Central Asia. These rules include recommendations for improving confinement conditions, protecting prisoners' rights, and ensuring access to healthcare. However, their implementation in Central Asian countries requires significant efforts and changes in prison system management approaches [7].

International organizations play an important role in promoting reforms in the penitentiary systems of Central Asia. The state, with the support of the UN Office on Drugs and Crime (UNODC), the World Health Organization (WHO), and other international bodies, actively promotes the adoption of international standards in the region's prisons. These organizations provide technical assistance and develop programs to improve conditions, healthcare, and social rehabilitation for prisoners. For example, in Kazakhstan, UNODC has successfully implemented probation programs and alternative sentencing, significantly reducing prison overcrowding

and improving prisoner conditions [8].

However, despite international efforts, reforms in Central Asia's penitentiary systems often face serious obstacles. In particular, in Kyrgyzstan and Tajikistan, a lack of financial resources and qualified personnel significantly slows down the reform process. These countries also experience high rates of HIV among prisoners, which is linked to limited access to medical services and preventive programs [9].

Uzbekistan also encounters challenges in reforming its penitentiary system. Although the country has taken steps to improve prison conditions in recent years, such as closing the notorious Jaslyk prison and releasing some political prisoners, the reform process remains incomplete. Problems with access to healthcare and living conditions persist, and recidivism rates remain high [10].

An important aspect of penitentiary system reform is the development of social work, which plays a key role in prisoner rehabilitation and reducing recidivism. Social workers help prisoners adapt to life outside, provide psychological support, and assist in social reintegration. However, in Central Asian countries, social work in prisons is still in its early stages, requiring significant expansion to ensure effective prisoner rehabilitation [11].

In addition, improving healthcare in penitentiary institutions is crucial in Central Asia. The transfer of medical functions from the Ministry of Internal Affairs to the Ministry of Health in Kazakhstan was an important step in this direction, allowing prison healthcare to be integrated into the national health system. However, in other countries in the region, prison healthcare remains underdeveloped, and active international intervention is needed to improve the situation [12].

Thus, this study not only highlights the relevance of the problems facing Central Asia's penitentiary system but also proposes specific ways to address them. The introduction of international standards, the development of social work, and the improvement of healthcare systems in the region's prisons are key aspects necessary for successful reforms and ensuring human rights compliance in Central Asian penitentiary institutions.

This comprehensive approach requires both material resources and organizational changes, including strengthened international cooperation and anti-corruption efforts. Ultimately, the reform of the region's penitentiary system should lead to more humane conditions for prisoners and a reduction in recidivism, contributing to their successful rehabilitation and return to normal life after release.

The purpose of this study is to assess the current state of social work and health care in penitentiary institutions in Central Asia, to identify the main challenges and prospects for reform, and to offer recommendations for further development of these areas, taking into account international standards and the best practices of other countries.

Methodology

This study utilized a multi-level methodology that included literature analysis, examination of international standards, and a comparative analysis of practices in Central Asian countries. This approach allows for a deeper understanding of the existing problems and provides effective recommendations for reforming the penitentiary systems of the region.

The first stage of the research involved a literature review. A large number of domestic and international publications on social work, healthcare, and the reform of penitentiary systems in Central Asia were examined. Special attention was given to studies discussing international standards, such as the Nelson Mandela Rules, as well as their implementation and adaptation in the countries of the region. This stage

identified the main challenges faced by penitentiary institutions and determined key areas for further analysis.

The second stage focused on the study of international standards. Documents regulating the treatment of prisoners and the management of prison institutions, including the Nelson Mandela Rules, the Bangkok Rules, and other relevant normative acts, were examined in detail. The analysis of these standards provided an assessment of their compliance and implementation in the penitentiary systems of Central Asian countries. Special attention was paid to aspects such as the protection of prisoners' rights, access to healthcare, social rehabilitation, and the protection of vulnerable groups, such as women and minors.

The final stage of the methodology involved a comparative analysis of practices in Central Asian countries. Reforms carried out in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, and Tajikistan were studied to identify both successful examples and the challenges these countries face in reforming their penitentiary systems. The comparative analysis helped identify key differences in reform approaches and factors that contribute to or hinder their successful implementation. An important aspect of this stage was studying the role of international organizations and civil society in supporting reforms.

Justification for the choice of methodology

The choice of a multi-level methodology is justified by the need for a comprehensive approach to studying the state of Central Asia's penitentiary systems. The problems faced by prisons in the region are multifaceted and require thorough analysis. Using various research methods allows for a more complete understanding of the state of penitentiary systems and the development of recommendations that consider both international standards and the region's specific conditions.

Literature analysis provides an opportunity to understand the context and identify existing research gaps, which is necessary for justifying the need for further study of the problem. The study of international standards allows for an assessment of their relevance and applicability in the context of Central Asia's penitentiary systems, as well as the identification of potential areas for improvement. The comparative analysis of practices in the region provides an opportunity to assess the effectiveness of ongoing reforms and identify best practices that can be adapted and applied in other countries.

Thus, the chosen methodology enables a comprehensive analysis of the state of penitentiary systems in Central Asia, assesses their compliance with international standards, and offers recommendations for further reforming social work and healthcare in the region's prisons. This approach ensures a comprehensive understanding of the problem and allows for consideration of both global trends and specific regional characteristics, making the research results relevant and practically significant.

Research findings

This section presents the main findings obtained during the study of the state of penitentiary systems in Central Asian countries, with a focus on social work and healthcare in prisons. The main conclusions are drawn based on the analysis of literature, examination of international standards, and comparative analysis of practices in the region.

State of social work in penitentiary institutions

One of the key findings of the study was the identification of significant problems in the field of social work in the prisons of Central Asian countries. In many countries of the region, including Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Tajikistan,

social work in penitentiary institutions remains underdeveloped. In particular, it was noted that social workers often face a lack of resources, limited access to specialized training, and insufficient support from state authorities. This results in many prisoner rehabilitation programs failing to achieve their goals, as reflected in the high rates of recidivism [13].

In Kazakhstan, steps have been taken to improve social work in prisons, and the results have been more encouraging. The introduction of a probation system and the active involvement of social workers from non-governmental organizations have led to a reduction in recidivism among released prisoners. Social workers play a key role in the rehabilitation process, helping prisoners adapt to life outside prison and integrate into society [14]. However, despite the progress made, significant gaps remain that require further attention, especially in the area of professional training for social workers and their interaction with government and non-governmental organizations [12].

Kyrgyzstan has also achieved some success in reforming its penitentiary system. Unlike Kazakhstan, which has focused on probation and prison modernization, Kyrgyzstan has emphasized the integration of social workers into the penitentiary system. These specialists work with prisoners throughout their sentences, providing psychological support, helping them develop skills, and offering counseling on employment after release [15]. As a result, the recidivism rate among released prisoners has begun to decline, and the prisoners themselves are better prepared for life outside prison. However, the country still faces funding shortages and limited access to specialized educational programs for social workers [16].

Tajikistan, like other countries in the region, has also faced challenges in reforming its penitentiary system. Despite economic difficulties and limited resources, the country has taken steps to improve conditions for prisoners and develop social work in prisons. Social workers in Tajikistan provide psychological support to prisoners and help them prepare for life outside prison. However, the introduction of these specialists is slow due to a lack of resources and inadequate funding [1].

In Uzbekistan, penitentiary system reform began after the new president came to power in 2016. Steps were taken to close notorious prisons, such as Jaslyk, and to release some political prisoners [17]. However, the reform process remains superficial, and many issues related to living conditions and access to healthcare persist.

International organizations such as the UN and WHO continue to support Central Asian countries in their efforts to reform penitentiary systems. However, the successful implementation of international standards requires not only financial support but also political will from the governments of the region. It is important to note that penitentiary system reforms should not only focus on improving conditions but also on creating effective rehabilitation programs that help prisoners adapt to life outside and reduce recidivism [18].

Healthcare in penitentiary institutions

Healthcare in Central Asian prisons is also at a low level. The main problems include high rates of HIV, tuberculosis, and other infectious diseases, as well as a shortage of qualified medical specialists and limited access to healthcare services. Despite the implementation of some prevention and treatment programs, such as substitution therapy programs in Kazakhstan, the incidence of disease remains high [19].

In Kazakhstan, significant steps have been taken to improve healthcare in penitentiary institutions. According to a presidential decree, the functions and

powers of the Ministry of Internal Affairs for coordinating state policy in the field of healthcare provision for persons in the penitentiary system were transferred to the Ministry of Health. This transfer aimed to align prison healthcare with international standards and allowed prisoners to receive healthcare services of the same quality as those in the civilian healthcare sector. As a result of these changes, the incidence of infectious diseases among prisoners has begun to decline [20].

However, most penitentiary institutions in the region do not meet international standards set by the Nelson Mandela Rules and other normative acts. Prisoners face a shortage of medicines, lack of regular medical check-ups, and unsatisfactory living conditions, which worsen their health and increase the risk of spreading infectious diseases both inside and outside prisons [21].

Impact of current reforms on improving conditions

Reforms carried out in Central Asian countries aimed at improving prison conditions have shown mixed results. In Kazakhstan, reforms, including the introduction of a probation system and the modernization of medical facilities in prisons, have led to a significant reduction in overcrowding and an improvement in the overall well-being of prisoners [22]. However, in other countries in the region, such as Uzbekistan and Turkmenistan, reforms are progressing slowly and are often limited to cosmetic changes that do not address the core problems of the system.

The study revealed that a lack of political will and resources are the main obstacles to the successful implementation of reforms. Additionally, the low level of coordination between government agencies and international organizations reduces the effectiveness of the measures taken.

Comparative analysis of practices in Central Asian countries shows that the region faces various challenges in reforming their penitentiary systems, but all countries are taking important steps toward improving prison conditions and integrating social workers into prisons. Kazakhstan and Kyrgyzstan have shown the most progress in this area due to the active implementation of international standards and the support of social workers. Tajikistan and Uzbekistan are in the earlier stages of reform but are beginning to take steps in the right direction.

The research findings highlight the importance of a comprehensive approach to penitentiary system reform, which includes both the development of social work and the improvement of healthcare. The implementation of international standards, such as the Nelson Mandela Rules, and the active involvement of social workers can significantly enhance the effectiveness of penitentiary systems and reduce recidivism in Central Asian countries.

Conclusion

The study revealed that the penitentiary systems of Central Asian countries face serious challenges, including prison overcrowding, high rates of infectious diseases, and a lack of resources to provide quality healthcare and social work services. Despite significant efforts aimed at reforming these systems, success varies across different countries in the region.

Kazakhstan and Kyrgyzstan have demonstrated the most significant achievements in implementing international standards and improving prison conditions, including through the active involvement of social workers and the modernization of healthcare services. The transfer of healthcare functions for prisoners to the Ministry of Health in Kazakhstan serves as an example of the successful integration of penitentiary services into the national healthcare system, contributing to improved healthcare quality and reduced disease rates among prisoners.

At the same time, in other countries in the region, such as Tajikistan and Uzbekistan, the reform process is slower and faces numerous obstacles, including political instability, lack of funding, and insufficient coordination between government agencies and international organizations.

To achieve sustainable results in reforming the penitentiary systems of Central Asia, it is essential to continue implementing international standards, such as the Nelson Mandela Rules, and to ensure the active involvement of social workers and qualified medical professionals. It is important to develop social rehabilitation and reintegration programs for prisoners, which will help reduce recidivism rates and improve overall prison conditions.

In conclusion, this study underscores the need for a comprehensive approach to reforming penitentiary systems in Central Asia, taking into account both global standards and the specific conditions of the region. Only systemic changes and close cooperation between government agencies, international organizations, and civil society can lead to the creation of an effective and humane penitentiary system that meets international standards and protects human rights.

References

1. Pape, U., Stöver, H., & Michels, I. I. (n.d.). Social work and health in prisons. Nomos Verlagsgesellschaft.
2. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). (2019). Central Asia annual report 2019: Together making the region safer from drugs, crime and terrorism. <https://www.unodc.org/documents/centralasia//2020/August/Annual-Report-2019/ROCA-AR-2019-ENG.pdf>
3. Human Rights Watch (HRW). (2018, November 17). Uzbekistan: Release and rehabilitate political prisoners—Create commission to address current and former prisoner rehabilitation. <https://www.hrw.org/news/2018/11/17/uzbekistan-release-and-rehabilitate-political-prisoners>
4. Khalid, A. (2021). Central Asia: A new history from the imperial conquests to the present. Princeton University Press.
5. Thorne, C., Ferencic, N., Malyuta, R., Mimica, J., & Niemiec, T. (2010). Central Asia: Hotspot in the worldwide HIV epidemic. *The Lancet Infectious Diseases*, 10(7), 479–488.
6. Walcher, G. (2005). Prisons as regional drivers of HIV/AIDS and tuberculosis in some Central Asian countries: A matter of 'least eligibility'? *International Journal of Prisoner Health*, 1(2/3/4), 103–115.
7. Matejkowski, J., Johnson, T., & Severson, M. E. (2014). Prison social work. In J. Matejkowski, T. Johnson, & M. E. Severson (Eds.), *Encyclopedia of social work*. NASW Press and Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199975839.013.1002>
8. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC), Regional Office for Central Asia. (2020). UNODC facilitates development of the prisoner risks assessment and classification framework for Kazakhstan. <https://www.unodc.org/centralasia/en/news/unodc-facilitates-development-of-the-prisoner-risks-assessment-and-classification-framework-for-kazakhstan.html>
9. Human Rights Watch (HRW). (2012). Central Asia briefing paper. https://www.hrw.org/sites/default/files/related_material/2012_

Central%20Asia_Briefing%20Paper%20November.pdf

10. Vagenas, P., Azbel, L., Polonsky, M., Kerimi, N., Mamyrov, M., Dvoryak, S., & Altice, F. L. (2013). A review of medical and substance use comorbidities in Central Asian prisons: Implications for HIV prevention and treatment. *Drug and Alcohol Dependence*, 132, S25–S31.
11. Human Rights Watch (HRW). (2019, August 27). Shattering notorious Jaslyk prison a victory for human rights in Uzbekistan. <https://www.hrw.org/news/2019/08/27/shattering-notorious-jaslyk-prison-victory-human-rights-uzbekistan>
12. Yessimova, D., et al. (2022). Kazakhstan: Social work and health in the penitentiary system. In *Social work in prisons* (pp. 97–134). Nomos Publishing. <https://doi.org/10.5771/9783748935988>
13. Stöver, H., & Michels, I. I. (2022). Development of social work in prevention and treatment of HIV/AIDS and HCV in Central Asia. *Drugs, Habits and Social Policy*.
14. Kopalkina, E., & Iltakova, N. (2020). Features of legal regulation of post-penitentiary adaptation of convicts in Kazakhstan.
15. Sayakova, A., & Sadyrova, G. K. (2020). Sotsial'no-psihologicheskoe soprovozhdenie osuzhdennykh v ramkakh instituta probatsii [Social and psychological support for convicts within the framework of the probation institute]. *Vestnik Bishkekского gosudarstvennogo universiteta*, (2-3), 31–34.
16. Sadyrova, G. K., & Sayakova, A. M. (2020). Features of professional burnout of employees of the penitentiary system. *Vestnik Bishkekского gosudarstvennogo universiteta*, (2-3), 48–51.
17. Dusanov, E. E. (2024). Mamlakatimizda mahkumlarga tegishli huquq va erkinliklarning ta'minlanishi davr talabi [Ensuring the rights and freedoms of prisoners in our country as a demand of the time]. *Ta'limning zamonaviy transformatsiyasi*, 4(3), 25–32.
18. Rechel, B., et al. (2012). Lessons from two decades of health reform in Central Asia. *Health Policy and Planning*, 27(4), 281–287.
19. Vagenas, P., et al. (2013). A review of medical and substance use comorbidities in Central Asian prisons: Implications for HIV prevention and treatment. *Drug and Alcohol Dependence*, 132, S25–S31.
20. Satybekova, E. S., & Tileubayeva, G. U. (2023). Kompleksnoe issledovanie meditsinskogo obespecheniya osuzhdennykh v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh Respubliki Kazakhstan [Comprehensive study of medical support for convicts in the penitentiary institutions of the Republic of Kazakhstan]. *The Journal of Psychology & Sociology*, 85(2), 110–121.
21. Burtsev, A. S., Ivanenko, Y. I., Kupryashina, E. A., Mironuk, I. V., & Omelin, V. N. (2020). International standards of penitentiary activity: Impact on the development of the penitentiary activity of the CIS countries.
22. Yavorsky, M. A., & Marchenko, D. E. (n.d.). Prison radicalization and deradicalization in the countries of Central Asia. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*.

Материал поступил в редакцию 10.01.2025

Утвержден к публикации 17.03.2025

ОПЫТ КИТАЯ В ТРАНСГРАНИЧНЫХ ГРУЗОПЕРЕВОЗКАХ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КАЗАХСТАНА С КЫРГЫЗСТАНОМ И УЗБЕКИСТАНОМ: УРОКИ COVID-19

Ажар Сериккалиева

Ассоциированный профессор SDU University, исследователь Алматы менеджмент университета, PhD, Алматы, Казахстан, e-mail: serikkaliyeva@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.1.004>

Аннотация. В статье рассматривается влияние опыта Китая в трансграничных грузоперевозках на приграничное сотрудничество Казахстана с Кыргызстаном и Узбекистаном, особенно в условиях пандемии COVID-19. Введение жестких санитарных мер на китайских пограничных пунктах пропуска в 2020 году привело к значительным задержкам поставок казахстанских товаров, включая скоропортящуюся продукцию, что выявило уязвимость политически мотивированных логистических маршрутов. Исследование демонстрирует каскадные последствия этих барьеров для субнациональных субъектов, включая казахстанских экспедиторов, фермеров и производителей. Анализируя адаптационные стратегии участников рынка, статья подчеркивает необходимость повышения устойчивости регионального сотрудничества в Центральной Азии. Опыт Китая и вызовы, возникшие в результате пандемии, могут стать основой для выработки более эффективных механизмов регулирования и координации в сфере трансграничной торговли.

Ключевые слова: трансграничные грузоперевозки, COVID-19, логистика, Центральная Азия, адаптационные стратегии.

**ҚЫТАЙДЫҢ ТРАНСШЕКАРАЛЫҚ ЖҮК ТАСЫМАЛДАУ
ТӘЖІРИБЕСІ ЖӘНЕ ОНЫҢ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ҚЫРГЫЗСТАН
ЖӘНЕ ӨЗБЕКСТАНМЕН ШЕКАРАЛЫҚ ЫНТЫМАҚТАСТЫҒЫНА
ЫҚПАЛЫ: COVID-19 САБАҚТАРЫ**

Ажар Серікқалиева

SDU University қауымдастырылған профессоры, Алматы менеджмент университетінің зерттеушісі, Almaty, Kazakhstan, PhD, serikkaliyeva@gmail.com

Аңдатпа. Бұл мақалада Қытайдың трансшекаралық жүк тасымалдау тәжірибесінің Қазақстанның Қырғызстан және Өзбекстанмен шекаралық ынтымақтастығына әсері, әсіресе COVID-19 пандемиясы жағдайында қарастырылады. 2020 жылы Қытай шекара бекеттерінде қатаң санитарлық шаралардың енгізілуі қазақстандық тауарлардың, соның ішінде тез бұзылатын өнімдердің жеткізілуінде айтарлықтай кідірістерге әкелді, бұл саяси себептерге негізделген логистикалық бағыттардың осалдығын көрсетті. Зерттеу осы кедергілердің қазақстандық экспедиторлар, фермерлер және өндірушілер секілді өңірлік субъектілерге тигізген салдарын талдайды. Нарық қатысушыларының бейімделу стратегияларын зерттей отырып, мақала Орталық Азиядағы өңірлік ынтымақтастықтың тұрақтылығын арттыру қажеттігін атап өтеді. Қытай тәжірибесі мен пандемия салдарынан туындаған қиындықтар трансшекаралық сауданы реттеу мен үйлестірудің тиімді механизмдерін әзірлеуге негіз бола алады.

Түйін сөздер: трансшекаралық жүк тасымалы, COVID-19, логистика, Орталық Азия, бейімделу стратегиялары.

CHINA'S EXPERIENCE IN CROSS-BORDER FREIGHT TRANSPORTATION AND ITS IMPACT ON KAZAKHSTAN'S BORDER COOPERATION WITH KYRGYZSTAN AND UZBEKISTAN: LESSONS FROM COVID-19

Azhar Serikkaliyeva

Associate Professor of SDU University, Researcher of Almaty Management University, Almaty, Kazakhstan, serikkaliyeva@gmail.com

Abstract. This article examines the impact of China's experience in cross-border freight transportation on Kazakhstan's border cooperation with Kyrgyzstan and Uzbekistan, particularly in the context of the COVID-19 pandemic. The introduction of strict sanitary measures at Chinese border checkpoints in 2020 caused significant delays in the delivery of Kazakhstani goods, including perishable products, highlighting the vulnerability of politically driven logistics routes. The study analyzes the cascading effects of these barriers on regional stakeholders, such as Kazakhstani freight forwarders, farmers, and producers. By exploring the adaptation strategies of market participants, the article underscores the need to enhance the resilience of regional cooperation in Central Asia. China's experience and the challenges that emerged during the pandemic can serve as a foundation for developing more effective mechanisms for cross-border trade regulation and coordination.

Keywords: cross-border freight transportation, COVID-19, logistics, Central Asia, adaptation strategies.

Введение

Развитие трансграничных грузоперевозок оказывает значительное влияние на экономическую интеграцию Центральной Азии, особенно в контексте

сте функционирования международных транспортных коридоров, связывающих Китай со странами региона. Казахстан, обладая стратегическим географическим положением, играет ключевую роль в обеспечении транзитных перевозок между Китаем и Европой. В настоящее время через территорию Казахстана проходит более 90% грузовых поездов, следующих по маршруту Китай – Европа, что подтверждает его статус важнейшего логистического узла региона [1].

В последние годы наблюдается рост экспорта казахстанской сельскохозяйственной продукции в Китай, включая зерно, пищевые масла и охлажденное мясо. Данный процесс свидетельствует о позитивных тенденциях в диверсификации внешнеэкономических связей и расширении товарооборота между странами. Однако пандемия COVID-19 выявила уязвимость существующих логистических маршрутов и трансграничных поставок. Введение жестких санитарных ограничений и усиленный контроль на пограничных пунктах пропуска со стороны Китая привели к значительным задержкам грузов, особенно скоропортящихся товаров. Это оказало негативное влияние на производителей, экспедиторов и грузоотправителей Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана, что привело к значительным экономическим потерям.

Кризисные явления, вызванные пандемией, продемонстрировали необходимость выработки адаптационных стратегий и совершенствования механизмов координации между странами региона для повышения устойчивости трансграничной торговли. В данной статье анализируется китайский опыт в управлении трансграничными грузоперевозками и его влияние на экономическое сотрудничество Казахстана с Кыргызстаном и Узбекистаном в условиях кризиса. Рассматриваются ключевые вызовы, выявленные в ходе пандемии, а также их последствия для субнациональных субъектов. Особое внимание уделяется стратегиям адаптации региональных участников рынка в целях минимизации негативных последствий и обеспечения устойчивого развития приграничной торговли.

Методы исследования

Исследование основано на комплексном междисциплинарном подходе, включающем элементы процессного анализа, историко-политического контекстуального метода и сравнительного анализа. В основу анализа положен процессный аналитический подход, предложенный Таддеусом, Джексоном и Нексоном [2], который позволяет выявить механизмы формирования, развития и кризисных трансформаций системы трансграничных грузоперевозок между Китаем и странами Центральной Азии, в частности Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном.

Процессный аналитический метод применяется для изучения повторяющихся моделей взаимодействия на межгосударственном и субнациональном уровнях, выявления структурных факторов, влияющих на устойчивость транспортных маршрутов, а также анализа кризисных явлений, связанных с пандемией COVID-19. Особое внимание уделяется политико-экономической асимметрии в отношениях между Китаем и Казахстаном, а также влиянию этих отношений на транспортную логистику соседних стран [3].

Историко-политический метод используется для анализа эволюции ки-

тайско-казахстанских отношений в сфере трансграничных перевозок. Рассматриваются ключевые этапы двустороннего сотрудничества, начиная с советского периода и до современного этапа, включая интеграцию Казахстана в Инициативу пояса и пути (ИПП) [4; 5]. Этот подход позволяет выявить основные трансформации в логистической системе региона, включая структурные изменения, обусловленные как геополитическими факторами, так и изменением экономических стратегий стран.

Сравнительный анализ применяется для изучения опыта Китая в управлении трансграничными грузоперевозками и его влияния на Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан. Рассматриваются различия в степени зависимости этих стран от китайских логистических коридоров, а также их стратегии адаптации к кризисным явлениям, вызванным пандемией COVID-19.

Эмпирическая база исследования включает официальные документы, статистические данные, нормативно-правовые акты, регулирующие международные грузоперевозки, а также публикации международных организаций, научные работы и экспертные мнения, отражающие особенности трансграничного сотрудничества в Центральной Азии.

Результаты исследования

После распада Советского Союза в 1991 году Китай и Казахстан начали активное развитие двустороннего сотрудничества в сфере транспортной инфраструктуры. В 1992 году были инициированы экспертные консультации по вопросам модернизации автомобильных и железнодорожных маршрутов, соединяющих порт Ляньюньган, Казахстан и Россию, а также продления железной дороги от Урумчи через перевал Алатау до Казахстана [6].

Для укрепления двусторонних отношений в 1991 и 1994 годах состоялись взаимные визиты руководителей Китая и Казахстана, в ходе которых обсуждались перспективы сотрудничества в области транспорта и экономики, а также вопросы добрососедства. В 1994 году стороны заключили соглашение о демаркации государственной границы, что стало важным шагом в урегулировании пограничных вопросов. Однако ряд трансграничных территорий продолжал оставаться предметом двусторонних консультаций [7].

Среди различных совместных китайско-казахстанских проектов, которые были реализованы после провозглашения ИПП, соглашение о сотрудничестве в области экспедирования грузов, подписанное между АО «Национальная компания «Қазақстан темір жолы» (АО «НК «ҚТЖ») и китайской железной дорогой Урумчи в 2016 году, набирает обороты как политически инкубируемый бизнес. Последующий постепенный рост объема трансграничных грузоперевозок, особенно железнодорожных перевозок зерна, пищевого масла и охлажденного мяса из Казахстана в Китай, привел к структурным изменениям в диверсификации экспорта и импорта Казахстана.

Однако, поскольку Китай настаивал на стратегии «нулевого COVID» с момента вспышки пандемии в 2019 году, трансграничные перевозки были нарушены неожиданным и нескоординированным образом. С огромными коммерческими продуктами с фиксированными графиками доставки и скоропортящимися товарами, оставленными гнить в железнодорожных вагонах и грузовиках, простаивающих на тщательно продезинфицированных погра-

ничных контрольно-пропускных пунктах в течение неопределенных сроков, недавно инкубированная связь была поставлена под угрозу, что привело к далеко идущим последствиям, особенно для грузоотправителей и производителей в Казахстане.

В 2011 году, железнодорожное управление Китая и местное правительство запустили первый грузовой поезд Китай-Европа из Чунцина в Дуйсбург. Такой новый проект по грузоперевозкам вскоре был официально представлен в рамках инициативы ИПП в 2015 году как «Китайский железнодорожный экспресс» (China Railway Express), соединяющий три существующих сухопутных моста Азия-Европа через Алашанькоу-Хоргос, Хух-Хото-Монголию и маньчжурскую границу [8; 9]. Таким образом, грузоперевозки стали государственным проектом для Китая и включали не только перемещение товаров, но и дипломатическое сотрудничество.

В ответ на инициативу Китая по развитию транспортных связей с Западом через Евразию правительство Казахстана активно сотрудничало с китайской стороной в модернизации трансграничной транспортной инфраструктуры, стремясь к оптимизации трансграничной транспортной инфраструктуры для диверсификации своей структуры экспорта и импорта. В 2017 году China Ocean Shipping Company и Jiangsu Lianyungang Port Company купили 49% сухого порта «Хоргос – Восточные ворота», который имеет решающее значение для загрузки и перевозки товаров на границе двух стран. Совместно Казахстан и Китай также построили зону свободной торговли, Международный центр приграничного сотрудничества и новый город Нуркент рядом с Хоргосом [10]. В том же году железнодорожные администрации Китая, Беларуси, Германии, Казахстана, Монголии, Польши и России подписали соглашение о сотрудничестве для содействия железнодорожным грузовым перевозкам [11].

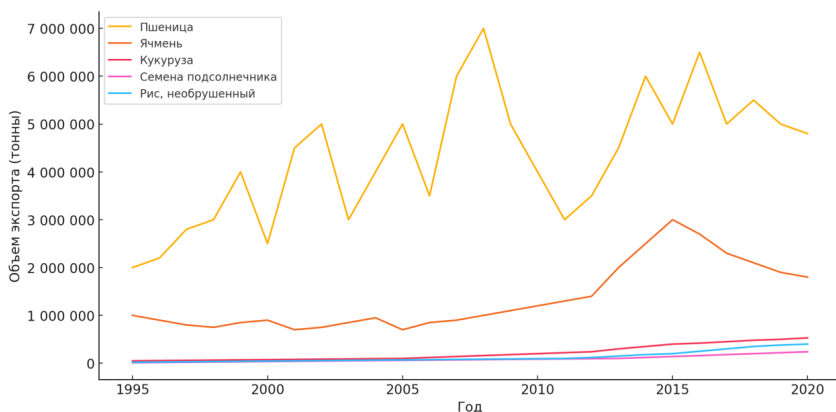
В 2019 году более 90% грузовых поездов Китай-Европа прошли через Казахстан по западной линии [12]. По итогам 2024 года объём перевозок грузов железнодорожным транспортом между Казахстаном и Китаем превысил 32 миллиона тонн грузов, что стало историческим максимумом [13]. Наряду с традиционными экспортными товарами, такими как железная и цветная руда, чёрные и цветные металлы, в топовые товары экспорта вошли и зерновые грузы. Это свидетельствует о расширении товарной номенклатуры и открывает новые возможности для казахстанских производителей. Существует обоснованное ожидание, что проект железнодорожных грузоперевозок будет способствовать диверсификации экономики Казахстана и позволит стране эффективно использовать потенциал крупного потребительского рынка Китая.

Правительство Казахстана продвигает свой экспорт сельскохозяйственной продукции в Китай, включая пшеницу, соевые бобы, пшеничные отруби, рапсовый шрот, кукурузу, ячмень, пшеничную муку, семена льна, замороженную говядину, замороженную баранину, мед, рыбу, шерсть и молочные продукты.

В результате соглашения на государственном уровне первая партия пшеницы была экспортирована из Казахстана через Хоргос в Китай в августе 2018 года [14]. С 2019 года охлажденная говядина и ячмень были экспортиро-

ваны в Китай тем же маршрутом в августе, ноябре и декабре соответственно [15; 16; 17]. Таким образом, экспорт пшеницы увеличился с 128 600 тонн в 2015 году до 425 000 тонн в 2019 году общей стоимостью 92 млн. долл. США. Экспорт соевых бобов был удвоен, а пшеничных отрубей и рапсового шрота увеличились в десять и семь раз соответственно [18]. Проект трансграничных грузоперевозок в К, являющийся крупнейшим экспортным рынком для Казахстана, привел к постепенной, но значительной структурной диверсификации сельскохозяйственного экспорта Казахстана по весу и стоимости (Рисунок 1).

Рисунок 1. Динамика экспорта сельскохозяйственной продукции из Казахстана в Китай (в тоннах)

Источник: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/TCL>

В успешной реализации трансграничного экспорта задействованы многочисленные субнациональные участники логистической цепи, включая производителей, экспедиторов и операторов грузовых перевозок. Стремительный рост экспорта сельскохозяйственной продукции в Китай также способствует развитию смежных отраслей, таких как упаковочные компании, лаборатории санитарного контроля пищевых продуктов и организации, занимающиеся обеспечением качества для получения фитосанитарных сертификатов. Эти процессы охватывают широкий спектр сельскохозяйственной продукции, включая рапс, сено, ячмень, пшеницу, сладкую кукурузу, пшеничную муку, льняное семя и молочные продукты [19].

В целях упрощения процедур контроля качества и ускорения сертификации в соответствии с китайскими стандартами правительство Китая приняло решение о передаче Казахстану специального лабораторного оборудования на сумму 11,15 млн. юаней. К 2021 году 741 казахстанское предприятие успешно прошло регистрацию в качестве официальных поставщиков сельскохозяйственной продукции в Китай [20].

Широкомасштабное межгосударственное сотрудничество способствовало динамичному развитию экспорта агропромышленной продукции. Однако с начала 2020 года, в условиях первых вспышек COVID-19, дипломатическая

поддержка уступила место многочисленным и разрозненным бюрократическим мерам, направленным на контроль распространения инфекции. Китайские власти ввели жесткие ограничения на казахско-китайской границе, обосновывая их риском завоза коронавируса из-за рубежа. В Казахстане распространение неизвестного заболевания в сочетании с жесткими санитарными мерами Китая стало неожиданным вызовом как для государственных органов, так и для представителей бизнеса, вовлеченных в экспортную деятельность.

23 января 2020 года в 2 часа ночи власти Уханя объявили о полном карантине города для сдерживания быстро распространяющегося вируса SARS-CoV-2, что стало началом жесткой политики «нулевого COVID-19» в Китае [21]. Впоследствии аналогичные меры были введены в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу и Шэньчжэне, а руководство КНР выступило с призывом к «решительной борьбе» с пандемией [22]. Основной целью властей стало не просто ограничение распространения вируса, а полное его искоренение.

В рамках стратегии «нулевого COVID-19» Китай внедрил масштабное тестирование и карантинные меры, что позволило официально удерживать уровень заболеваемости на минимальном уровне. Однако в начале 2022 года, несмотря на глобальное ослабление санитарных ограничений из-за появления менее патогенного варианта Омикрон, КНР продолжила реализацию жесткой антипандемической политики [23]. Это сопровождалось усилением государственного контроля, включая ужесточение санитарных требований к международной торговле и трансграничным перевозкам.

В июне 2020 года китайские эпидемиологи сообщили о следах коронавируса на упаковке импортируемых продуктов [24]. В ответ КНР ввела обязательную дезинфекцию контейнеров и вагонов при пересечении границы. Специальные санитарные группы отбирали образцы продукции, а при обнаружении вируса весь персонал пункта пропуска направлялся на двухнедельный карантин. В зимний период противэпидемиологические процедуры, включая дезинфекцию и таможенное оформление, увеличивали время прохождения границы до 60–90 минут. Это привело к значительным задержкам: к концу 2020 года на переходах Достык – Алашанькоу и Алтынколь – Хоргос ожидали оформления около 16 000 загруженных вагонов с казахстанской стороны и 6 000 с китайской [25].

Политизация стратегии «нулевого COVID-19» в Китае создала серьезные барьеры для экспорта казахстанской сельскохозяйственной продукции. Китайские таможенные ограничения на ввоз продовольствия вызвали протесты ряда стран, включая Канаду, Бразилию, Германию и Индию. Они обратились во Всемирную торговую организацию с жалобами на «необоснованные торговые ограничения» [26]. В отличие от крупных экономик, Казахстан имел ограниченные возможности для переговоров, что усложняло преодоление торговых барьеров.

С 2020 года между Казахстаном и КНР регулярно проводятся двусторонние консультации по вопросам регулирования трансграничных перевозок [27]. Летом того же года заместитель министра торговли КНР Юй Цзяньхуа посетил казахско-китайскую границу для оценки ситуации. Несмотря на открытие двух дополнительных контрольно-пропускных пунктов и частичное

улучшение логистики, казахстанские перевозчики продолжали сталкиваться с задержками [28; 29]. Компании не смогли получить страховые выплаты за простой грузов из-за отсутствия официального заявления со стороны правительства Казахстана, подтверждающего связь ситуации с пандемией.

В ответ на пандемию Китай в одностороннем порядке закрыл границу для казахстанских грузов, тогда как перевозки из Китая в Европу через территорию Казахстана продолжались бесперебойно. Казахские власти не представили организованного ответа, и единственные ограничительные меры с казахстанской стороны были введены KTZ-Freight Transportation, запретившей перевозки в направлении Китая через пункты Хоргос – Алтынколь, Достык – Алашанькоу, а также через порты Ляньюньган и Циндао. Посол Китая в Казахстане Чжан Сяо 16 ноября 2022 года пояснил, что рост спроса на китайские товары после пандемии привёл к перегрузке инфраструктуры, построенной 10–20 лет назад [30]. Китайские власти отдавали приоритет экспортным поставкам, в частности в Европу, тогда как казахстанские товары простаивали на складах. Этот дисбаланс в торговле демонстрирует асимметричность двусторонних отношений и политизацию приграничной торговли.

Несмотря на активные переговоры, разработка единой стратегии реагирования на ковидные ограничения Китая потребовала учета множества факторов, включая обязательства Казахстана в рамках ЕврАзЭС, в частности в сфере единой таможенно-тарифной политики. В этих условиях Казахстану приходилось учитывать, как национальные экономические интересы, так и необходимость соблюдения международных торговых обязательств. В результате страна столкнулась с вызовами, связанными с трансграничной торговлей, что повлияло на аграрный сектор, ориентированный на экспорт в Китай.

Казахстанские компании, экспортирующие сельскохозяйственную продукцию, столкнулись с неопределённостью: отсутствовали официальные документы, объясняющие причины отказа в приёме грузов, включая пшеницу в крытых вагонах, ранее признанных приемлемыми. Особенно уязвимыми оказались малые и средние предприятия (МСБ), многие из которых объявили о банкротстве к 2021 году. В ответ правительство Казахстана признало ситуацию форс-мажором и предоставило пострадавшим предпринимателям отсрочки по кредитам.

Согласно Министерству индустрии и инфраструктурного развития Республики Казахстан, задержки на границе проходили в два этапа:

- Июль – октябрь 2020 года: Китай усилил контроль за въездом транспорта в КНР на фоне ухудшения эпидемиологической ситуации в Казахстане.

- С ноября 2020 года: в связи с ростом заболеваемости в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР были введены жёсткие карантинные меры, что привело к скоплению транспортных средств на казахстанской стороне.

С марта 2021 года приграничная торговля начала восстанавливаться: количество грузовых поездов через пункты Достык – Алашанькоу увеличилось до 18 в сутки, Алтынколь – Хоргос – до 10 в сутки [31]. Были открыты два новых пункта пропуска для грузоперевозчиков. Однако пандемия продемонстрировала ограничения существующей инфраструктуры и необходи-

мость её модернизации для эффективного функционирования транспортных коридоров. Казахстану требуется укрепление логистического потенциала и политическая стратегия, обеспечивающая баланс интересов в торговых отношениях с Китаем.

Проблема казахстанских грузов не принесла никаких рисков китайским местным властям или заинтересованным сторонам. Казахские товары простаивали на китайских складах за счет казахских компаний. Хотя правительство Казахстана рассматривало это как возможный аргумент в переговорах, на практике его возможности оказались ограниченными, и многое зависело от решения китайской стороны. Для Пекина главным показателем оценки качества работы является предотвращение вспышки коронавируса. Единственным субъектом китайской политики, заинтересованным в решении проблемы, является центральное руководство страны, имеющее геополитические взгляды на Казахстан. С одной стороны, оно является главным центром принятия решений и имеет наибольшее влияние. В режиме инерции со стороны китайской бюрократической системы можно увидеть пренебрежительное отношение к торговле с Казахстаном.

Пандемия COVID-19 оказала значительное влияние на трансграничную торговлю. Жесткие карантинные меры на китайской границе привели к снижению казахстанского экспорта, тогда как транзит китайских товаров через Казахстан в Европу оставался стабильным. Эти события выявили дисбаланс в двусторонних торговых отношениях и подчеркнули необходимость модернизации логистической инфраструктуры. В рамках адаптации к новым вызовам Казахстан в 2022 году ввел 14-дневный безвизовый режим для граждан Китая, что свидетельствует о стремлении к укреплению торгово-экономического и туристического сотрудничества.

Аналогичные проблемы возникли и в приграничной торговле Казахстана с Кыргызстаном и Узбекистаном, которые также столкнулись с задержками поставок и ростом транспортных издержек. Ограничения на границах обострили вопрос о необходимости координации действий между странами Центральной Азии для обеспечения бесперебойного товарооборота.

Опыт Китая в управлении трансграничными грузоперевозками демонстрирует важность стратегического планирования и гибкости в кризисных ситуациях. Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан могут использовать эти уроки для совершенствования приграничного сотрудничества, в том числе через развитие логистической инфраструктуры, унификацию таможенных процедур и цифровизацию торговых маршрутов. В долгосрочной перспективе укрепление экономической кооперации между странами региона позволит минимизировать риски, связанные с внешними факторами, и повысить устойчивость приграничной торговли.

Китай оперативно внедрил специальные меры, чтобы минимизировать последствия пандемии для трансграничных перевозок. В начале 2020 г. был запущен экстренный план, предусматривающий упрощение таможенных процедур и снижение сборов в портах [32]. Для критически важных грузов были организованы «зеленые коридоры» с круглосуточным оформлением, благодаря чему время таможенной очистки медицинских товаров сократилось до ~45 минут [33]. Одновременно вводились строгие санитарные про-

токолы на границах. Например, на пропускном пункте Иркештам (граница КНР–Киргизия) после возобновления его работы требовалась перегрузка товаров на местные грузовики, а иностранные водители должны были покинуть территорию Китая в тот же день [34]. Такие шаги позволили поддерживать движение грузов при одновременном контроле распространения вируса. Цифровизация и модернизация инфраструктуры сыграли ключевую роль в восстановлении товаропотоков. Китай максимально задействовал электронные платформы для торговли – Единое окно и систему «Internet+ Customs» – чтобы дистанционно оформлять грузы и избегать лишних контактов [35]. Логистическая гибкость также помогла преодолеть разрывы цепочек поставок: часть грузов была перенаправлена с автотранспорта и авиации на железнодорожную дорогу. Таможенные органы ввели меры поддержки железнодорожного сообщения (China Railway Express) [36], и перевозки по маршруту Китай–Европа резко возросли. Например, в январе–феврале 2020 г. через Чэнду проследовало 269 грузовых поездов China-Europe Express – на 80% больше, чем годом ранее [37]. В целом за 2020 г. было совершено рекордные 12 400 рейсов China–Europe (рост на 50% к 2019 году), перевезено 1,14 млн TEU контейнеров [38]. Эта интеграция цифровых решений и инфраструктуры позволила Китаю оперативно восстановить трансграничные грузопотоки даже на фоне кризиса.

Опыт Китая отразился и на его центральноазиатских соседях, стимулируя приграничное сотрудничество. Несмотря на первоначальные ограничения, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан старались сохранять бесперебойное сообщение для грузов. Дорожные и железнодорожные перевозки продолжались с минимальными ограничениями [39], были введены «зелёные коридоры» для транзита essentials (продовольствия, медикаментов) в рамках ЕАЭС [40, с.4]. Региональные партнеры координировали усилия: ряд погранпереходов оставался открытым специально для грузового транспорта между Казахстаном, Узбекистаном и Таджикистаном, а между Кыргызстаном и Узбекистаном движение товаров обеспечивалось через пункты Достук–Дустлик и др.[40, с.32]. Благодаря переносу части потоков на железную дорогу сухой порт Хоргос на казахско-китайской границе даже нарастил оборот: в 2020 г. там обработано ~200 тыс. ДФЭ (двадцатифутовый эквивалент), а за первые 6 месяцев 2021 г. – ещё 102 тыс. ДФЭ [41]. Это стало возможным в том числе из-за переориентации грузов с автотранспорта на контейнерные поезда, когда автомобильные перевозки через границу были значительно затруднены. Железнодорожный транспорт в меньшей степени пострадал от пандемии по сравнению с морскими и воздушными перевозками, что сделало его предпочтительным выбором для трансграничной электронной коммерции и торговцев, осуществляющих перевозку крупнооптовых партий товаров [42]. Более того, пандемия подтолкнула освоение новых маршрутов. В июне 2020 г. состоялся первый пилотный мультимодальный рейс по коридору Китай–Киргизия–Узбекистан: около 230 тонн грузов из г. Ланьчжоу были доставлены в Узбекистан через Кыргызстан (с перегрузкой контейнеров с железной дороги на автотранспорт и обратно) [43]. Тем самым страны региона, опираясь на китайский опыт, начали развивать альтернативные пути для поддержания торговли в кризисных условиях.

Пандемия COVID-19 высветила необходимость укрепления устойчивости транспортных коридоров, и китайский опыт предлагает ценные рекомендации. Центральноазиатским странам целесообразно активнее внедрять цифровые и “умные” решения в логистике, шире использовать железнодорожный транспорт, а также модернизировать инфраструктуру – особенно пограничные пункты пропуска. Развитие контейнерных перевозок, создание сухих портов и других элементов современной логистики повысят гибкость цепочек поставок. В сочетании с более тесной региональной координацией (согласование санитарных норм, унификация процедур, совместные инвестиции в новые маршруты) эти меры сформируют устойчивую транспортную систему, способную преодолевать кризисные ситуации. Таким образом, опыт Китая в поддержании транзитных перевозок во время пандемии служит ориентиром для Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана в развитии эффективных транспортных коридоров и приграничного сотрудничества в условиях глобальной нестабильности.

Заключение

Опыт Китая в сфере трансграничных грузоперевозок оказывает значительное влияние на торгово-экономические отношения в Центральной Азии, в частности на сотрудничество Казахстана с Кыргызстаном и Узбекистаном. В условиях пандемии COVID-19 Китай внедрил жёсткие карантинные меры на границе, что привело к задержкам поставок и ограничению экспорта в страну. При этом транзит китайских товаров через Казахстан в Европу осуществлялся бесперебойно, что продемонстрировало приоритетность экспортной политики Китая.

Пандемия подчеркнула необходимость адаптации Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана к новым вызовам в логистике и приграничной торговле. Казахстан, как крупнейший транзитный узел региона, столкнулся с дисбалансом в двусторонней торговле с Китаем, что выявило слабые места в инфраструктуре и управлении приграничными потоками. Аналогичные сложности испытали Кыргызстан и Узбекистан, где задержки и ограничения на границах привели к росту транспортных издержек и снижению объёмов торговли.

В условиях изменения глобальных цепочек поставок приграничное сотрудничество между Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном приобретает стратегическое значение. Совместное развитие логистической инфраструктуры, унификация таможенных процедур и цифровизация транспортных маршрутов позволят минимизировать риски, связанные с внешними ограничениями, и повысить устойчивость региональной торговли. Уроки пандемии подтверждают необходимость диверсификации торговых потоков и создания эффективных механизмов реагирования на кризисные ситуации в приграничной логистике.

Статья подготовлена в рамках программы целевого финансирования КН МНВО РК AP23489647

Список литературы

1. Seetao. About 90% of China-Europe freight trains pass through Kazakhstan. 2023. <https://www.seetao.com/details/191360.html>. (дата обращения: 15.10.2024).
2. Jackson T. P., Nexon D. H. Relations before states: substance, process and the study of world politics // *European Journal of International Relations*. – 1999. – Vol. 5, No. 3. – P. 291–332.
3. Лу Фэн. Экономические отношения Китая и Казахстана в рамках стратегии «Один пояс – один путь» (проблемы и перспективы) // *Россия в глобальном мире*. – 2023. – Т. 26, №3. – С. 173–125.
4. Kassenova N. China's silk road and Kazakhstan's bright path: Linking dreams of prosperity // *Asia Policy*. – 2017. – Vol. 24, No. 1. – P. 110–116.
5. Bitabarova A. G. Unpacking Sino-Central Asian engagement along the new silk road: a case study of Kazakhstan // *Journal of Contemporary East Asia Studies*. – 2018. – Vol. 7, No. 2. – P. 149–173.
6. Peyrouse S. Discussing China: Sinophilia and sinophobia in Central Asia // *Journal of Eurasian Studies*. – 2016. – Vol. 7, No. 1. – P. 14–23.
7. Peyrouse S. The hydroelectric sector in Central Asia and the growing role of China // *The China and Eurasia Forum Quarterly*. – 2007. – Vol. 5, No. 2. – P. 131–148.
8. Wang J., Jiao J., Ma L. An organizational model and border port hinterlands for the China-Europe railway express // *Journal of Geographical Sciences*. – 2018. – Vol. 28, No. 9. – P. 1275–1287.
9. China Daily. The planning of the third Eurasian Landbridge and the opening of the westward trade corridor. – 2009. – URL: http://www.chinadaily.com.cn/zgzx/oydlq_3/2009-06/18/content_8297846.htm (дата обращения: 01.12.2024).
10. Xinhua. Chinese companies buy stake in dry port in Kazakhstan // *Xinhua Net*. – 2017. – 15 May. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-05/15/c_136285595.htm (дата обращения: 8.02.2025).
11. Xinhua. Seven national railway authorities signed the "Agreement to deepen the cooperation for the China-Europe freight train" // *Xinhua Net*. – 2018. – URL: http://www.xinhuanet.com/world/2017-04/22/c_1120856570.htm (дата обращения: 2.02.2025).
12. CAREC. Evaluation of the Railway Sector in Kazakhstan [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: https://www.carecprogram.org/uploads/CAREC-RSA-RU-KAZ-FA_1JUL2021.pdf (дата обращения: 02.12.2022).
13. Более 32 млн тонн грузов перевезли ЖД транспортом между Казахстаном и Китаем в 2024 году [Электронный ресурс] // *Rail-News.kz*. – 2024. – Режим доступа: <https://rail-news.kz/ru/cargo-transportation/19598-bolee-32-mln-tonn-gruzov-perevezli-zd-transportom-mezdu-kazaxstanom-i-kitaem-v-2024-godu.html> (дата обращения: 03.02.2025).
14. General Administration of Customs of China. 昆山海关助力江苏企业首次进口哈萨克斯坦粮食, 14 August 2018. Доступно по: <http://finance.sina.com.cn/roll/2018-08-14/doc-ihftfwqq8683797.shtml> (дата обращения: 02.12.2024).
15. Ministry of Commerce of China. 霍尔果斯海关助力哈萨克斯坦牛肉快速通关, 20 August 2019. Доступно по: <http://www.mofcom.gov.cn/article//jyj/e/201908/20190802891875.shtml> (дата обращения: 02.12.2024).
16. General Administration of Customs of China. 哈萨克斯坦活驴首进中国, 29 November 2019. Доступно по: <http://www.customs.gov.cn/customs/xwfb34/302425/2721240/index.html> (дата обращения: 02.12.2024).
17. General Administration of Customs of China. 兰州海关: 一年监管进口哈萨克斯坦大麦近15万吨, 3 December 2019. Доступно по: <http://www.customs.gov.cn/customs/xwfb34/tmj35/2733423/index.html> (дата обращения: 02.12.2024).
18. Интерфакс-Казахстан. Интервью с руководителем Комитета государственного инспекции в агропромышленном комплексе Министерства сельского хозяйства Казахстана, ноябрь 2020 г. Информационное агентство «Интерфакс-Казахстан». Доступно по: https://www.interfax.kz/?lang=rus&int_id=13&news_id=394 (дата обращения: 02.12.2024).
19. General Administration of Customs of China. 海关总署公告2020年第13号“关于进口哈萨克斯坦共和国乳制品检验检疫要求的公告”, 22 January 2020. Доступно по: <http://www.cccfna.org.cn/article/%E6%94%BF%E7%AD%96%E5%AF%BC%E8%88%AA/30279.html> (дата обращения: 21.12.2024).
20. Министерство сельского хозяйства Республики Казахстан. Официальный сайт. Доступно по: <https://www.gov.kz/memleket/entities/moa/press/news/details/175178?lang=ru> (дата обращения: 03.02.2025).
21. Levenson, M. Scale of China's Wuhan Shutdown Is Believed to Be Without Precedent // *The New York Times*. 23 January 2020. Доступно по: <https://www.nytimes.com/2020/01/22/world/asia/coronavirus-quarantines-history.html> (дата обращения: 03.02.2025).
22. Информационное бюро Госсовета КНР. Белая книга: борьба с COVID-19: Китай в действии. Китайская Народная Республика, июнь 2020 г. Доступно по: [Казахстан • Спектр](https://osh.
</div><div data-bbox=)

- china-consulate.gov.cn/rus/zyxxfb/202006/t20200620_1302338.htm (дата обращения: 21.12.2024).
23. Wang X. Dynamic Zero-COVID Policy Working, NHC Says // China Daily Hong Kong. 16 March 2022. Доступно по: <https://s.chinadailyhk.com/6VFbaa> (дата обращения: 03.03.2025).
  24. Мильников, П. Live coronavirus particles found on frozen foods // Deutsche Welle. – 2020. – 18 октября. – URL: <https://www.dw.com/ru/zhivye-chasticy-koronavirusa-najdeny-na-zamorozhennyh-produktah/a-55313983?fbclid=IwAR1TrpQnj7aJin1HeKNQBsF-XdJsuwTVAKGLWHhf5XWZPvCCnqUzTkrSvWk> (дата обращения: 04.12.2024).
  25. Eurasian Rail Alliance Index. The agreements reached between all participants along the New Silk Road will allow to keep the cost of rail transport at the same level // Index1520. – 2021. – 2 мая. – URL: https://index1520.com/en/news/dogovorennosti-dostignuty-mezhdu-vsemi-uchastnikami-novogo-shelkovogo-puti-pozvolyat-sokhranitstoi/?fbclid=IwAR2a-1Q6FpooN8dya2G3zlvJzJgSNfT7pLoGc_gkZBWeDKVko_OiuMitZYw (дата обращения: 04.12.2024).
  26. Patton, D., Farge, E. China's irritated trade partners push back on coronavirus food tests // Reuters. – 2020. – 17 ноября. – URL: [https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-china-food/chinas-irritated-trade-partners-push-back-on-coronavirus-food-tests-idUSKBN27X14P?rsc=401&fbclid=IwAR11A_ZFsUc6hTWjJtsFCrCVAWwMVhgNwYH1wO9LDFZ4-y16vgwWOLPNJA](https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-china-food/chinas-irritated-trade-partners-push-back-on-coronavirus-food-tests-idUSKBN27X14P?rsc=401&fbclid=IwAR11A_ZFsUc6hTWjJtsFCrCVAWwMVhgNwYH1wO9LDFZ4-y16vgwWOLPNJA) (дата обращения: 24.12.2022).
  27. Liter.kz. Deputy Minister of Commerce of China to personally check traffic jams on the border with Kazakhstan (Замминистра коммерции Китая лично проверит пробки на границе с Казахстаном) // Liter. – 2020. – URL: <https://liter.kz/64892-2/> (дата обращения: 04.10.2024).
  28. Informburo.kz. Two more checkpoints on the border with China will be opened for cargo carriers in the first half of 2021 (Ещё два пункта пропуска на границе с КНР откроют для грузоперевозчиков в первом полугодии 2021 года) // Informburo. – 2021. – URL: https://informburo.kz/novosti/eshhyo-dva-punkta-propuska-na-granice-s-krn-otkroyut-dlya-gruzoperevozchikov-v-pervom-polugodii-2021-goda?fbclid=IwAR11A_ZFsUc6hTWjJtsFCrCVAWwMVhgNwYH1wO9LDFZ4-y16vgwWOLPNJA (дата обращения: 18.11.2024).
  29. Бижикеева, М. Как решается ситуация с грузами на границе РК и КНР? // Kapital. – 2021. – URL: <https://kapital.kz/gosudarstvo/93961/kak-reshayet-sya-situatsiya-s-gruzami-na-granitse-rk-i-krn.html> (дата обращения: 04.12.2024).
  30. Когда полностью заработают пункты пропуска грузов на границе Казахстана и Китая? // Forbes Kazakhstan. – URL: https://forbes.kz/articles/kogda_polnotsenno_zarabotayut_punktuy_propuska_gruzov_na_granitse_kazahstana_i_kitaya (дата обращения: 04.09.2024).
  31. О развитии грузоперевозок через казахстанско-китайскую границу // Kazlogistics. – URL: <https://kazlogistics.kz/kz/news/new/761> (дата обращения: 04.10.2024).
  32. Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). Case study: China's trade facilitation responses to the COVID-19 pandemic [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://unctad.org/news/case-study-chinas-trade-facilitation-responses-covid-19-pandemic#:~:text=China%20launched%20an%20emergency%20plan,port%20charges%2C%20inspections%20and%20quarantine.> – Дата обращения: 07.02.2025.
  33. Государственный совет КНР. Measures to ensure smooth cargo transport during epidemic [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://english.www.gov.cn/statecouncil/ministries/202002/24/content_WS5e5321e9c6d0595e03c21537.html . – Дата обращения: 07.02.2025.
  34. Всемирная таможенная организация. Measures taken by the State Customs Service of the Kyrgyz Republic to facilitate the movement of goods during COVID-19 pandemic [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/topics/facilitation/activities-and-programmes/natural-disaster/covid_19/kyrgyzstan_en.pdf?la=en&la=en . – Дата обращения: 07.02.2025.
  35. Главное таможенное управление Китая. Официальный сайт Таможенной службы Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.customs.gov.cn> . – Дата обращения: 07.02.2025.
  36. Главное таможенное управление Китая. Notice on Measures to Support China-Europe Railway Express and Facilitate Foreign Trade [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://english.customs.gov.cn/Statics/946346d0-0fd0-4c5b-8d43-11de4caf46c2.html> . – Дата обращения: 07.12.2024.
  37. China Daily. China-Europe freight trains up 50% in 2020 amid COVID-19 pandemic [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202101/05/WS5ff42df4a31024ad0baa0a20.html> . – Дата обращения: 03.11.2024.
  38. Государственный совет КНР. China-Europe freight trains set new record in 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://english.www.gov.cn/archive/statistics/202101/11/content_WS5ffbb930c6d0f725769439bf.html . – Дата обращения: 07.03.2025.

39. United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (UNESCAP). Proposals for crisis response provisions in regional and bilateral transport agreements [Электронный ресурс]. – Bangkok: UNESCAP, 2021. – Режим доступа: <https://repository.unescap.org/bitstream/handle/20.500.12870/3680/ESCAP-2021-RP-Proposals-crisis-response-provisions-regional-bilateral-transport-agreements.pdf> . – Дата обращения: 07.03.2025.
40. United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (UNESCAP). Kazakhstan and Kyrgyzstan: Transport connectivity and the impact of the COVID-19 pandemic on the Euro-Asian linkage [Электронный ресурс]. – Bangkok: UNESCAP, 2022. – Режим доступа: <https://repository.unescap.org/bitstream/handle/20.500.12870/4199/ESCAP-2022-WP-Kazakhstan-Kyrgyzstan-Transport-Connectivity-Impact-Covid-19-Pandemic-Euro-Asian-Linkage.pdf?sequence=4> . – Дата обращения: 07.01.2025.
41. The Astana Times. Cargo traffic of KTZE-Khorgos Gateway dry port on Kazakh-Chinese border continues operation despite pandemic [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://astanatimes.com/2021/08/cargo-traffic-of-ktze-khorgos-gateway-dry-port-on-kazakh-chinese-border-continues-operation-despite-pandemic/> . – Дата обращения: 07.02.2025.
42. Yicai Global. China Railway Express sees demand surge as COVID-19 boosts intercontinental rail cargo [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.yicai.com/news/china-railway-express-sees-demand-surge-as-covid-19-boosts-intercontinental-rail-cargo> . – Дата обращения: 01.03.2025.
43. Georgian Foundation for Strategic and International Studies (GFSIS). Why the China-Kyrgyzstan-Uzbekistan railway matters more than ever [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gfsis.org/en/why-the-china-kyrgyzstan-uzbekistan-railway-matters-more-than-ever/> . – Дата обращения: 07.02.2025.

References

1. Seetao. About 90% of China-Europe freight trains pass through Kazakhstan. 2023. <https://www.seetao.com/details/191360.html>. (data obrashheniya: 15.10.2024).
2. Jackson T. P., Nexon D. H. Relations before states: substance, process and the study of world politics // *European Journal of International Relations*. – 1999. – Vol. 5, No. 3. – P. 291–332.
3. Lu Fjen. Jekonomicheskie otnosheniya Kitaya i Kazahstana v ramkah strategii «Odin pojas – odin put'» (problem i perspektivy) [Economic relations between China and Kazakhstan within the framework of the “One Belt – One Road” strategy (problems and prospects)] // *Rossiya v global'nom mire*. – 2023. – T. 26, №3. – S. 173–125.
4. Kassenova N. China's silk road and Kazakhstan's bright path: Linking dreams of prosperity // *Asia Policy*. – 2017. – Vol. 24, No. 1. – P. 110–116.
5. Bitabarova A. G. Unpacking Sino-Central Asian engagement along the new silk road: a case study of Kazakhstan // *Journal of Contemporary East Asia Studies*. – 2018. – Vol. 7, No. 2. – P. 149–173.
6. Peyrouse S. Discussing China: Sinophilia and sinophobia in Central Asia // *Journal of Eurasian Studies*. – 2016. – Vol. 7, No. 1. – P. 14–23.
7. Peyrouse S. The hydroelectric sector in Central Asia and the growing role of China // *The China and Eurasia Forum Quarterly*. – 2007. – Vol. 5, No. 2. – P. 131–148.
8. Wang J., Jiao J., Ma L. An organizational model and border port hinterlands for the China-Europe railway express // *Journal of Geographical Sciences*. – 2018. – Vol. 28, No. 9. – P. 1275–1287.
9. China Daily. The planning of the third Eurasian Landbridge and the opening of the westward trade corridor. – 2009. – URL: http://www.chinadaily.com.cn/zgzh/oydlq_3/2009-06/18/content_8297846.htm (data obrashheniya: 01.12.2024).
10. Xinhua. Chinese companies buy stake in dry port in Kazakhstan // Xinhua Net. – 2017. – 15 May. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-05/15/c_136285595.htm (data obrashheniya: 8.02.2025).
11. Xinhua. Seven national railway authorities signed the “Agreement to deepen the cooperation for the China-Europe freight train” // Xinhua Net. – 2018. – URL: http://www.xinhuanet.com/world/2017-04/22/c_1120856570.htm (data obrashheniya: 2.02.2025).
12. CAREC. Evaluation of the Railway Sector in Kazakhstan [Elektronnyy resurs]. – 2021. – Rezhim dostupa: https://www.carecprogram.org/uploads/CAREC-RSA-RU-KAZ-FA_1JUL2021.pdf (data obrashheniya: 02.12.2022).
13. Bolee 32 mln tonn gruzov perevezli ZhD transportom mezhdu Kazahstanom i Kitaem v 2024 godu [More than 32 million tons of cargo were transported by rail between Kazakhstan and China in 2024] (Jelektronnyy resurs) // *Rail-News.kz*. – 2024. – Rezhim dostupa: <https://rail-news.kz/ru/cargo-transportation/19598-bolee-32-mln-tonn-gruzov-perevezli-zd-transportom-mezdu-kazahstanom-i-kitaem-v-2024-godu.html> (data obrashheniya: 03.02.2025).

14. General Administration of Customs of China. 昆山海关助力江苏企业首次进口哈萨克斯坦粮食, 14 August 2018. Dostupno po: <http://finance.sina.com.cn/roll/2018-08-14/doc-ihhtfwq8683797.shtml> (data obrashhenija: 02.12.2024).
15. Ministry of Commerce of China. 霍尔果斯海关助力哈萨克斯坦牛肉快速通关, 20 August 2019. Dostupno po: <http://www.mofcom.gov.cn/article//i/jyj/e/201908/20190802891875.shtml> (data obrashhenija: 02.12.2024).
16. General Administration of Customs of China. 哈萨克斯坦活驴首进中国, 29 November 2019. Dostupno po: <http://www.customs.gov.cn/customs/xwfb34/302425/2721240/index.html> (data obrashhenija: 02.12.2024).
17. General Administration of Customs of China. 兰州海关: 一年监管进口哈萨克斯坦大麦近15万吨, 3 December 2019. Dostupno po: <http://www.customs.gov.cn/customs/xwfb34/mtj35/2733423/index.html> (data obrashhenija: 02.12.2024).
18. Interfaks-Kazahstan. Interv'ju s rukovoditelem Komiteta gosudarstvennogo inspekcii v agropromyshlennom komplekse Ministerstva sel'skogo hozjajstva Kazahstana, nojabr' 2020 g. [Interview with the Head of the State Inspection Committee in the Agro-Industrial Complex of the Ministry of Agriculture of Kazakhstan, November 2020] Informacionnoe agentstvo «Interfaks-Kazahstan». Dostupno po: https://www.interfax.kz/?lang=rus&int_id=13&news_id=394 (data obrashhenija: 02.12.2024).
19. General Administration of Customs of China. 海关总署公告2020年第13号“关于进口哈萨克斯坦共和国乳品检验检疫要求的公告”, 22 January 2020. Dostupno po: <http://www.cccfna.org.cn/article/%E6%94%BF%E7%AD%96%E5%AF%BC%E8%88%AA/30279.html> (data obrashhenija: 21.12.2024).
20. Ministerstvo sel'skogo hozjajstva Respubliki Kazahstan [Ministry of Agriculture of the Republic of Kazakhstan]. Oficial'nyj sajt. Dostupno po: <https://www.gov.kz/memleket/entities/moa/press/news/details/175178?lang=ru> (data obrashhenija: 03.02.2025).
21. Levenson, M. Scale of China's Wuhan Shutdown Is Believed to Be Without Precedent // The New York Times. 23 January 2020. Dostupno po: <https://www.nytimes.com/2020/01/22/world/asia/coronavirus-quarantines-history.html> (data obrashhenija: 03.02.2025).
22. Informacionnoe bjuro Gossoвета KNR. Belaja kniga: bor'ba s COVID-19: Kitaj v dejstvii. Kitajskaja Narodnaja Respublika, ijun' 2020 g. [State Council Information Office of the People's Republic of China. White Paper: Combating COVID-19: China in Action. People's Republic of China, June 2020.] Dostupno po: https://osh.china-consulate.gov.cn/rus/zyxxfb/202006/t20200620_1302338.htm (data obrashhenija: 21.12.2024).
23. Wang X. Dynamic Zero-COVID Policy Working, NHC Says // China Daily Hong Kong. 16 March 2022. Dostupno po: <https://s.chinadailyhk.com/6VFbaa> (data obrashhenija: 03.03.2025).
24. Myl'nikov, P. Live coronavirus particles found on frozen foods // Deutsche Welle. – 2020. – 18 oktjabrja. – URL: <https://www.dw.com/ru/zhivye-chasticy-koronavirusa-najdeny-nazamorozhennyh-produktah/a-55313983?fbclid=IwAR1TrQnj7aJin1HeKNQBsF-XdJsauTVAkGLWHhf5XWZPvCCnqUZtKzrsWk> (data obrashhenija: 04.12.2024).
25. Eurasian Rail Alliance Index. The agreements reached between all participants along the New Silk Road will allow to keep the cost of rail transport at the same level // Index1520. – 2021. – 2 maja. – URL: https://index1520.com/en/news/dogovorennosti-dostignuty-e-mezhdu-vsemi-uchastnikami-novogo-shelkovogo-puti-pozvolyat-sokhranit-stoi/?fbclid=IwAR2a-IQ6FpooN8dya2G3zlWJZJgSNf7pLoGc_gkZBWeDKVko_OiuMtZYw (data obrashhenija: 04.12.2024).
26. Patton, D., Farge, E. China's irritated trade partners push back on coronavirus food tests // Reuters. – 2020. – 17 nojabrja. – URL: https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-china-food/chinas-irritated-trade-partners-push-back-on-coronavirus-food-tests-idUSKBN27X14P?rpc=401&fbclid=IwAR11A_ZFsUc6hTWjTjsFCrCVAWwMVhgNWyH1wO9LDFZ4-yI6vgwWOLPNJA(https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-china-food/chinas-irritated-trade-partners-push-back-on-coronavirus-food-tests-idUSKBN27X14P?rpc=401&fbclid=IwAR11A_ZFsUc6hTWjTjsFCrCVAWwMVhgNWyH1wO9LDFZ4-yI6vgwWOLPNJA) (data obrashhenija: 24.12.2022).
27. Liter.kz. Deputy Minister of Commerce of China to personally check traffic jams on the border with Kazakhstan (Zamministra kommercii Kitaja lichno proverit probki na granice s Kazahstanom) // Liter. – 2020. – URL: <https://liter.kz/64892-2/> (data obrashhenija: 04.10.2024).
28. Informburo.kz. Two more checkpoints on the border with China will be opened for cargo carriers in the first half of 2021 (Eshhjo dva punkta propuska na granice s KNR otkrojut dlja gruzoperevozchikov v pervom polugodii 2021 goda) // Informburo. – 2021. – URL: https://informburo.kz/novosti/eshhyo-dva-punkta-propuska-na-granice-s-knr-otkroyut-dlya-gruzoperevozchikov-v-pervom-polugodii-2021-goda?fbclid=IwAR11A_ZFsUc6hTWjTjsFCrCVAWwMVhgNWyH1wO9LDFZ4-yI6vgwWOLPNJA (data obrashhenija: 18.11.2024).
29. Bizhikeeva, M. Kak reshaetsja situacija s gruzami na granice RK i KNR? [How is the situation with cargo on the border of Kazakhstan and China being resolved?] // Kapital. – 2021. – URL: <https://kapital.kz/gosudarstvo/93961/kak-reshayet-sya-situatsiya-s-gruzami-na-granitse-rk-i-knr.html> (data obrashhenija: 04.12.2024).
30. Kogda polnocenno zarabotajut punkty propuska gruzov na granice Kazahstana i Kitaja? [When will cargo checkpoints on the border between Kazakhstan and China fully

- operate?]] Forbes Kazakhstan. – URL: https://forbes.kz/articles/kogda_polnoetsenno_zarabotayut_punktyi_propuska_gruzov_na_granitse_kazahstana_i_kitaya (data obrashheniya: 04.09.2024).
31. O razvitiu gruzoperevozok cherez kazhstansko-kitajskuju granicu [On the development of cargo transportation across the Kazakh-Chinese border] // Kazlogistics. – URL: <https://kazlogistics.kz/kz/news/new/761> (data obrashheniya: 04.10.2024).
  32. Konferencija OON po trgovle i razvitiyu (JuNKTAD). Case study: China's trade facilitation responses to the COVID-19 pandemic [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://unctad.org/news/case-study-chinas-trade-facilitation-responses-covid-19-pandemic#:~:text=China%20launched%20an%20emergency%20plan,port%20charges%2C%20inspections%20and%20quarantine.> – Data obrashheniya: 07.02.2025.
  33. Gosudarstvennyj sovet KNR. Measures to ensure smooth cargo transport during epidemic [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://english.www.gov.cn/statecouncil/ministries/202002/24/content_WS5e5321e9c6d0595e03c21537.html . – Data obrashheniya: 07.02.2025.
  34. Vsemirnaja tamozhennaja organizacija. Measures taken by the State Customs Service of the Kyrgyz Republic to facilitate the movement of goods during COVID-19 pandemic [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/topics/facilitation-activities-and-programmes/natural-disaster/covid_19/kyrgyzstan_en.pdf?la=en&la=en . – Data obrashheniya: 07.02.2025.
  35. Glavnoe tamozhennoe upravlenie Kitaja. Oficial'nyj sajt Tamozhennoj sluzhby Kitaja [General Administration of Customs of China. Official website of China Customs] [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://online.customs.gov.cn> . – Data obrashheniya: 07.02.2025.
  36. Glavnoe tamozhennoe upravlenie Kitaja. Notice on Measures to Support China-Europe Railway Express and Facilitate Foreign Trade [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://english.customs.gov.cn/Statics/946346d0-0fd0-4c5b-8d43-11de4caf46c2.html> . – Data obrashheniya: 07.12.2024.
  37. China Daily. China-Europe freight trains up 50% in 2020 amid COVID-19 pandemic [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202101/05/WS5ff42df4a31024ad0baa0a20.html> . – Data obrashheniya: 03.11.2024.
  38. Gosudarstvennyj sovet KNR. China-Europe freight trains set new record in 2020 [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://english.www.gov.cn/archive/statistics/202101/11/content_WS5ffb930c6d0f725769439bf.html . – Data obrashheniya: 07.03.2025.
  39. United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (UNESCAP). Proposals for crisis response provisions in regional and bilateral transport agreements [Jelektronnyj resurs]. – Bangkok: UNESCAP, 2021. – Rezhim dostupa: <https://repository.unescap.org/bitstream/handle/20.500.12870/3680/ESCAP-2021-RP-Proposals-crisis-response-provisions-regional-bilateral-transport-agreements.pdf> . – Data obrashheniya: 07.03.2025.
  40. United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (UNESCAP). Kazakhstan and Kyrgyzstan: Transport connectivity and the impact of the COVID-19 pandemic on the Euro-Asian linkage [Jelektronnyj resurs]. – Bangkok: UNESCAP, 2022. – Rezhim dostupa: <https://repository.unescap.org/bitstream/handle/20.500.12870/4199/ESCAP-2022-WP-Kazakhstan-Kyrgyzstan-Transport-Connectivity-Impact-Covid-19-Pandemic-Euro-Asian-Linkage.pdf?sequence=4> . – Data obrashheniya: 07.01.2025.
  41. The Astana Times. Cargo traffic of KTZE-Khorgos Gateway dry port on Kazakh-Chinese border continues operation despite pandemic [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://astanatimes.com/2021/08/cargo-traffic-of-ktze-khorgos-gateway-dry-port-on-kazakh-chinese-border-continues-operation-despite-pandemic/> . – Data obrashheniya: 07.02.2025.
  42. Yicai Global. China Railway Express sees demand surge as COVID-19 boosts intercontinental rail cargo [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.yicai.com/news/china-railway-express-sees-demand-surge-as-covid-19-boosts-intercontinental-rail-cargo> . – Data obrashheniya: 01.03.2025.
  43. Georgian Foundation for Strategic and International Studies (GFSIS). Why the China-Kyrgyzstan-Uzbekistan railway matters more than ever [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://gfsis.org/en/why-the-china-kyrgyzstan-uzbekistan-railway-matters-more-than-ever/> . – Data obrashheniya: 07.02.2025.

Материал поступил в редакцию 04.11.2024
Утвержден к публикации 17.03.2025

АНАЛИЗ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДИПЛОМАТИИ КИТАЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Альбина Муратбекова

PhD, Старший научный сотрудник, Евразийский
научно-исследовательский институт, МКТУ
им. Х.А. Ясауи, Алматы, Казахстан,
e-mail: a.muratbekova@ayu.edu.kz
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5908-6564>

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.1.005>

Аннотация. В 21 веке, когда страны выходят за рамки традиционного понимания дипломатии и расширяют свои интересы посредством образования и интеллектуального обмена, образовательная дипломатия стала одним из важных инструментов для продвижения политических целей и амбиций. Китайская Народная Республика, вторая по величине экономика мира с крупнейшей системой высшего образования, является ярким примером такого подхода. Используя аналитические рамки образовательной дипломатии, данная статья направлена на изучение того, как развивается присутствие Китая в секторе образования стран Центральной Азии. Статья рассматривает контекст глобальной образовательной стратегии Китая; обсуждает развитие образовательной стратегии Китая в странах Центральной Азии посредством создания филиалов китайских университетов, открытия мастерских Лу Баня, работы Институтов Конфуция и расширения контактов и обменов между китайскими и центральноазиатскими университетами; а также анализирует устойчивость образовательных инициатив Китая и вызовы образовательной дипломатии Китая в регионе.

Ключевые слова: образовательная дипломатия, Китай, Центральная Азия, интернационализация.

ҚЫТАЙДЫҢ ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЕЛДЕРІНДЕГІ БІЛІМ ДИПЛОМАТИЯСЫН ТАЛДАУ

Альбина Мұратбекова

PhD, Аға ғылыми қызметкер, Қ.А.Ясауи атындағы ХҚТУ Еуразия
ғылыми-зерттеу институты, e-mail: a.muratbekova@ayu.edu.kz

Аңдатпа. XXI ғасырда мемлекеттер дипломатияның дәстүрлі түсінігінен шығып, білім мен интеллектуалды алмасу арқылы өз мүдделерін кеңейтіп жатқанда, білім дипломатиясы саяси мақсаттар мен амбицияларды алға

жылжытудың маңызды құралдарының біріне айналды. Ең ірі жоғары білім беру жүйесі бар әлемдегі екінші экономика - Қытай Халық Республикасы осы көзқарастың жарқын мысалы болып табылады. Мақала білім дипломатиясының аналитикалық құрылымын пайдалана отырып, Қытайдың Орталық Азия елдерінің білім беру секторындағы қатысуы қалай дамып жатқанын зерттеуге бағытталған. Мақалада Қытайдың жаһандық білім беру стратегиясының контексті қарастырылады; Қытай университеттерінің филиалдарын құру, Лу Бань шеберханаларын ашу, Конфуций институттарының жұмысын, Қытай мен Орталық Азия университеттері арасындағы байланыстар мен алмасуларды кеңейту арқылы Орталық Азия елдерінде Қытайдың білім беру стратегиясын дамыту мәселелерін талқылайды. Сонымен қатар, Қытайдың білім беру бастамаларының тұрақтылығын және Қытайдың аймақтағы білім дипломатиясының қиындықтарын талдайды.

Түйін сөздер: *білім дипломатиясы, Қытай, Орталық Азия, интернационалдандыру*

ANALYSIS OF CHINA'S EDUCATION DIPLOMACY IN CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Albina Muratbekova

PhD, Senior Research Fellow, Eurasian Research Institute, Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: a.muratbekova@ayu.edu.kz

Abstract. In the 21st century, when countries move beyond the traditional understanding of diplomacy and expand their interests through education and intellectual exchange, education diplomacy has become one of the important tools for advancing political goals and ambitions. People's Republic of China, being the second-largest economy with the largest higher education system in the world, is a prime example of this approach. Using the analytical framework of education diplomacy, the article aims to examine how China's presence in the education sector of Central Asian countries is evolving. The article provides the context of China's global education strategy; discusses the development of China's education strategy in Central Asian countries through the establishment of branch campuses of Chinese universities, the opening of Lu Ban workshops, the operation of Confucius Institutes, and the expansion of contacts and exchanges between Chinese and Central Asian universities; analyzes the sustainability of China's education initiatives and the challenges of China's education diplomacy in the region.

Keywords: *Education diplomacy, China, Central Asia, internationalization*

Введение

В 21 веке, когда страны выходят за рамки традиционного понимания дипломатии и расширяют свои интересы посредством развития образования и интеллектуального обмена, образовательная дипломатия стала одним из важных инструментов продвижения политических целей и амбиций. Китай-

ская Народная Республика, являясь второй по величине экономикой мира с крупнейшей системой высшего образования является ярким примером применения такого подхода.

Стремясь вернуть себе центральное место в международной системе, Китай среди прочего пересмотрел значимость образовательной стратегии в своей внешней политике. Образовательная дипломатия превратилась в важный инструмент формирования мягкой силы и международного влияния Китая. С помощью образовательной дипломатии китайское руководство стремится не только расширить политическое и экономическое влияние Китая, но и укрепить культурные и социальные связи по всему миру.

Согласно документу, министерство образования Китая от 2015 года, Китай нацелен построить новую модель образования, открывая свое образование внешнему миру и продвигая международное образовательное сотрудничество, в том числе в рамках инициативы Пояса и Пути. В 2019 году Государственный совет Китая опубликовал долгосрочный план страны в области образования «Модернизация образования Китая до 2035 года», где среди десяти ключевых пунктов указаны развитие качественного образования с китайской спецификой и повышение уровня интернационализации образования [1; 2].

Настоящая статья рассмотрит развитие образовательной дипломатии Китая на примере ее реализации в странах Центральной Азии. Китай является главным торговым партнером всех стран Центральной Азии. Сотрудничество между странами выстроено в рамках всестороннего стратегического партнерства, где научно-образовательные и культурно-гуманитарные связи являются одним из ключевых направлений, наряду с торгово-экономическим сотрудничеством. За последние годы Китай пересмотрел свою образовательную дипломатию в регионе. В рамках инициативы Пояса и Пути, а также на двустороннем и региональном уровнях Китай расширяет свое присутствие в секторе образования в странах Центральной Азии продвигая открытие филиалов китайских университетов, совместных образовательных программ, мастерских Лу Бань и через Институты Конфуция.

Статья, применяя аналитические рамки образовательной дипломатии ставит целью рассмотреть, как продвигается китайское присутствие в образовательном секторе стран Центральной Азии. Для этого, в статье рассматривается контекст глобальной образовательной стратегии Китая; обсуждается развитие образовательной стратегии Китая в странах Центральной Азии на примере создания филиалов китайских университетов, открытия мастерских Лу Баня, работы Институты Конфуция и расширения контактов и обменов между китайскими и центральноазиатскими университетами; и, наконец, анализируется устойчивость китайских образовательных инициатив и вызовы образовательной дипломатии Китая в регионе.

Концептуальные рамки исследования

Образовательная дипломатия – один из видов «новой дипломатии», использует инструменты публичной дипломатии для содействия эффективному сотрудничеству между различными субъектами для решения проблем образования и продвижения программ преобразований [3]. Она является новой областью практики в глобальном секторе образования, которая включа-

ет в себя навыки дипломатии для решения сложных проблем образования посредством коллективных действий [4]. Образовательная дипломатия также считается идеальным инструментом применения «мягкой силы», позволяющим добиться гораздо большего, чем традиционные дипломатические методы [5].

Термин «образовательная дипломатия» был введен в научный оборот в 2009 году Международной ассоциацией детского образования. Первоначально образовательная дипломатия обозначала «междисциплинарный, межкультурный обмен теориями, идеями и концепциями, которые улучшают ландшафт образования, тем самым положительно воздействуя на качество человеческого образования» [4]. Образовательную дипломатию применяют на местном, национальном и международном уровнях, и поэтому существуют разногласия по точному определению самого термина.

Так образовательная дипломатия рассматривается как мост для содействия миру, глобальной безопасности и устойчивому решению сложных человеческих проблем. На местном и национальном уровне образовательная дипломатия способствует улучшению долгосрочного образования и качества жизни посредством сотрудничества между различными субъектами и имеет важное значение для устойчивого и здорового социального будущего [6]. На международном уровне образовательная дипломатия создает новый характер транснационального сотрудничества посредством академического обмена, обмена знаниями и межкультурного диалога. С помощью образовательной дипломатии страны стремятся распространить свои политические цели. Образовательная дипломатия служит эффективным инструментом продвижения публичной политики страны в рамках политики «мягкой силы», где страны расширяют свои национальные интересы и стремятся формировать отношение других и контролировать их поведение [3]. Публичная политика здесь рассматривается как «процесс правительства в общении с зарубежной общественностью в попытке добиться понимания идей и идеалов своей страны, ее институтов и культуры, а также ее национальных целей и текущей политики» [7, с. 3]. Публичная политика относится к инструментам «мягкой силы», которая означает способность «получать то, что хотите, путем привлечения, а не принуждения ... формируя предпочтения других» [8, с. 5].

В настоящее время образовательная дипломатия, способствующая развитию образовательных перспектив в других странах и регионах, стала важным элементом глобальной дипломатии [9, 10]. Так, государственные программы Фулбрайт, Британского совета, Европейского союза, и другие уже зарекомендовали себя как успешные кейсы публичной дипломатии, завоевав большую популярность и признание. Институты Конфуция аналогично предоставляя свои программы обмена и изучения языка демонстрируют успешный пример усилий публичной политики Китая в мире [11; 12; 13; 14]. В Центральной Азии политика Китая в сфере образования также пользуется поддержкой и считается успешной [15; 16].

В настоящем исследовании, основанном на концептуальной основе образовательной дипломатии как эффективного инструмента публичной политики, анализируются различные усилия китайского правительства по расширению своего присутствия в образовательном пространстве Центральной Азии.

Результаты исследования

Интернационализация высшего образования в Китае

Китай начал свой путь интернационализации образования в 1983 году, когда главный архитектор экономических реформ Дэн Сяопин предложил модернизировать систему образования. С тех пор, наряду с растущим экономическим ростом и политическими амбициями, образование в Китае претерпело значительные изменения. Благодаря рекордному экономическому росту образование и наука получили мощную финансовую поддержку, способствуя укреплению китайского образования, усилению международного сотрудничества и интернационализации. Китайские университеты упорно трудились над продвижением своего имиджа и укреплением своих позиций в глобальной конкуренции за интернационализацию высшего образования [17].

Огромная государственная поддержка и инвестиции позволили китайским университетам модернизироваться и интернационализироваться в рекордные сроки, повышая качество обучения и привлекая с каждым годом все больше иностранных студентов. В результате Китай является одним из мировых конкурентов в интернационализации высшего образования как по количеству иностранных студентов и преподавателей в стране, так и по отправке, являясь одной из основных стран-поставщиков иностранных студентов в мире. Обладая крупнейшей образовательной системой в мире, Китай увеличивает количество мест и позиций в международных рейтингах университетов, стал крупнейшим производителем научных статей, крупнейшим источником международных патентных заявок и лидирует в таких высокотехнологичных науках, как искусственный интеллект, биологические науки и инженерия [18].

С укреплением глобального позиционирования Китая также усилилась стратегия интернационализации китайского образования. Так, с приходом к власти Си Цзиньпина в 2014 году и провозглашением его «политики гармонии» китайское правительство усилило стратегию «мягкой силы», стремясь показать миру благоприятный национальный имидж Китая. В 2015 году были приняты Руководящие принципы по открытию образования для внешнего мира в новую эпоху, в которых изложены основные механизмы расширения международного сотрудничества и интернационализации высшего образования [1]. Параллельно с этим в 2016 году в рамках ИПП был принят «План действий в области образования», который представляет собой трехкомпонентную структуру по повышению образовательного потенциала стран-участниц. В частности, там выделены три основных направления сотрудничества для ускорения развития образования в странах ИПП, такие как образовательная связанность, углубление сотрудничества в развитии талантов и обучении для повышения общей эффективности образования и создание конкретных механизмов сотрудничества. Согласно документу, данные механизмы позволяют при достижении образовательных целей каждой страны ссылаться на опыт друг друга в развитии образования и обмениваться лучшими образовательными ресурсами [19]. В 2017 году на Форуме по международному сотрудничеству ИПП Си Цзиньпин объявил о «Плане действий по сотрудничеству в области науки, технологий и инноваций» в

рамках ИПП, состоящем из Инициативы по обмену между людьми в области науки и технологий, Инициативы по установлению связей между лабораториями, Инициативы по сотрудничеству научных парков и Инициативы по передаче технологий [20].

На сегодняшний день основными документами для продолжения реформ и развития сферы образования в Китае являются два документа, опубликованные Госсоветом в 2019 году: «План модернизации образования Китая до 2035 года» и «План реализации ускоренной модернизации образования (2018–2022 годы)» [21]. На основе данных рамочных документов в статье далее рассматривается, как официальный курс образовательной стратегии Китая реализуется в странах Центральной Азии.

Интернационализация китайского образования в Центральной Азии

КНР является стратегическим партнером всех стран Центральной Азии. Наряду с многосторонними политическими и экономическими связями, в последние годы наблюдается активизация сотрудничества в сфере образования. В частности, образовательная дипломатия в регионе интенсифицировалась за счет укрепления университетского и научного сотрудничества, открытия мастерских Лу Баня, работы Институтов Конфуция.

В первую очередь, нужно отметить повышение интереса китайских вузов к открытию своих представительств в странах Центральной Азии. Законодательно китайские университеты не могут открывать собственные филиалы за рубежом; разрешена только совместная образовательная деятельность с зарубежными университетами. Возможность совместной образовательной деятельности китайских и зарубежных вузов возможна только в трех форматах: индивидуальный новый вуз, совместные институты под руководством вузов, совместная программа вузов. Чаще всего китайские вузы открывают совместные образовательные программы с участием китайских и иностранных учреждений, одобренные Министерством образования Китая. Однако с 2015 года, китайское правительство начало поощрять распространение китайского образования, поэтому с 2019 года возможны три формата открытия зарубежных филиалов: 1) модель существующего института Конфуция; 2) создание китайских филиалов на базе действующих учреждений; 3) поощрение учебных заведений для открытия китайских филиалов [15].

До пандемии китайская политика в области образования ориентировалась только на образовательный рынок стран Запада и России, поскольку правительство было заинтересовано в быстром повышении своих международных рейтингов [15]. В этот период попытки открыть филиалы китайских университетов в странах Центральной Азии не увенчались успехом. Так, несмотря на достигнутые договоренности, не были реализованы планы по открытию в Таджикистане Китайского международного университета (2017 г.), а в Узбекистане — филиалов Нанкинского политехнического института (2019 г.), Сычуаньского университета (2020 г.) и Цзянсийского университета традиционной китайской медицины (2020 г.).

Изменения политики в отношении стран Центральной Азии наблюдаются после пандемии, когда власти Китая переосмыслили свою образовательную политику в регионе. В первую очередь, эти изменения привели к пересмотру присутствия китайских вузов в регионе. Так, в 2023 году в Казахском наци-

ональном университете имени аль-Фараби открылся филиал Северо-Западного политехнического университета, на базе Сатпаев университета в Алматы заключено соглашение об открытии филиала гонконгского университета CityU, в Международном университете Астана в 2024 году открылся филиал Пекинского университета языка и культуры [22; 23; 24]. В Узбекистане есть договоренности об открытии узбекско-китайского вуза и НИИ в Сырдарьинской области, в Самаркандском международном технологическом университете планируется открыть Chinese Institute of Electric Power в качестве нового факультета [25; 26]. Кроме того, в Самарканде создана китайско-узбекская международная лаборатория по научно-технической археологии и охране культурного наследия [27]. На базе Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына в рамках ИПП создан Институт Шелкового пути совместно с Хэнаньским университетом [28]. Учитывая, что в 2014 году в мире насчитывалось всего три филиала китайских университетов, данные продвижения свидетельствуют о растущей роли Центральной Азии в образовательной дипломатии Китая.

Заинтересованность китайских чиновников образования можно проследить в визите делегации Министерства образования КНР во главе с вице-министром образования КНР г-н Сунь Яо в Казахстан, Узбекистан и Туркменистан в декабре 2023 года, где обсуждались вопросы расширения сотрудничества в образовательном секторе. Также в октябре 2023 года в КазНУ прошел Форум по сотрудничеству в сфере высшего образования между Китаем и странами Центральной Азии, в январе 2024 года в Пекине прошел Узбекско-китайский образовательный форум, организованный министерствами образования обеих стран, а в декабре 2023 года в Душанбе прошел первый Таджикско-китайский форум по техническому образованию [29; 30; 31]. Активизация сотрудничества между топ-менеджерами вузов также позволяет сделать выводы о возросшем интересе сторон, а также о перепозиционировании вузов Центральной Азии как потенциального рынка в образовательной политике Китая.

Помимо двустороннего сотрудничества между вузами развивается и региональное сотрудничество. К примеру, семь вузов из Казахстана и Кыргызстана и два вуза из Таджикистана и Туркменистана присоединились к Альянсу университетов Шелкового пути для продвижения целей ИПП, созданному в Сианьском университете Цзяотун [32].

Кроме сектора высшего образования, развивается новое направление образовательной дипломатии Китая – профессиональное образование через работу мастерских Лу Баня. В 2016 году муниципалитет Тяньцзинь под руководством Министерства образования Китая создал восемь мастерских, которые стали важным инструментом продвижения международной образовательной дипломатии Китая в рамках ИПП. Мастерские, названные в честь известного древнекитайского мастера Лу Баня, стали флагманским образовательным проектом ИПП. Они направлены на развитие профессиональных технических навыков посредством сочетания академического образования и практического обучения. На сегодняшний день существует три формата мастерских: открытие мастерских на основе сотрудничества между кооперативными колледжами; запуск мастерских на базе существующих предприятий; и создание новых мастерских на основе межправительственного согла-

шения [33]. Стоит отметить, что отличительной чертой мастерских является метод, который направлен на обучение местных учителей распространению знаний без непосредственного обучения студентов. Создатели мастерских считают, что, предоставляя учебные материалы, а также необходимое экспериментальное оборудование с высокими техническими стандартами, мастерские способствуют эффективной интеграции в местную академическую систему, а также способствуют образованию технических и квалифицированных кадров для наиболее востребованных отраслей [34].

Первая подобная мастерская Лу Баня открылась в Центральной Азии в Душанбе в ноябре 2022 года в Таджикском техническом университете в партнерстве с Тяньцзиньским профессионально-техническим университетом управления градостроительства. В рамках двух факультетов в ТТУ функционирует мастерская, которая совместно готовит студентов по специальности «Технологии применения тепловой энергии» и «Инженерно-изыскательские технологии» [35]. В декабре 2023 года в Восточно-Казахстанском техническом университете в Усть-Каменогорске открылась вторая мастерская Лу Бань совместно с Тяньцзиньским профессиональным институтом в рамках образовательной программы «Транспорт, транспортная техника и технологии» с использованием методики обучения «Инновационного проекта инженерной практики» и передового китайского оборудования [36]. В ноябре 2023 года Ташкентский государственный транспортный университет подписал соглашение о строительстве мастерской совместно с Тяньцзиньским морским профессиональным колледжем для подготовки инженеров по специальностям «Управление логистикой» и «Информационные технологии» [37]. В октябре 2024 года в Кыргызском государственном техническом университете открылась мастерская, в которой есть три умных класса и 14 специализированных лабораторий [38]. Аналогичные планы по открытию мастерской Лу Баня согласованы с Туркменским Международным университетом нефти и газа [39].

Одним из традиционных и ключевых механизмов распространения китайского образования являются Институты Конфуция. В Центральной Азии работают 13 Институтов Конфуция: пять в Казахстане, четыре в Кыргызстане, по два в Узбекистане и Таджикистане, и 24 класса Конфуция. В рамках расширения образовательной дипломатии институты, помимо увеличения стипендий для изучения китайского языка, в том числе в Китае, увеличили количество грантов и стипендий для получения степени в китайских вузах. Также увеличились квоты по Международной стипендии для преподавателей китайского языка. В целом наблюдается рост активности и заинтересованности китайских вузов в установлении сотрудничества с вузами Центральной Азии через Институты Конфуция.

В дополнении к отмеченному институциональному развитию, связи между научными сообществами сторон стали более частыми, посредством двусторонних научных и академических обменов, различных программ визитов и ознакомления с китайским образовательным сектором.

Все эти и другие продвижения свидетельствуют о переосмыслении образовательной стратегии Китая по отношению к странам Центральной Азии. Учитывая устойчивое развитие и укрепление политических и экономических связей между странами, образовательная дипломатия служит дальнейшим

импульсом для усиления публичной дипломатии и связей на уровне людей.

Заключение

Китай, являясь стратегическим партнером всех стран Центральной Азии, активно укрепляет и расширяет свои позиции в регионе. Двусторонние, региональные и многосторонние взаимодействия сторон демонстрируют растущее значение Центральной Азии в глобальной дипломатии Китая. Кроме динамично растущих двусторонних отношений между Китаем и странами Центральной Азии, укрепляется региональное сотрудничество в рамках механизма сотрудничества формата Китай-Центральная Азия, ШОС и ИПП. Культурно-гуманитарные связи в рамках данных форматов являются одним из важных механизмов взаимодействия.

В статье продемонстрированы как меняется стратегия образовательного сектора Китая в отношении стран Центральной Азии. Если раньше китайское образование в первую очередь продвигалось через привлечение изучения китайского языка, Институтов Конфуция и популяризацию получения высшего образования в Китае, то в последние годы отмечается расширение представительства китайского образования в образовательном секторе стран Центральной Азии. На примерах открытия филиалов китайских вузов, мастерских Лу Баня и общей активизации сотрудничества в сфере образования показаны устремления китайского образовательного сектора в вузах Центральной Азии.

Однако расширение присутствия не предполагает безусловных устойчивых результатов. Укрепление китайского присутствия в образовательной сфере повышает популяризацию знаний о Китае и китайских специалистах, но и порождает ряд вызовов, связанных с общим имиджем Китая в странах региона. Прежде всего, это связано с недоверием и страхами, основанными на политических и экономических предубеждениях. В странах Центральной Азии на уровне населения по-прежнему сохраняется определенная тревожность относительно китайских инициатив, поэтому развитие образовательной сферы можно рассматривать через призму стереотипов, связанных с имиджем Китая в целом. Также специфика китайского образования и применяемые стандарты отличаются от привычных западных стандартов, что соответственно вызывает у некоторых сомнения в качестве и применяемой методологии.

Китайскому образовательному сектору, немного поздно включившемуся в процесс интернационализации высшего образования в странах Центральной Азии, необходимо усилить свое присутствие в регионе. Университеты Центральной Азии активно сотрудничают с западными, азиатскими и российскими университетами, с которыми налажены прочные партнерские связи с широкими возможностями для академического и научного обмена. Китайские университеты из-за языкового барьера и различий в образовательной системе испытывают ряд сложностей в создании и укреплении таких партнерских связей.

Это связано и с объемом финансирования. Хотя китайское правительство планомерно увеличивает количество предоставляемых грантов и стипендий, их количество по сравнению с другими странами все еще незначительно.

Немаловажную роль играет и языковой барьер — изучение китайского

языка для обучения в Китае или по программам обмена по специальностям не относящиеся к изучению Китая.

Кроме того, существуют барьеры для проведения совместных научных исследований. Отсутствие механизма подачи заявок на гранты китайского правительства, а также слабая партнерская сеть между китайскими и центральноазиатскими учеными существенно ограничивает проведение совместных научных исследований. В совокупности эти факторы ограничивают расширение присутствия китайского образования в странах Центральной Азии.

Усиление образовательной дипломатии в странах региона является своевременным решением, требующим долгосрочной и устойчивой стратегии. Отмеченный прогресс в открытии филиалов китайских вузов и мастерских Лу Баня сможет стимулировать развитие образовательных контактов и способствовать повышению интереса к взаимному сотрудничеству. Учитывая высокие темпы развития науки и технологий в Китае, такое сотрудничество позволит наладить контакты в области естественных и технических наук, где сотрудничество традиционно ограничивалось из-за языкового барьера.

Университеты Центральной Азии, переживающие очередную волну интернационализации, диверсифицируют свое партнерство в этой сфере и заинтересованы в усилении актуальной образовательной дипломатии Китая в регионе.

Список литературы

1. Ключевые моменты работы Министерства образования в 2015 году. 2015. http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/moe_164/201502/t20150212_185801.html. (дата обращения 15.10.2024).
2. Ключевые моменты работы Министерства образования в 2019 году. 2019. Key Points of the Work of the Ministry of Education in 2019 - Government portal of the Ministry of Education of the People's Republic of China (moe.gov.cn) (дата обращения 15.10.2024).
3. Институт публичной дипломатии <https://www.publicdiplomacy.online/education-diplomacy>. (дата обращения 10.10.2024).
4. Childhood Education International. <https://ceinternational1892.org/educdiplomacy-why-now/>. (дата обращения 10.10.2024).
5. McGill P. P. Diplomacy and Education: A Changing Global Landscape // International Higher Education. – 2014. – Vol. 75. – P. 2–3. <https://doi.org/10.6017/ihe.2014.75.5410>
6. Bhatta, B., Young, D. Partnership for Sustainable Development Nepal and the Promotion of Education Diplomacy / In Education Diplomacy in Action. Voices from around the world. Ed. Eds. Georgianna Duarte, Ekaterina Strekalova-Hughes. – A project of the International Outreach Committee Association for Childhood Education International, Washington, DC. – 2015.
7. Tuch, H. N. Communicating with the world: U.S. public diplomacy overseas. – New York, NY: St. Martin's Press, 1990.
8. Nye, J. Soft Power: The Means To Success In World Politics. – New York: Public Affairs, 2004.
9. Hone, K. Education Diplomacy - Towards a Common Understanding. 2014. <https://www.norrag.org/education-diplomacy-towards-a-common-understanding/>
10. Knight, J. Analysing Knowledge Diplomacy and Differentiating It from Soft Power and Cultural, Science, Education and Public Diplomacies // The

- Hague Journal of Diplomacy. –2023. – Vol. 18(4). – P. 654–686. <https://doi.org/10.1163/1871191x-bja10145>
11. Yang, R. China's Soft Power Projection in Higher Education // *International Higher Education*. – 2007. –Vol. 46. – P. 24 - 25. <https://doi.org/10.6017/ihe.2007.46.7938>
  12. Pan, S. Confucius Institute project: China's cultural diplomacy and soft power projection // *Asian Education and Development Studies*. – 2013. – Vol. 2 (1). – P. 22-33. <https://doi.org/10.1108/20463161311297608>
  13. Metzgar, E. T. Institutions of Higher Education as Public Diplomacy Tools: China-Based University Programs for the 21st Century // *Journal of Studies in International Education*. – 2015. – Vol. 20(3). – P. 223-241. <https://doi.org/10.1177/1028315315604718>
  14. Xu, W. Learning to 'tell China's story well': higher education policy and public diplomacy in Chinese international education // *Journal of Higher Education Policy and Management*. – 2024. – Vol. 46(2). – P. 166–181. <https://doi.org/10.1080/1360080X.2023.2269499>
  15. Чуанья Цзюй, Юн С.М. Политика КНР в сфере интернационализации высшего образования и развитие образовательного сотрудничества Китая и Узбекистана // *Вестн. Том. гос. ун-та*. – 2022. – №482. – С. 113–124. doi: 10.17223/15617793/482/12.
  16. Рашидов Т, Муллоджонов П, Рашидова У, Лемон Э. Академическая дипломатия: образовательные аспекты «мягкой силы» Китая и России в Таджикистане // *Nationalities Papers*. – 2023. – Опубликовано в Интернете. – С. 1–15. doi:10.1017/nps.2023.46
  17. Frezghi, T. G., Tsegay, S. M. Internationalisation of Higher Education in China: A Critical Analysis // *Social Change*. – 2019. – Vol. 49(4). – P. 643-658. <https://doi.org/10.1177/0049085719886693>
  18. d'Hooghe, I. China's public diplomacy: 1991-2013. – Leiden, The Netherlands: Brill, 2019.
  19. Education Action Plan for the Belt and Road Initiative. 2016. <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/30277.html>. (дата обращения 24.10.2024).
  20. MOST Contributes Science and Innovation Deliverables to BRF. 2017. https://en.most.gov.cn/pressroom/201707/t20170714_134070.htm. (дата обращения 15.10.2024).
  21. China's education modernization plan towards 2035. 2020. <https://www.education.gov.au/download/12107/chinas-education-modernisation-plan-towards-2035/22964/document/pdf> . (дата обращения 15.10.2024).
  22. A branch of Northwestern Polytechnical University of China Opened in KazNU. 2023. <https://farabi.university/news/82725?lang=ru>. (дата обращения 15.10.2024).
  23. Satbayev University and City University of Hong Kong have signed an agreement on creating the innovative strategic partnership. 2023. <https://satbayev.university/en/news/satbayev-university-and-city-university-of-hong-kong-have-signed-an-agreement-on-creating-the-innovative-strategic-partnership>. (дата обращения 28.01.2024).
  24. Пекинский университет языка и культуры. 2024. <https://aiu.edu.kz/ru/relationship/dual-programs/university?university=6> . (дата обращения 28.01.2024).
  25. В Сырдарьинской области появятся узбекско-китайские вуз и НИИ. 2023. <https://uz.sputniknews.ru/20230405/v-uzbekistane-otkroyut-uzbeksko-kitayskiy-vuz-nii-33549359.html>. (дата обращения 28.01.2024).
  26. При СМТУ будет открыт китайский энергетический институт. 2023. <https://www.siut.uz/ru/press-center-ru/news-ru/482-pri-smtu-budet-otkryt-kitajskij-institut-elektroenergetiki>. (дата обращения 28.01.2024).
  27. В Самарканде начала работу китайско-узбекская международная лаборатория по научно-технической археологии и охране культурного наследия. 2023. <https://china-uz-friendship.com/?p=52321>. (дата обращения 28.01.2024).
  28. Silk Road Institute opened in Bishkek. 2021. <https://en.kabar.kg/news/silk-road-institute-opened-in-bishkek/> . (дата обращения 28.01.2024).
  29. В КазНУ прошел Форум вузов Китая и стран Центральной Азии. 2023. <https://farabi.university/news/82807>. (дата обращения 28.01.2024).
  30. Между университетами Узбекистана и Китая подписана Пекинская

- декларация о сотрудничестве. 2024. <https://yuz.uz/ru/news/mejdu-universitetami-uzbekistana-i-kitaya-podpisana-pekinskaya-deklaratsiya-o-sotrudnichestve-> . (дата обращения 28.01.2024).
31. В Душанбе состоялся первый форум Таджикистана и Китая по техническому образованию. 2023. <https://khover.tj/rus/2023/12/v-dushanbe-sostoyalsya-pervyj-forum-tadzhikistana-i-kitaya-po-tehnicheskomu-obrazovaniyu/> . (дата обращения 28.01.2024).
  32. University Alliance of the Silk Road. <http://uasr.xjtu.edu.cn/> . (дата обращения 28.01.2024).
  33. Ван Бяо, Мартынова Н.В. Профессиональные мастерские "lu ban workshop", как пример успешного опыта международного сотрудничества Китая в рамках национальной инициативы "Один Пояс - Один Путь" // The Scientific Heritage. – 2022. – Vol. 90. – С. 68–73.
  34. Xiaoyi, Lin and Yunyi, Bai. From Luban Workshop to 'Silk Road' University, China trains professional personnel for Central Asia. 2023. <https://www.globaltimes.cn/page/202309/1297787.shtml>. (дата обращения 31.01.2024).
  35. First Luban Workshop in Central Asia becomes a new 'calling card' of China's vocational education. 2023. <http://en.people.cn/n3/2023/0518/c90000-20020183.html#:~:text=Co%2Dfounded%20by%20China's%20Tianjin,teachers%20and%20students%20so%20far>. (дата обращения 31.01.2024).
  36. A unique "Lu Ban Workshop" has opened in the east of the country. 2023. <https://www.gov.kz/memleket/entities/sci/press/news/details/668271?lang=ru>. (дата обращения 31.01.2024).
  37. В Тяньцзине состоялась церемония подписания соглашения о строительстве китайской "Мастерской Лу Бань" в Ташкенте. 2023. <https://russian.cgtn.com/news/2023-11-21/1726881079939444738/index.html>. (дата обращения 31.01.2024).
  38. В Бишкеке торжественно открылась «Мастерская имени Лу Баня». 2024. <https://russian.cgtn.com/news/2024-10-27/1850510196186714113/index.html>. (дата обращения 31.01.2024).
  39. Международный проект «Мастерская Лу Баня» будет запущен в Туркменистане. 2024. <https://turkmenportal.com/blog/83891/mezhdunarodnyi-proekt-masterskaya-lu-banya-budet-zapushchen-v-turkmenistane> . (дата обращения 31.01.2024).

References:

1. Klyuchevyye momenty raboty Ministerstva obrazovaniya v 2015 godu. 2015 [Key Points of the Work of the Ministry of Education in 2015]. http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/moe_164/201502/t20150212_185801.html. (data obrashcheniya 15.10.2024).
2. Klyuchevyye momenty raboty Ministerstva obrazovaniya v 2019 godu. 2019 . [Key Points of the Work of the Ministry of Education in 2019] - Government portal of the Ministry of Education of the People's Republic of China (moe.gov.cn) (data obrashcheniya 15.10.2024).
3. Institut publichnoy diplomatii [Institute of Public Diplomacy] <https://www.publicdiplomacy.online/education-diplomacy> . (data obrashcheniya 10.10.2024).
4. Childhood Education International. <https://ceinternational1892.org/educdiplomacy-why-now/>. (data obrashcheniya 10.10.2024).
5. McGill P. P. Diplomacy and Education: A Changing Global Landscape // International Higher Education. – 2014. – Vol. 75. – P. 2–3. <https://doi.org/10.6017/ihe.2014.75.5410>
6. Bhatta, B., Young, D. Partnership for Sustainable Development Nepal and the Promotion of Education Diplomacy / In Education Diplomacy in Action. Voices from around the world. Ed. Eds. Georgianna Duarte, Ekaterina Strelakova-Hughes. – A project of the International Outreach Committee Association for Childhood Education International, Washington, DC. – 2015.
7. Tuch, H. N. Communicating with the world: U.S. public diplomacy overseas. – New York, NY: St. Martin's Press, 1990.
8. Nye, J. Soft Power: The Means To Success In World Politics. – New York:

- Public Affairs, 2004.
9. Hone, K. Education Diplomacy - Towards a Common Understanding. 2016. <https://www.norrag.org/education-diplomacy-towards-a-common-understanding/>
  10. Knight, J. Analysing Knowledge Diplomacy and Differentiating It from Soft Power and Cultural, Science, Education and Public Diplomacies // The Hague Journal of Diplomacy. –2023. – Vol. 18(4). – P. 654–686. <https://doi.org/10.11663/1871191x-bja10145>
  11. Yang, R. China's Soft Power Projection in Higher Education // International Higher Education. – 2007. –Vol. 46. – P. 24 - 25. <https://doi.org/10.6017/ihe.2007.46.7938>
  12. Pan, S. Confucius Institute project: China's cultural diplomacy and soft power projection //Asian Education and Development Studies. – 2013. – Vol. 2 (1). – P. 22-33. <https://doi.org/10.1108/20463161311297608>
  13. Metzgar, E. T. Institutions of Higher Education as Public Diplomacy Tools: China-Based University Programs for the 21st Century // Journal of Studies in International Education. – 2015. – Vol. 20(3). – P. 223-241. <https://doi.org/10.1177/1028315315604718>
  14. Xu, W. Learning to 'tell China's story well': higher education policy and public diplomacy in Chinese international education // Journal of Higher Education Policy and Management. – 2024. – Vol. 46(2). – P. 166–181. <https://doi.org/10.1080/1360080X.2023.2269499>
  15. Chuan'ya TSYuy, Yun C.M. Politika KNR v sfere internatsionalizatsii vysshego obrazovaniya i razvitiye obrazovatel'nogo sotrudnichestva Kitaya i Uzbekistana [PRC Policy in the Sphere of Internationalization of Higher Education and Development of Educational Cooperation between China and Uzbekistan] // Vestn. Tom. gos. un-ta. – 2022. – №482. – С. 113–124. doi: 10.17223/15617793/482/12.
  16. Rashidov T, Mullodzhonov P, Rashidova U, Lemon E. Akademicheskaya diplomatiya: obrazovatel'nyye aspekty «myagkoy sily» Kitaya i Rossii v Tadzhikistane [Academic Diplomacy: Educational Aspects of China and Russia's Soft Power in Tajikistan] // Nationalities Papers. – 2023. – С. 1–15. doi:10.1017/nps.2023.46
  17. Frezghi, T. G., Tsegay, S. M. Internationalisation of Higher Education in China: A Critical Analysis // Social Change. – 2019. – Vol. 49(4). – P. 643-658. <https://doi.org/10.1177/0049085719886693>
  18. d'Hooghe, I. China's public diplomacy: 1991-2013. – Leiden, The Netherlands: Brill, 2019.
  19. Education Action Plan for the Belt and Road Initiative. 2016. <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/30277.html>. (data obrashcheniya 24.01.2024).
  20. MOST Contributes Science and Innovation Deliverables to BRF. 2017. https://en.most.gov.cn/pressroom/201707/t20170714_134070.htm. (data obrashcheniya 15.10.2024).
  21. China's education modernization plan towards 2035. 2020. <https://www.education.gov.au/download/12107/chinas-education-modernisation-plan-towards-2035/22964/document/pdf> . (data obrashcheniya 15.10.2024).
  22. A branch of Northwestern Polytechnical University of China Opened in KazNU. 2023. <https://farabi.university/news/82725?lang=ru>. (data obrashcheniya 15.10.2024).
  23. Satbayev University and City University of Hong Kong have signed an agreement on creating the innovative strategic partnership. 2023. <https://satbayev.university/en/news/satbayev-university-and-city-university-of-hong-kong-have-signed-an-agreement-on-creating-the-innovative-strategic-partnership>. (data obrashcheniya 28.01.2024).
  24. Pekinskiy universitet yazyka i kul'tury [Beijing Language and Culture University]. 2024. <https://aiu.edu.kz/ru/relationship/dual-programs/university?university=6> . (data obrashcheniya 28.01.2024).
  25. V Syrdar'nskiy oblasti poyavyatsya uzbeksko-kitayskiye vuz i Nil [Uzbek-Chinese universities and research institutes to appear in Syrdarya region]. 2023. <https://uz.sputniknews.ru/20230405/v-uzbekistane-otkroyut-uzbeksko-kitayskiy-vuz-nii-33549359.html> . (data obrashcheniya 28.01.2024).
  26. Pri SMTU budet otkryt kitayskiy energeticheskiy institut [A Chinese energy institute will be opened at SMTU]. 2023. <https://www.siut.uz/ru/press-center>

- ru/news-ru/482-pri-smtu-budet-otkryt-kitajskij-institut-elektroenergetiki. (data obrashcheniya 28.01.2024).
27. V Samarkande nachala rabotu kitaysko-uzbekskaya mezhdunarodnaya laboratoriya po nauchno-tehnicheskoy arkheologii i okhrane kul'turnogo naslediya [The Chinese-Uzbek international laboratory for scientific and technical archeology and protection of cultural heritage began work in Samarkand]. 2023. <https://china-uz-friendship.com/?p=52321> . (data obrashcheniya 28.01.2024).
  28. Silk Road Institute opened in Bishkek. 2021. <https://en.kabar.kg/news/silk-road-institute-opened-in-bishkek/> . (data obrashcheniya 28.01.2024).
  29. V KazNU proshel Forum vuzov Kitaya i stran Tsentral'noy Azii [The Forum of Universities of China and Central Asian Countries was held in the KazNU]. 2023. <https://farabi.university/news/82807>. (data obrashcheniya 28.01.2024).
  30. Mezhdunarodnyy podpisaniye Deklaratsii o sotrudnichestve [The Beijing Declaration on Cooperation was signed between the universities of Uzbekistan and China]. 2024. <https://yuz.uz/ru/news/mejdu-universitetami-uzbekistan-i-kitaya-podpisana-pekinskaya-deklaratsiya-o-sotrudnichestve-> . (data obrashcheniya 28.01.2024).
  31. V Dushanbe sostoyalsya pervyy forum Tadjikistana i Kitaya po tehnicheskomu obrazovaniyu [The first Tajikistan-China forum on technical education was held in Dushanbe]. 2023. <https://khovar.tj/rus/2023/12/v-dushanbe-sostoyalsya-pervyj-forum-tadjikistana-i-kitaya-po-tehnicheskomu-obrazovaniyu/> . (data obrashcheniya 28.01.2024).
  32. University Alliance of the Silk Road. <http://uasr.xjtu.edu.cn/> . (data obrashcheniya 28.01.2024).
  33. Van Byao, Martynova N.V. Professional'nyye masterskiye "lu ban workshop", kak primer uspehnogo opyta mezhdunarodnogo sotrudnichestva Kitaya v ramkakh natsional'noy initsiativy "Odin Poyas - Odin Put'" [Professional master classes "lu ban workshop", as an example of successful experience of international cooperation of China within the framework of national initiative "One Belt - One Way"] // The Scientific Heritage. – 2022. – Vol. 90. – С. 68–73.
  34. Xiaoyi, Lin and Yunyi, Bai. From Luban Workshop to 'Silk Road' University, China trains professional personnel for Central Asia. 2023. <https://www.globaltimes.cn/page/202309/1297787.shtml>. (data obrashcheniya 31.01.2024).
  35. First Luban Workshop in Central Asia becomes a new 'calling card' of China's vocational education. 2023. <http://en.people.cn/n3/2023/0518/c90000-20020183.html#:~:text=Co%2Dfounded%20by%20China's%20Tianjin,teachers%20and%20students%20so%20far>. (data obrashcheniya 31.01.2024).
  36. A unique "Lu Ban Workshop" has opened in the east of the country. 2023. <https://www.gov.kz/memleket/entities/sci/press/news/details/668271?lang=ru>. (data obrashcheniya 31.01.2024).
  37. V Tyan'tszine sostoyalas' tseremoniya podpisaniya soglasheniya o stroitel'stve kitayskoy "Masterskoy Lu Ban" v Tashkente [The signing ceremony of the agreement on the construction of the Chinese "Lu Ban Workshop" in Tashkent took place in Tianjin]. 2023. <https://russian.cgtn.com/news/2023-11-21/1726881079939444738/index.html>. (data obrashcheniya 31.01.2024).
  38. V Bishkeke torzhestvenno otkrylas' «Masterskaya imeni Lu Banya» [The Lu Ban Workshop was ceremoniously opened in Bishkek]. 2024. <https://russian.cgtn.com/news/2024-10-27/1850510196186714113/index.html>. (data obrashcheniya 31.01.2024).
  39. Mezhdunarodnyy proyekt «Masterskaya Lu Banya» budet zapushchen v Turkmenistane [International project "Lu Ban's Workshop" will be launched in Turkmenistan]. 2024. <https://turkmenportal.com/blog/83891/mezhdunarodnyy-proekt-masterskaya-lu-banya-budet-zapushchen-v-turkmenistane> . (data obrashcheniya 31.01.2024)

Материал поступил в редакцию 28.11.2024

Утвержден к публикации 17.03.2025

GETTING TO YES: NEGOTIATING AN ARMENIA-AZERBAIJAN AGREEMENT. PRINCIPLED NEGOTIATION VERSUS POSITIONAL BARGAINING

Farhad Huseynov

PhD in Political Science, Associate professor, Baku State University, Department of International Relations, Baku, Azerbaijan, e-mail: farhadhuseynov@bsu.edu.az

---

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.1.006>

Abstract. The article studies the application of basic provisions of ‘principled negotiation’ method to the on-going Armenia-Azerbaijan negotiation. The method was developed in early 1980s at the Harvard Negotiation Project. A distinctive feature of the method is the attitude towards negotiations as a mutual search for a solution beneficial to the parties. Cooperation between parties is vital to negotiation process. Considering each other’s interests is indispensable part of negotiation process. The author argues that ‘principled negotiation’ method could bring the security and long-lasting peace to the region of the South Caucasus.

Keywords: Azerbaijan, conflict, negotiation, Armenia, principled negotiation.

«ИӘ» ДЕГЕН ЖОЛ: АРМЕНИЯ МЕН ӘЗЕРБАЙЖАН АРАСЫНДАҒЫ КЕЛІСІМ БОЙЫНША КЕЛІССӨЗДЕР. ПРИНЦИПТІ КЕЛІССӨЗДЕР ҮСТАНЫМДЫҚ САУДАЛАСУ ОРНЫНА

Фархад Гусейнов

Саясаттану бойынша PhD, Баку мемлекеттік университетінің қауымдастырылған профессоры, халықаралық қатынастар департаменті, Баку, Әзербайжан, e-mail: farhadhuseynov@bsu.edu.az

Аңдатпа. Мақалада Армения мен Әзербайжан арасында жүргізіліп жатқан келіссөздерге «принципті келіссөздер» әдісінің негізгі ережелерінің қолданылуы қарастырылады. Бұл әдіс 1980 жылдардың басында Гарвард келіссөздері жобасының аясында әзірленді. Әдістің айрықша ерекшелігі – екі жаққа да тиімді шешімді өзара іздеу ретінде келіссөздерге қатынасы. Тараптар арасындағы ынтымақтастық келіссөздер үдерісі үшін өте маңызды. Бір-бірінің мүдделерін ескеру келіссөздер процесінің ажырамас бөлігі болып табылады. Автордың пайымдауынша, «принципті келіссөздер» әдісі Оңтүстік Кавказ аймағына қауіпсіздік пен ұзақ мерзімді бейбітшілік әкеле алады.

Түйін сөздер: Әзербайжан, жанжал, келіссөздер, Армения, принципті келіссөздер.

ДОСТИЖЕНИЕ «ДА»: ПЕРЕГОВОРЫ ПО СОГЛАШЕНИЮ МЕЖДУ АРМЕНИЕЙ И АЗЕРБАЙДЖАНОМ. ПРИНЦИПАЛЬНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ ПРОТИВ ПОЗИЦИОННОГО ТОРГА

Фархад Гусейнов

PhD по политологии, ассоциированный профессор Бакинского государственного университета, департамент международных отношений, Баку, Азербайджан, e-mail: farhadhuseynov@bsu.edu.az

Аннотация. В статье рассматривается применение основных положений метода «принципиальных переговоров» к продолжающимся переговорам между Арменией и Азербайджаном. Метод был разработан в начале 1980-х годов в рамках Гарвардского переговорного проекта. Отличительной чертой метода является отношение к переговорам как к взаимному поиску решения, выгодного для сторон. Сотрудничество между сторонами имеет жизненно важное значение для переговорного процесса. Учет интересов друг друга является неотъемлемой частью переговорного процесса. Автор утверждает, что метод «принципиальных переговоров» может принести безопасность и долгосрочный мир в регион Южного Кавказа.

Ключевые слова: *Азербайджан, конфликт, переговоры, Армения, принципиальные переговоры*

Introduction

In early 1980s professors Roger Fisher and William Ury developed the method of “principled negotiation” at the Harvard Negotiation Project. Authors argued that traditional form of negotiation ‘depends upon successively taking — and then giving up — a sequence of positions.’[1] The contest of will in such scenario may produce agreement but it will not be long-term. The reason for this is that both parties do not feel totally content with the result. They had to give in at some point. When giving in they may perceive a concession as a forced measure and wait for the moment to return the concession. The agreement is not durable then. The hard positional negotiator wants to win; he sees any situation as a contest; he treats his opponent as an enemy not as a partner. A partner to reach an agreement that reflects mutual interests. In this contest of wills the side that takes the more extreme positions and holds out longer fares better. However often he ends up facing an equally hard response which exhausts him and his resources and harms his relationship with the other side. Roger Fisher and William Ury judged any method of negotiation by three criteria: ‘it should produce a wise agreement if agreement is possible. It should be efficient. And it should improve or at least not damage the relationship between the parties.’[2] The agreement that meets the legitimate interests of each side is wise. According to the authors this is impossible in positional bargaining. Because meeting the interest of the opposite side is not the goal. Moreover, positional bargaining is not efficient since

extreme opening positions and smaller concessions demand more time and effort to discover whether or not the agreement is possible. Inefficiency of this method of negotiation is well described by the scholars: 'Decision-making is difficult and time-consuming at best. Where each decision not only involves yielding to the other side but will likely produce pressure to yield further, a negotiator has little incentive to move quickly. Dragging one's feet, threatening to walk out, stonewalling, and other such tactics become commonplace. They all increase the time and costs of reaching agreement as well as the risk that no agreement will be reached at all.' [3] In addition, arguing over positions damages the relations between parties and destroys any friendly atmosphere.

Principled negotiation versus Positional bargaining in Armenia-Azerbaijan Negotiations

Armenian-Azerbaijani negotiations have always been a positional bargaining for Armenia. The negotiations can be divided into two stages: pre-2020 war and post-2020 war. The first period negotiations failed the second one is failing so far. In our opinion, to change this trend the method of American scholars should be applied. The method offers four rules of successful negotiations. We think that the most important of all four is the second rule - focus on interests, not positions. The position is something about which a side has made a decision. Interests are something that made a side decide so. So, the interests are behind the positions. "What do you want?" is a question to find out the position. Ask "Why do you want this" to learn about interest that motivated this position. In the book 'Getting to Yes: Negotiating Agreement without Giving in' Fisher and Ury explained the difference between position and interest by example of negotiations between Egypt and Israel in Camp-David in 1978 [4]. Both of them wanted Sinai Peninsula. Israel gained control of the peninsula in 1967. Egypt wanted it back. So, the positions were incompatible. Compromising was unacceptable to both parties. Appealing to their interests rather than their positions made it possible to reach a solution. Egypt's interest lay in sovereignty. Israel wanted to provide its security. Before Egypt used to build up its military forces on the peninsula and attack Israel. Now Israel wanted to turn Sinai in a sort of buffer between Egypt and its main territory. In order to meet these interests, the peaceful plan offered Israelis the security through demilitarization of Sinai which was supposed to be returned to Egypt. The question "why do you need Sinai?" put to Israeli Prime Minister Begin helped to find out Israeli security concerns and afterwards meet them by making the peninsula demilitarized.

'Reconciling interests rather than compromising between positions' [5] is the main formula that any negotiator should keep in mind while trying to reach a durable peace. In order to be able to think about reconciling interests not compromise arithmetically counting concessions one should follow the first rule of this method of negotiations. It says - Separate the People from the Problem. While implementing this rule the participants become problem-solvers which have common goal. They abandon their adversarial behavior which is characteristic of positional bargaining. A change in attitudes from negative to positive or at least to neutral is the main condition for changing the behavioral model: from hostile to partner.

How do we identify interests? Fisher and Ury say ask 'Why?' first of all. Before asking Armenians and Azerbaijanis 'why?' it is necessary to recall their

positions. They differed a little pre and post the war. Pre-war the Armenian side was demanding the implementation of self-determination principle of international law. Azerbaijani side was insisting on the principle of territorial integrity. To get an answer to the question ‘why?’ one should look to Declaration of Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of United Nations (2625, XXV) adopted in 1970. The resolution answers to the question why States need those principles. Peoples may demand self-determination for themselves when they are interested in determining ‘their political status and to pursue their economic, social and cultural development’ [6]. Armenian people determined its political status in 1918 by creating First Republic of Armenia. In 1920 it was transformed into Socialistic Republic of Armenia. Later it became the part of USSR. In 1990 Armenian people determined their political status by creating independent state. In order to meet the interests of Armenian people living in Azerbaijan which lied in ‘economic, social and cultural development’ [7] the Azerbaijani government had been offering them an autonomy. The Armenian side has always categorically rejected this proposal insisting on only one form of political status - full independence. Principled negotiations failed – one party tried to meet another one’s interests while the latter one dug in to its position. The war in 2020 completely changed the status quo. Azerbaijan restored its territorial integrity by regaining the control over occupied lands. The fourth rule of principled negotiations says that parties should insist on objective criteria. The UN Declaration on Principles of International Law № 2625 (XXV) is an objective criterion. It does not depend on the wishes of Armenians and Azerbaijanis and it says that ‘nothing in the foregoing paragraphs shall be construed as authorizing or encouraging any action which would dismember or impair, totally or in part, the territorial integrity or political unity of sovereign and independent States conducting themselves in compliance with the principle of equal rights and self-determination of peoples as described above and thus possessed of a government representing the whole people belonging to the territory without distinction as to race, creed or colour.’ [8] Azerbaijan’s territorial integrity was impaired. Now it is not. Now Armenia and Azerbaijan negotiate the possible peace treaty. On May 14, 2023 in Brussels the President of European Council Charles Michel following the trilateral meeting with President Aliyev of Azerbaijan and Prime Minister Pashinyan of Armenia said that ‘The leaders confirmed their unequivocal commitment to the 1991 Almaty Declaration and the respective territorial integrity of Armenia (29,800 km²) and Azerbaijan (86,600 km²).’ [9] So, Armenia does not have territorial claims to Azerbaijan anymore. What stalls negotiations now? The Armenian side wanted to add in peace agreement a clause on the creation of international mechanisms that guarantee the security of the Armenians who remained to live in Karabakh region of Azerbaijan. Armenian Prime Minister Nikol Pashinyan in May 2023, announcing the recognition of Karabakh as part of Azerbaijan, added that Baku should go to full negotiations with the Armenians in Karabakh in order to give security guarantees to them. President Ilham Aliyev answered to this speaking with Azerbaijanis returning to previously occupied city of Lachin, ‘we sent a delegation there. My representative went and held the first meeting with them, and then we invited them to Baku to talk. They refused. After that, we invited them to Baku for the second time, i.e., representatives of the Armenian minority living in Karabakh.

They refused again.’ [10] Is it dragging one's feet? Walking out or stonewalling? Typical positional bargaining technique. It is been the fourth year of negotiations. Issue of ‘international mechanisms that guarantee the security of the Armenians’ was introduced by Armenian negotiators. Azerbaijan attitude to this is based on the same objective criterion - UN Declaration on Principles of International Law № 2625 (XXV). It possesses ‘of a government representing the whole people belonging to the territory without distinction as to race, creed or colour.’ [11] There is no evidence to the contrary. Azerbaijan is home to more than ten ethnic groups. That government will provide security for the Armenians as well. The peacekeepers deployed in Karabakh was a concession that Azerbaijan had made in order to demonstrate its goodwill. Azerbaijan hoped that the peaceful agreement would have been signed by the end of the 2023 year. The president Ilham Aliyev at Shusha Global Media Forum said that, Armenia ‘already accepted that Karabakh is Azerbaijan publicly. Now they need to put their signature under the document. This is one of the final steps and there must be some more. But if that step is made - ... - if Armenia will agree on that paragraph, where they totally refrain from any territorial claims to Azerbaijan, I think, the signing of a peace agreement can be realistic by the end of this year.’ [12]

Fisher and Ury introduce the term BATNA which stands for the Best Alternative for a Negotiated Agreement. They say that ‘people think of negotiating power as being determined by resources like wealth, political connections, physical strength, friends, and military might. In fact, the relative negotiating power of two parties depends primarily upon how attractive to each is the option of not reaching agreement.’ [13] What will happen if we do not reach an agreement even in the current year? Then President Aliyev continued that ‘if they don't want to have a peace agreement with us, we cannot force them. ... But in this case, there'll be no peace. Well, it's not the best scenario for the region. It will not add stability, security.’ [14] Obviously, this is not the best alternative to a negotiated agreement.

According to Fischer and Ury, if attempts to move the switch game from positional negotiations to principled negotiations are unsuccessful, a third party must be invited. President Ilham Aliyev noted in July 2023 that “we have three mediators. They all have enough international mechanisms to operate independently. We hope that we will see progress on one of these three areas.” [15] However, the Armenian side gradually began to use some of these platforms to put pressure on Azerbaijan, while it began to abandon others. Thus, it again became obvious that the Armenian delegation did not view these platforms as an opportunity to reach a mutually acceptable agreement, but only as a tool for their chosen bargaining strategy. Observing Armenia's behavior, Azerbaijani President Ilham Aliyev said in October 2023 that in this case, direct negotiations between the foreign ministers of Azerbaijan and Armenia could be an alternative [16]. As a result, two weeks after the meeting of the presidents of Azerbaijan and Armenia on the sidelines of the Munich Security Conference in February 2024, negotiations were held between the foreign ministers of Azerbaijan and Armenia. In May 2024, regular peace negotiations between Azerbaijan and Armenia were held in Almaty by the heads of the Foreign Ministry on a completely new platform, which does not intend to be a mediator. On the day of the negotiations, the Azerbaijani Foreign Ministry published a release in which it indicated the name of the draft peace treaty - “Bilateral Agreement on the Establishment of Peace and Interstate Relations” [17]. The word “bilateral” probably

emphasizes the fact that Baku and Yerevan were going to dialogue with each other directly, without intermediaries in the person of any third party. The Azerbaijani side was encouraged by the fact that the Armenian side was abandoning attempts to include a clause on Karabakh in the text of the peace treaty. In parallel, the parties began the practical process of delimiting the border. In Almaty, ministers welcomed progress in border delimitation and agreements reached in this regard, namely the transfer to Azerbaijan of four villages that have been under Armenian occupation since the 1990s. The serious obstacle to the conclusion of a peace treaty is a provision on the unification of the Karabakh with Armenia in the Act of independence of Armenia. The removal of this clause would contribute to creating sustainable peace between countries.

Conclusion

The strongest interests are the basic human needs say Fisher and Ury. First two basic human interests are security and economic well-being [18]. If Armenians have security concerns the Azerbaijanis have them as well. They still remember how they were expelled in late 1987 and early 1988 from Armenia. ‘To reconcile interests rather than compromise between positions’ formula can work because behind opposed positions lie more interests than conflicting ones. Those interests are shared and compatible. Both people want to live a prosperous and safe life.

In our opinion, the main recommendation here is to follow the second rule of the “principled negotiations” method, namely to concentrate on interests, and not on position. If the national interest of the Armenian people is security and prosperity, they need to agree to the following five points in negotiations:

- Mutual recognition of respect for the sovereignty, territorial integrity, inviolability of internationally recognized borders and political independence of each other;

- Mutual confirmation of the absence of territorial claims against each other and acceptance of legally binding obligations not to raise such a claim in future;

- Obligation to refrain in their inter-State relations from undermining the security of each other, from threat or use of force both against political independence and territorial integrity, and in any other manner inconsistent with the Purposes of the UN Charter;

- Delimitation and demarcation of the state border, and establishment of the diplomatic relations;

- Unblocking of the transportation and other communications, building other communications as appropriate, and establishment of cooperation in other fields of mutual interest.’ [19].

Asking question ‘why?’ during any conflict is fundamental for principled negotiations method. It has two quite different meanings. The authors write that ‘one looks backward for a cause and treats our behavior as determined by prior events. The other looks forward for a purpose and treats our behavior as subject to our free will. ... In either case, we make choices. We can choose to look back or to look forward.’ [20]. Today, Armenia and Azerbaijan have unique chance to look forward and build safe and prosperous South Caucasus.

References

1. Fisher, R., & Ury, W. (1993). *Getting to yes: Negotiating an agreement without giving in*. Random House Business Books, p. 7.
2. Fisher, R., & Ury, W. (1993). *Getting to yes: Negotiating an agreement without giving in*. Random House Business Books, p. 7.
3. Fisher, R., & Ury, W. (1993). *Getting to yes: Negotiating an agreement without giving in*. Random House Business Books, p. 8.
4. Fisher, R., & Ury, W. (1993). *Getting to yes: Negotiating an agreement without giving in*. Random House Business Books, p. 24.
5. Fisher, R., & Ury, W. (1993). *Getting to yes: Negotiating an agreement without giving in*. Random House Business Books, p. 24.
6. United Nations General Assembly. (1971). Declaration of principles of international law concerning friendly relations and cooperation among states in accordance with the Charter of the United Nations (Resolution 2625, XXV). United Nations Digital Library. <https://digitallibrary.un.org/record/202170>
7. United Nations General Assembly. (1971). Declaration of principles of international law concerning friendly relations and cooperation among states in accordance with the Charter of the United Nations (Resolution 2625, XXV).
8. United Nations General Assembly. (1971). Declaration of principles of international law concerning friendly relations and cooperation among states in accordance with the Charter of the United Nations (Resolution 2625, XXV).
9. Council of the European Union. (2023, May 14). Press remarks by President Charles Michel following the trilateral meeting with President Aliyev of Azerbaijan and Prime Minister Pashinyan of Armenia. <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/05/14/press-remarks-by-president-charles-michel-following-the-trilateral-meeting-with-president-aliyev-of-azerbaijan-and-prime-minister-pashinyan-of-armenia/>
10. President of the Republic of Azerbaijan. (2023, May 28). Ilham Aliyev met with people who returned to the city of Lachin. <https://president.az/en/articles/view/60027>
11. United Nations General Assembly. (1971). Declaration of principles of international law concerning friendly relations and cooperation among states in accordance with the Charter of the United Nations (Resolution 2625, XXV).
12. President of the Republic of Azerbaijan. (2023, July 21). Opening ceremony of Global Media Forum was held in Shusha. <https://president.az/en/articles/view/60544>
13. Fisher, R., & Ury, W. (1993). *Getting to yes: Negotiating an agreement without giving in*. Random House Business Books, p. 52.
14. President of the Republic of Azerbaijan. (2023, July 21). Opening ceremony of Global Media Forum was held in Shusha. <https://president.az/en/articles/view/60544>
15. President of the Republic of Azerbaijan. (2023, July 21). Opening ceremony of Global Media Forum was held in Shusha. <https://president.az/en/articles/view/60544>
16. President of the Republic of Azerbaijan. (2023, October 11). Ilham Aliyev received participants of the 53rd meeting of CIS Council of Heads of Security Agencies and Special Services. <https://president.az/en/articles/view/61538>

17. Republic of Azerbaijan Ministry of Foreign Affairs. (2024). No:215/24, Press release on the meeting between the Ministers of Foreign Affairs of Azerbaijan and Armenia in Almaty, Kazakhstan. <https://mfa.gov.az/en/news/no21524>
18. Fisher, R., & Ury, W. (1993). Getting to yes: Negotiating an agreement without giving in. Random House Business Books, p. 27.
19. Republic of Azerbaijan Ministry of Foreign Affairs. (2022). No:117/22, Head of the Press Service Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Azerbaijan Leyla Abdullayeva answers the media's question. <https://mfa.gov.az/en/news/no11722>
20. Fisher, R., & Ury, W. (1993). Getting to yes: Negotiating an agreement without giving in. Random House Business Books, p. 29.

Материал поступил в редакцию 10.01.2025

Утвержден к публикации 17.03.2025

МРНТИ:
14.35.09
06.54.31

КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ СТАНДАРТЫ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В ВУЗАХ КАЗАХСТАНА

Сауле Зейнолла^{1*}
Ляззат Спанкулова²
Куралай Нургалиева³
Амир Ниязбеков⁴

^{1*} PhD в области экономики, Казахско-Немецкий университет, Алматы, Казахстан, e-mail: zeinollasaule@gmail.com

² Доктор экономических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан, e-mail: spankulova@mail.ru

³ Кандидат экономических наук, Университет международного бизнеса имени К. Сагадиева, Алматы, Казахстан, e-mail: Nurgaliyeva.k@uib.kz.

⁴ Магистр технических наук, Университет международного бизнеса имени К. Сагадиева, Алматы, Казахстан, e-mail: Amir.Niyazbekov@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.1.007>

Аннотация. В статье представлен подробный анализ внедрения квалификационных стандартов нового поколения в системе высшего образования Казахстана. Исследование базируется на международном опыте, национальных данных и актуальных тенденциях в образовательной сфере. Особое внимание уделено ключевым аспектам цифровой трансформации образования, таким как интеграция современных методов обучения, внедрение инновационных технологий, развитие цифровой инфраструктуры и совершенствование профессиональных компетенций преподавателей. Автор акцентирует внимание на влиянии новых стандартов на качество подготовки специалистов, их соответствие требованиям глобального рынка труда и цифровой экономики. Отдельно рассматриваются проблемы адаптации образовательных программ под нужды быстро меняющегося технологического мира и необходимость развития ИКТ-компетенций как среди студентов, так и среди преподавателей. В заключение представлены рекомендации по

дальнейшему совершенствованию образовательных стандартов и укреплению конкурентоспособности выпускников на международной арене, что делает статью ценной для практиков и исследователей в области образования.

Ключевые слова: квалификационные стандарты, цифровая трансформация, ИКТ-компетенции, рынок труда, высшее образование, международный опыт.

ЖАҢА ҰРПАҚТЫҢ БІЛІКТІЛІК СТАНДАРТТАРЫ. ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТӘЖІРИБЕ ЖӘНЕ ОНЫ ҚАЗАҚСТАН УНИВЕРСИТЕТТЕРІНДЕ ҚОЛДАНУ

Сәуле Зейнолла^{1*}, Ләззат Спанқұлова², Құралай Нұрғалиева³,
Әмір Ниязбеков⁴

^{1*} Экономика бойынша PhD, Қазақ-Неміс университеті, Алматы, Қазақстан, e-mail: zeinollasaule@gmail.com,

² Экономика ғылымдарының докторы, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің профессоры, Алматы, Қазақстан, e-mail: spankulova@mail.ru

³ Экономика ғылымдарының кандидаты, К. Сағадиев атындағы Халықаралық бизнес университеті, e-mail: Nurgaliyeva.k@uib.kz

⁴ Техникалық ғылымдар магистрі, К. Сағадиев атындағы Халықаралық бизнес университеті, e-mail: Amir.Niyazbekov@gmail.com

Андатпа. Мақалада Қазақстанның жоғары білім беру жүйесіне жаңа буынның біліктілік стандарттарын енгізу бойынша егжей-тегжейлі талдау ұсынылған. Зерттеу халықаралық тәжірибеге, ұлттық деректерге және білім беру саласындағы заманауи үрдістерге негізделген. Ерекше назар цифрлық трансформацияның негізгі аспектілеріне аударылған, соның ішінде заманауи оқыту әдістерін интеграциялау, инновациялық технологияларды енгізу, цифрлық инфрақұрылымды дамыту және оқытушылардың кәсіби дағдыларын жетілдіру. Автор жаңа стандарттардың мамандар даярлау сапасына, олардың жаһандық еңбек нарығы мен цифрлық экономика талаптарына сәйкестігіне әсерін ерекше атап өтеді. Білім беру бағдарламаларын тез өзгеретін технологиялық әлемнің қажеттіліктеріне бейімдеу мәселелері және студенттер мен оқытушылар арасында ИКТ-құзыреттерді дамыту қажеттілігі жеке қарастырылған. Қорытынды бөлімде білім беру стандарттарын одан әрі жетілдіру және түлектердің халықаралық аренадағы бәсекеге қабілеттілігін арттыру бойынша ұсыныстар берілген, бұл мақаланы білім беру саласындағы практиктер мен зерттеушілер үшін құнды етеді.

Түйін сөздер: біліктілік стандарттары, цифрлық трансформация, ИКТ-құзыреттер, еңбек нарығы, жоғары білім, халықаралық тәжірибе.

QUALIFICATION STANDARDS OF THE NEW GENERATION. INTERNATIONAL EXPERIENCE AND ITS APPLICATION IN UNIVERSITIES OF KAZAKHSTAN

Saule Zeinolla^{1*}, Lyazzat Spankulova², Kuralai Nurgaliyeva³, Amir Niyazbekov⁴

^{1*}PhD in Economics, Kazakh-German University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: zeinollasaule@gmail.com,

² Doctor of Economics, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: spankulova@mail.ru

³ Candidate of Economics, K. Sagadiyev University of International Business, Almaty, Kazakhstan, e-mail: Nurgaliyeva.k@uib.kz

⁴ Master of Engineering Sciences, K. Sagadiyev University of International Business, Almaty, Kazakhstan, e-mail: Amir.Niyazbekov@gmail.com

Abstract. The article presents a detailed analysis of the implementation of next-generation qualification standards in the higher education system of Kazakhstan. The study is based on international experience, national data, and current trends in the educational sphere. Particular attention is given to the key aspects of digital transformation in education, such as the integration of modern teaching methods, the adoption of innovative technologies, the development of digital infrastructure, and the enhancement of professional competencies of educators. The author highlights the impact of these new standards on the quality of specialist training and their alignment with the demands of the global labor market and digital economy. The challenges of adapting educational programs to the needs of a rapidly evolving technological world and the necessity of developing ICT competencies among both students and teachers are also considered. In conclusion, the article provides recommendations for further improvement of educational standards and strengthening the competitiveness of graduates on the international stage, making it valuable for practitioners and researchers in the field of education.

Keywords: *qualification standards, digital transformation, ICT competencies, labor market, higher education, international experience.*

Введение

Современные образовательные системы вынуждены адаптироваться к изменениям глобального рынка труда, который диктует новые квалификационные требования. На фоне цифровизации, автоматизации и глобализации особую значимость приобретает разработка стандартов нового поколения, ориентированных на формирование универсальных навыков, таких как цифровая грамотность, критическое мышление и креативность [1]. Эти изменения особенно актуальны для Казахстана, где развитие системы образования является приоритетным направлением государственной политики.

Одной из ключевых задач является создание образовательных стандартов нового поколения, которые учитывают междисциплинарный подход. Согласно российским исследованиям [1], это необходимо для повышения качества подготовки инженерных кадров. Автор отмечает, что междисциплинарный подход способствует развитию у студентов критического мышления, творческого подхода к решению задач и способности адаптироваться к новым техно-

логическим вызовам.

Реализация стандартов нового поколения осуществляется преподавателями, и многое зависит от подходов, методов, знаний, компетенций, которые они демонстрируют в своей деятельности. Совершенствование компетенций преподавательского состава высшего образования является ключевым фактором не только повышения качества обучения, но и соответствия квалификационным требованиям нового поколения, которые требуют от педагогов гибкости, владения современными методиками и цифровыми инструментами. Квалификационные требования нового поколения ориентированы на развитие компетенций, которые соответствуют вызовам цифровой трансформации, интеграции инновационных технологий и потребностям современного рынка труда. В связи с этим развитие преподавательских компетенций, таких как использование цифровых технологий, адаптивное обучение и профессиональная мобильность, становится основой для выполнения задач, поставленных этими требованиями [2].

Кроме того, потребности рынка труда формируют требования к ключевым компетенциям специалистов. Как отмечает Mosolova [3], работодатели ожидают от выпускников наличия универсальных навыков, таких как управление проектами, коммуникация и способность работать в мультикультурной среде. Эти навыки становятся основой для успешной интеграции специалистов в высокотехнологичные отрасли.

Эта тенденция особенно заметна в сфере подготовки будущих специалистов по ИКТ направлению. Так в Атласе новых профессий Казахстана [4] отмечается, что в "Атласе новых профессий" четко прослеживается акцент на интеграцию ИКТ во все отрасли, что соответствует переходу на новые стандарты образования. Эти стандарты предусматривают внедрение цифровых технологий в образовательный процесс. Более того современные стандарты предполагают акцент на развитие профессиональных компетенций. Атлас отражает необходимость таких компетенций, как навыки работы с большими данными, кибербезопасность и владение инструментами искусственного интеллекта. Важно обратить внимание, что стандарты нового поколения направлены на согласование образовательных программ с запросами рынка труда и перечислены трансформирующиеся и исчезающие профессии, что может быть использовано для корректировки образовательных траекторий. [4]

Широкое использование мобильных технологий для непрерывного обучения, как указано в работе Sharples [5], открывает новые возможности для формирования персонализированных образовательных траекторий. Такие технологии позволяют обучающимся самостоятельно управлять своим образовательным процессом, развивая гибкость мышления и цифровую грамотность. В этом направлении стоит отметить тот факт, что современные квалификационные стандарты нового поколения могут быть дополнены подходом, предложенным Lozano et al. [6], который фокусируется на развитии возможностей студентов для их социальной и профессиональной реализации. Ква-

лификационные стандарты нового поколения также стремятся к тому, чтобы образовательные программы готовили студентов к глобальным вызовам, акцентируя внимание на развитии универсальных компетенций, таких как критическое мышление, цифровые навыки и ответственность перед обществом. Подход, предложенный Lozano et al. [6], можно использовать для разработки стандартов, которые фокусируются не только на технических навыках, но и на более широких социальных и этических аспектах.

Обозначенные выше вопросы, актуальны и для условий национальной системы высшего образования. Согласно Национальному докладу о состоянии системы образования Казахстана за 2022 год, высшее образование страны активно реформируется для соответствия требованиям времени. Внедрение прикладного бакалавриата стало важным шагом в подготовке кадров, ориентированных на потребности рынка труда. Эти программы обеспечивают студентов практическими навыками, которые необходимы для работы в высокотехнологичных отраслях [7].

Таким образом, данное исследование направлено на изучение макроэкономических условий для определения эффективных подходов к внедрению квалификационных стандартов нового поколения в области ИКТ. Основное внимание уделяется анализу международного опыта и его адаптации к условиям Казахстана. Это включает внедрение инновационных образовательных технологий, развитие компетенций преподавателей и улучшение инфраструктуры высшего образования.

Методы исследования

Цель исследования является поддержка цифровой трансформации и экономического развития Казахстана через адаптацию международного опыта внедрения квалификационных рамок, развитие национальных образовательных стандартов и подготовку квалифицированных специалистов для ИКТ-сферы.

В рамках данного исследования использовались следующие методы исследования

1) Контекстный анализ Казахстана:

-Сбор данных из национальных отчетов, государственных программ и отчетов Министерства науки и высшего образования.

-Исследование региональных различий в доступе к ИКТ и цифровым навыкам.

2) Политический и стратегический обзор:

-Анализ государственных программ и стратегий, включая «Концепцию цифровой трансформации и кибербезопасности».

-Оценка роли государственного и частного секторов в развитии ИКТ-образования.

3) GAP-анализ:

-Определение пробелов между текущими образовательными стандартами

и требованиями цифровой экономики.

-Выявление региональных диспропорций и гендерных различий.

Указанные выше методы уже не раз использовались в подобных исследованиях и позволяют получать значимые результаты и достигать поставленных целей по вопросам совершенствования процессов использования квалификационных рамок нового поколения и улучшения образовательной среды.

1. Анализ контекста и международного опыта

Скляр [8] анализирует контекст внедрения Национальной квалификационной рамки Украины, уделяя внимание социально-экономическим факторам, влияющим на привлекательность системы образования. Метод контекстного анализа позволил выявить ключевые причины низкой конкурентоспособности системы, такие как отток студентов за рубеж и недостаточная прозрачность квалификаций.

2. Политический обзор и разработка рекомендаций

Языджиоглу и Борат [9] изучают Турецкую квалификационную рамку, фокусируясь на взаимодействии с Европейской квалификационной рамкой. Политический анализ позволил предложить стратегии для улучшения прозрачности и взаимного признания квалификаций. Рекомендации включают интеграцию формального, неформального и информального обучения.

3. Сравнительный анализ международного опыта

Атлас новых профессий [4] использует сравнительный анализ для выявления ключевых навыков, необходимых для цифровой экономики. Это позволило определить приоритетные компетенции для образовательных программ в ИТ-сфере и необходимость обновления квалификационных стандартов.

4. Оценка образовательной инфраструктуры

ЮНЕСКО [10] оценивает образовательную инфраструктуру стран Ближнего Востока и Пакистана, включая технические колледжи и университеты. Метод анализа инфраструктуры выявил пробелы в доступе к цифровым технологиям и цифровым навыкам, а также предложил рекомендации по устранению этих недостатков.

5. GAP-анализ

Исследование ICT Talent Kenya [11] использовало метод гап-анализа для оценки разрыва между существующими компетенциями работников и требованиями работодателей. Это помогло разработать рекомендации для программ повышения квалификации и обучения цифровым навыкам [11].

Результаты исследования и их обсуждение

Рост населения, постоянная и формирующаяся информатизация общества ставит перед сферой образования страны значимые вызовы, преодоление которых определяет ближайшее будущее. Население Казахстана оценивается в 19,2 млн человек, что ставит страну на 63-е место в мире по численности населения, тенденции численности населения показывают устойчивый ежегодный рост, начиная с 17,3 млн человек в 2013 году и достигая 19,2 млн

человек в 2023 году, что отражает ежегодный темп роста приблизительно в 1,1%. Этот рост соответствует демографическим тенденциям, характеризующимся снижением уровня рождаемости (с 2,6 в 2013 году до 2,1 в 2023 году) и ростом уровня урбанизации с 54% до 60% за этот период. [12]

Среднегодовой темп роста ВВП за этот период составил около 2,5%. Однако в 2020 году пандемия COVID-19 привела к сокращению ВВП до 169,8 млрд долларов США, что отражает спад экономической активности и экспорта. С 2021 по 2023 год экономика восстановилась, чему способствовали меры, направленные на укрепление несырьевых секторов и стимулирование внутреннего потребления. [13]

Инфляция, которая в 2023 году достигла 7%, оказывает давление на уровень жизни населения. ВВП на душу населения колебался от 14 000 долларов США в 2013 году до минимума в 7 800 долларов США в 2016 году, впоследствии увеличившись до 13 500 долларов США в 2023 году. Эта тенденция свидетельствует о постепенном восстановлении после кризисов, хотя уровень доходов остается ниже, чем в высоко развитых странах. [14]

Казахстан продолжает зависеть от экспорта углеводородов, что делает экономику уязвимой для внешних шоков. Тем не менее, усилия по диверсификации экономики, включая развитие информационных технологий и сельскохозяйственного сектора, способствуют большей экономической стабильности. Для дальнейшего роста необходимо увеличить инвестиции в научно-исследовательские и инновационные проекты, модернизировать инфраструктуру и наращивать человеческий капитал.

Таблица 1. Анализ ВВП Казахстана и ВВП на душу населения (2013–2023 гг.)

Год	ВВП, млн. долл	Глобальный рейтинг по показателю ВВП	ВВП на душу населения, тыс. долл	Глобальный рейтинг по ВВП на душу населения
2013	236.6	55	14,000	70
2014	221.4	56	12,800	72
2015	184.4	60	10,500	75
2016	137.3	65	7,800	80
2017	162.9	60	9,100	78
2018	179.3	58	10,000	76
2019	181.7	58	10,200	75
2020	169.8	60	9,400	77
2021	197.0	58	10,500	76
2022	224.0	55	11,500	74
2023	260.0	53	13,500	70

Источник: World Bank. (2022)

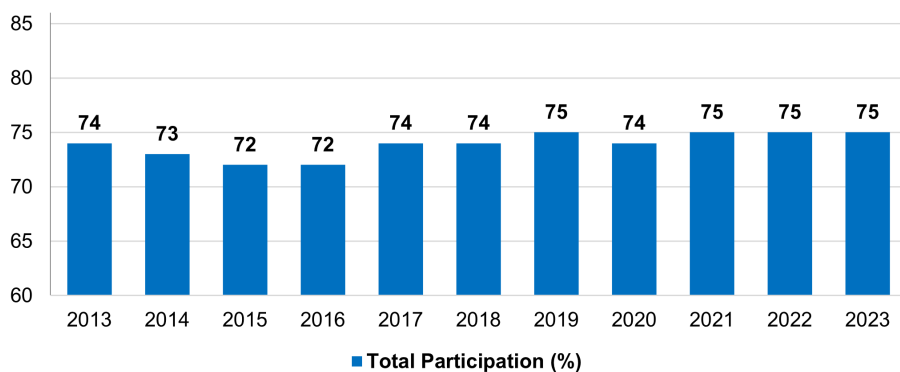
Развитие экономики непосредственно связано с рынком труда, так с 2013 по 2023 год показатели доли трудоспособного населения в Казахстане оставались стабильными, составляя в среднем около 75%. Уровень участия женщин в рабочей силе варьировался от 61% до 64%, в то время как уровень участия мужчин был значительно выше, на уровне 84%-86%. Несмотря на небольшое сокращение гендерного разрыва в последние годы, существенное неравенство сохраняется, что подчеркивает необходимость дополнительных усилий по продвижению гендерного равенства на рынке труда.[13]

Данные показывают, что женщины составляют около 48% занятого населения, что отражает их значительную роль в экономике. Однако анализ тенденций выявляет препятствия для их полного участия, включая традиционные стереотипы, отсутствие гибких условий труда и ограниченный доступ к профессиональной подготовке в определенных отраслях. [13]

Долгосрочные изменения: в 2015 году уровень участия женщин в рабочей силе достиг минимума в 61%, что совпало с экономическим кризисом, вызванным падением цен на нефть. С 2017 года наблюдается устойчивое восстановление до 63–64%, поддерживаемое государственными программами, направленными на содействие женской занятости. [17]

Региональные различия: В сельской местности уровень участия женщин в рабочей силе ниже, чем в городских центрах из-за ограниченных возможностей трудоустройства и недостаточной инфраструктуры.

Диаграмма 1. . Динамика доли трудоспособного населения в Казахстане (2013–2023 гг.)

Источник: : *United Nations Statistics Division (UNSD)*

За последнее десятилетие уровень безработицы в Казахстане демонстрировал относительную стабильность, в среднем от 4,8% до 5,4%. В 2023 году общий уровень безработицы зафиксирован на уровне 4,9%, что означает возврат к допандемийному уровню после временного роста во время кризиса

COVID-19 в 2020 году, когда безработица достигла пика в 5,4%. Эта тенденция отражает устойчивость рынка труда и влияние государственных вмешательств, направленных на сохранение рабочих мест во время экономических спадов.[17]

Также на состав трудоспособного населения влияет тот факт, что по состоянию на 2023 год около 60% населения Казахстана проживает в городских районах. За последнее десятилетие урбанизация неуклонно прогрессировала, отражая более широкие мировые тенденции. Этот сдвиг обусловлен миграцией из села в город, концентрацией экономических возможностей в городах и развитием промышленного и сервисного секторов. Городские центры, такие как Алматы, Астана и Шымкент, стали центрами экономического роста и инноваций, привлекая как внутренние, так и международные инвестиции.

Урбанизация также усилила региональное неравенство. В то время как такие города, как Алматы и Астана, переживают быстрый рост и экономический динамизм, сельские районы сталкиваются с сокращением численности населения и ограниченным доступом к ресурсам. Это неравенство подчеркивает необходимость политики, способствующей сбалансированному региональному развитию для сокращения неравенства между городскими и сельскими районами.

Урбанизация Казахстана выявляет как возможности, так и проблемы. Хотя рост городов способствовал экономическому прогрессу, устранение пробелов в инфраструктуре, региональных различий и экологической устойчивости будет иметь важное значение для обеспечения долгосрочных выгод от урбанизации.

В 2023 году Казахстан выделил примерно 3,4% своего ВВП на образование. За последнее десятилетие этот показатель колебался от 3,2% до 3,6%, отражая изменения в экономических условиях и приоритетах государственной политики. Этот уровень расходов остается ниже среднего мирового показателя в 4,4% и среднего показателя по ОЭСР, который превышает 5%.[13]

Таблица 2. Расходы на образование в процентах от ВВП в Казахстане (2013–2023 гг.)

Year	Education Expenditure (% of GDP)	Place in the world by education expenditure [34]
2013	3.6%	80th
2014	3.5%	75th
2015	3.6%	70th
2016	3.3%	65th
2017	3.2%	60th
2018	3.2%	55th

2019	3.3%	50th
2020	3.4%	50th
2021	3.4%	50th
2022	3.4%	48th
2023	3.4%	80th

Источник: OECD. (2022)

В период с 2013 по 2015 год расходы на образование в среднем составляли 3,6% ВВП, что обусловлено усилиями по расширению доступа к начальному и среднему образованию. С 2016 по 2020 год расходы снижались, достигнув минимума в 3,2% в 2018 году из-за экономических ограничений, вызванных снижением цен на нефть. Несмотря на это сокращение, целевые инвестиции продолжались в такие области, как техническое и профессиональное образование. В период с 2021 по 2023 год расходы стабилизировались на уровне 3,4%, что отражает фокус на развитии STEM-образования и цифровой трансформации школ и университетов в рамках программы «Цифровой Казахстан». [19]

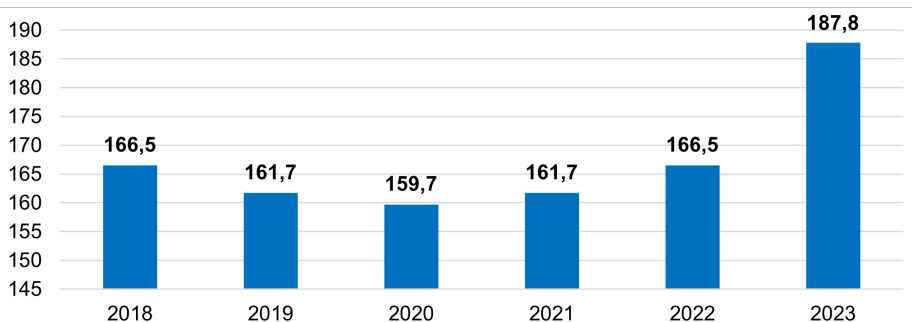
Поскольку Казахстан стремится к цифровой трансформации и экономической диверсификации, отрасль ИКТ и цифровая инфраструктура стали критически важными приоритетами. В Казахстане в 2023 году насчитывается более 14 000 ИТ-компаний. В 2022 году эти компании заплатили налогов на сумму около 143,3 млрд тенге (около 310 млн долларов США) по сравнению с 122 млрд тенге (около 270 млн долларов США) в 2021 году. В секторе ИТ занято более 180 000 человек. ИТ-компании составляют около 2,65% от общего числа зарегистрированных юридических лиц и около 3,36% от числа активных компаний в Казахстане. Рынок ИКТ в Казахстане рос с совокупным годовым темпом роста (CAGR) в 9,8% с 2018 по 2022 год, достигнув 5 438,2 млн долларов США (2 504,2 млрд тенге) в 2022 году. [20]

Основными сегментами рынка, обеспечившими этот рост, стали облачные сервисы (+39%), ИТ-оборудование (+18%) и программное обеспечение (+12%). В 2023 году рынок вырос на 8,3% до 5 888,4 млн долларов США или 2 709,3 млрд тенге. Согласно прогнозам, ожидается, что рынок ИКТ будет расти с CAGR в 6,48% в период 2023–2027 годов. Этот рост будет в первую очередь обусловлен прогнозируемым ростом сегмента облачных сервисов (+21% в среднем за год), ИТ-услуг (+14,8%) и программного обеспечения (+13%). Ожидается, что крупнейшие традиционные сегменты рынка ИКТ, такие как ИТ-оборудование и телекоммуникационные услуги, будут расти более медленными темпами +3,6% и +5,8% соответственно. К 2027 году общий объем рынка ИКТ Казахстана, по прогнозам, увеличится на 40% по сравнению с 2022 годом, достигнув 7 569,8 млн долларов США. В этом разделе оценивается текущее состояние секторов высоких технологий и ИКТ, их вклад в экспорт и ключевые показатели эффективности, определяющие

прогресс сектора. [20]

По данным Бюро национальной статистики (БНС) Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, в 2023 году в секторе информации и связи Казахстана было занято 187,8 тыс. человек — на 12,8% больше, чем в 2022 году. Важно отметить, что в эту цифру входят не только программисты, веб-разработчики и ИТ-инженеры, но и другие работники сектора связи, которые не связаны напрямую с ИТ-продуктами. Частично выделить численность специалистов в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в рамках этой цифры можно с помощью статистики предприятий. На основании отчетов 152,7 тыс. предприятий численность ИТ-специалистов в 2022 году составила 45 тыс. человек, что на 11,4% больше, чем за год. [21]

Диаграмма 2. . Численность работников сферы информации и связи, тыс. чел.

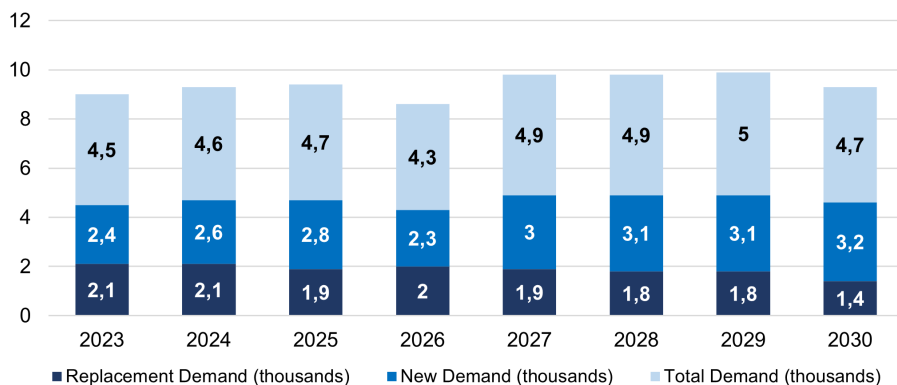

Источник: разработано авторами на основании [21]

По расчетам экспертов Центра развития трудовых ресурсов, спрос на специалистов в сфере информации и коммуникаций в Казахстане действительно будет ежегодно расти. Однако этот рост будет постепенным, а не взрывным. Так, в текущем году общая потребность на рынке труда в сфере информации и коммуникаций прогнозируется на уровне около 4600 человек. Эксперты Центра прогнозируют, что к 2029 году эта цифра увеличится примерно до 5000 работников в год.

Спрос на ИКТ-персонал в Казахстане значительно вырос, что обусловлено цифровой трансформацией в таких ключевых секторах, как финансы, здравоохранение и образование. Однако существуют значительные региональные различия в возможностях трудоустройства, и большинство рабочих мест в сфере ИКТ сосредоточено в городских районах, таких как Алматы и Нурсултан. В этих городских районах сектор ИКТ быстро растет из-за растущего спроса на рабочие места в сфере кибербезопасности, разработки программного обеспечения и науки о данных.

Диаграмма 3. Прогноз спроса на рабочую силу в секторе информации и связи (базовый сценарий), тыс. человек.

Источник: разработано авторами на основании [21]

Однако сельские районы отстают как с точки зрения доступа к ИКТ, так и с точки зрения гарантий занятости, что усугубляет региональные различия. Данные hh.kz подтверждают, что спрос на навыки в сфере ИКТ в городских районах превышает предложение, что приводит к конкуренции за зарплаты и ограничениям в кадровом резерве. Устранение этого неравенства имеет важное значение для достижения справедливого цифрового развития по всему Казахстану и рекомендуется в рамках GDI Huawei. Huawei подчеркивает важность сбалансированного цифрового доступа и возможностей трудоустройства для устойчивого национального роста.[22]

Высшие учебные заведения Казахстана адаптируются к потребностям цифровой экономики, предлагая технические курсы в таких областях, как искусственный интеллект, наука о данных и программная инженерия. Однако исследования показывают разрыв между теоретической подготовкой, предлагаемой университетами, и практическими навыками, требуемыми работодателями. По данным Forbes Kazakhstan, несмотря на усилия ИТ-вузов по повышению качества образования, выпускники выражают свое недовольство. Так, 65% молодых специалистов сталкиваются с проблемой устаревших учебных программ, которые в конечном итоге оказываются неспособными удовлетворить потребности современного ИТ-рынка. Эта проблема отражена в отчете Digitalbusiness.kz, в котором подчеркивается важность практического опыта обучения для преодоления разрыва между академическими и отраслевыми требованиями. Для решения этой проблемы были запущены учебные лагеря по кодированию и программы профессиональной сертификации для предоставления специализированной подготовки в таких востребованных областях, как программирование, кибербезопасность и машинное обучение. Однако интеграция практических навыков в основную учебную программу университета остается важной. Совместные инициативы, такие как программы

обучения Huawei, предлагают многообещающее решение, напрямую связывая образовательные учреждения с потребностями отрасли. Благодаря таким партнерствам студенты могут получить реальный опыт и познакомиться с современными технологиями, чтобы лучше подготовиться к трудоустройству после окончания учебы.

Стратегические инициативы правительства, в частности программа «Цифровой Казахстан», подчеркивают его долгосрочную приверженность укреплению навыков ИКТ и цифровой инфраструктуры. Программа фокусируется на нескольких столпах, таких как повышение цифровой грамотности, расширение широкополосного и мобильного доступа в Интернет, увеличение цифровых услуг, доступных гражданам, и содействие развитию цифровых навыков в образовании. Ключевые меры в рамках программы, такие как создание технологических хабов, помогают создать среду, благоприятную для цифровых инноваций. Эти усилия также соответствуют Индексу навыков ИКТ Huawei, который подчеркивает базовые цифровые навыки и инфраструктуру как необходимое условие для устойчивой цифровой экономики.[23]

Несмотря на эти стратегические усилия, Казахстан продолжает сталкиваться с проблемами в согласованности политики и распределении финансирования, особенно в охвате недостаточно обслуживаемых районов. gov.kz сообщает, что финансирование местных цифровых проектов ограничено, особенно в сельской местности, Равный доступ к технологиям и образованию в области ИКТ затруднен. el.kz сообщает, что городские районы богаты ресурсами и поэтому растут в цифровом плане быстрее, чем сельские районы, что еще больше увеличивает разрыв между городом и деревней. Чтобы смягчить эти проблемы, важно, чтобы правительства проводили последовательную политику во всех регионах и улучшали цифровые навыки и доступ к цифровым услугам более справедливо.

Обсуждение результатов

Прогресс Казахстана в цифровой готовности сделал его лидером в регионе Центральной Азии и образцом для подражания для соседних стран. Однако в отчете Всемирного банка подчеркивается, как Казахстан может выиграть от принятия цифровых стратегий, наблюдаемых в таких высокоэффективных странах, как Сингапур и Эстония. Сосредоточившись на сильной инфраструктуре ИКТ, интеграции цифрового управления и содействии сотрудничеству между академическими кругами и частным сектором, Казахстан может сократить разрыв с мировыми лидерами. В частности, усиление инвестиций в НИОКР и содействие партнерству согласуется с акцентом Huawei GDI на масштабируемую цифровую трансформацию и поддерживает потенциал сектора ИКТ Казахстана для повышения своей конкурентоспособности [24].

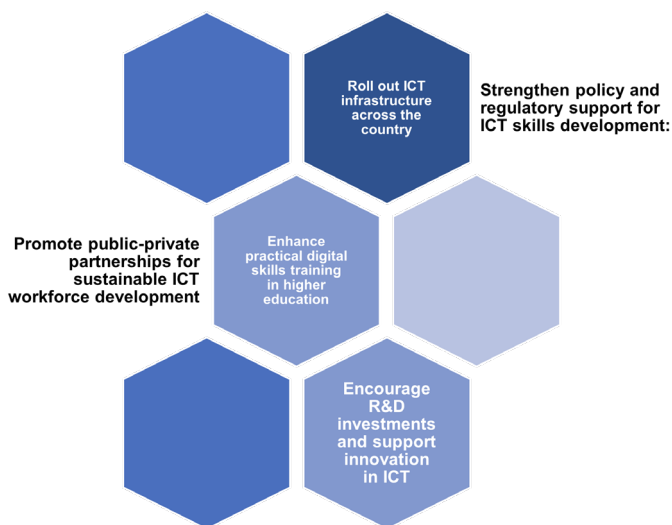
Например, Эстония разработала надежную цифровую инфраструктуру за счет значительных инвестиций в образование и спонсируемую государством программу обучения ИКТ, что привело к высокому уровню цифровой гра-

мощности и инноваций. Аналогичным образом, корейская модель подчеркивает сотрудничество между академическими кругами, правительством и промышленностью для стимулирования технологического прогресса. Принимая передовой опыт, который ставит во главу угла непрерывное развитие навыков ИКТ, Казахстан может извлечь уроки из этих примеров и создать более гибкую и адаптивную рабочую силу, которая готова к требованиям цифровой экономики.

Проблемы развития сектора и рекомендации Huawei по развитию навыков ИКТ

Путь цифровой трансформации Казахстана сталкивается с рядом проблем, включая нехватку навыков, недостатки инфраструктуры и ограниченную практическую подготовку в образовании. Для эффективного решения этих проблем предоставляются следующие рекомендации, основанные на выводах из индекса навыков ИКТ Huawei и GDI, а также на передовом международном опыте [25]:

Диаграмма 4. Индекс навыков Huawei в области ИКТ и GDI, а также передовой международный опыт

Источник: разработано авторами

1. Развертывание инфраструктуры ИКТ по всей стране: инвестиции в инфраструктуру ИКТ, особенно в широкополосную и мобильную связь в недостаточно обслуживаемых районах, имеют решающее значение для устранения цифрового разрыва. Всемирный банк и ITU Datahub предоставляют убедительные данные, подчеркивающие связь между развитием обширной инфраструктуры и повышением цифровой грамотности [26]. Расширение возможностей подключения может способствовать справедливому экономическому росту, обеспечивая всем гражданам, независимо от местонахождения, доступ

к цифровому образованию, ресурсам и возможностям трудоустройства.

2. Улучшить практическое обучение цифровым навыкам в высшем образовании: совместные программы между образовательными учреждениями и технологическими компаниями имеют решающее значение для оснащения выпускников практическими навыками. Партнерство Huawei с университетами является примером успешной модели, в которой вклад отрасли включается в разработку учебной программы, гарантируя, что курсы остаются актуальными для рыночного спроса. Такое сотрудничество может быть распространено на стажировки, семинары и программы наставничества, которые предоставляют студентам практический опыт в таких областях, как ИИ, программная инженерия и кибербезопасность.

3. Поощрять инвестиции в НИОКР и поддерживать инновации в ИКТ: чтобы конкурировать на международном уровне, Казахстан должен развивать культуру инноваций за счет увеличения инвестиций как государственного, так и частного секторов в НИОКР. Данные ЮНЕСКО и Глобального индекса конкурентоспособности талантов показывают, что страны с сильными инвестициями в НИОКР демонстрируют устойчивый рост цифровых возможностей и поддерживают поток инновационных решений в области ИКТ. Поощрение участия частного сектора посредством налоговых льгот и инновационных грантов может стимулировать местное предпринимательство и способствовать расширению сектора ИКТ [27].

4. Усиление политической и нормативной поддержки развития навыков ИКТ: Последовательное и поддерживающее законодательство играет важную роль в развитии навыков ИКТ и цифровой инфраструктуры. Правительственная политика, согласованная с индексом навыков ИКТ Huawei, подчеркивает необходимость четких и последовательных правил, которые способствуют цифровому росту, привлекают инвестиции и поддерживают развитие навыков. Кроме того, законодательство должно быть сосредоточено на национальном развертывании программ цифровой грамотности и оснащении людей из всех слоев общества базовыми цифровыми навыками, необходимыми для участия в цифровой экономике.[28]

5. Содействие государственно-частному партнерству для устойчивого развития рабочей силы в сфере ИКТ: совместные усилия правительства, академических кругов и частного сектора могут значительно улучшить обучение навыкам ИКТ и лучше согласовать результаты обучения с потребностями рынка труда. Такие программы, как Академия ИКТ Huawei, демонстрируют, как государственно-частное партнерство эффективно поддерживает развитие рабочей силы, объединяя отраслевой опыт с академической строгостью. Такие партнерства укрепляют кадровый резерв Казахстана в сфере ИКТ, предоставляя студентам и специалистам передовые навыки в быстро развивающейся области. Академия ИКТ Huawei, в частности, является примером такого подхода, предоставляя студентам всемирно признанные сертификаты и практический опыт для повышения их трудоустройства в секторе ИКТ. Такое

сотрудничество обеспечивает модель для создания рабочей силы, которая может удовлетворить потребности цифровой экономики.[29]

Важную роль в процессе подготовки кадров играют университеты. Важно понимать, насколько готовы местные университеты использовать новые стандарты для подготовки востребованных специалистов.

Выводы

Современные вызовы в образовании, связанные с цифровой трансформацией, глобализацией и изменяющимися требованиями рынка труда, требуют нового подхода к подготовке специалистов. Квалификационные стандарты нового поколения становятся ключевым инструментом, позволяющим адаптировать системы образования к этим вызовам. Эти стандарты обеспечивают не только развитие профессиональных и технических навыков, но и формирование универсальных компетенций, таких как критическое мышление, цифровая грамотность и умение адаптироваться к изменениям.

Международный опыт показывает, что успешное внедрение стандартов возможно только при комплексном подходе, включающем взаимодействие государства, образовательных учреждений и работодателей. Казахстан, активно реформируя свою систему образования в рамках программ «Цифровой Казахстан» и «Информационный Казахстан 2020», демонстрирует стремление следовать этим лучшим практикам. Тем не менее, перед страной стоят задачи дальнейшей гармонизации образовательных программ с международными требованиями и запросами внутреннего рынка труда.

Для успешного использования квалификационных рамок нового поколения в образовании необходимо выделить важные направления:

1. Ключевая роль квалификационных стандартов

Внедрение квалификационных стандартов нового поколения стало основой для формирования компетенций, соответствующих вызовам цифровой трансформации и требованиям современного рынка труда. Они способствуют согласованию образовательных программ с запросами работодателей, что особенно актуально для ИКТ-сферы.

2. Внедрение стандартов в Казахстане

Программа «Цифровой Казахстан» подтолкнула университеты страны к цифровизации образовательных процессов. Это включает развитие ИКТ-компетенций, таких как анализ данных, управление проектами и кибербезопасность. Однако, как показано в статье, существует необходимость дальнейшей гармонизации стандартов с международными требованиями.

3. Потребности рынка труда и образовательные траектории

Адаптация образовательных стандартов к трансформирующимся и исчезающим профессиям обеспечивает студентам конкурентные преимущества на глобальном рынке. Программы, такие как «Атлас новых профессий», демонстрируют растущую значимость ИКТ-навыков в различных отраслях.

4. Для более успешной реализации стандартов необходимо:

Расширять сотрудничество вузов с работодателями для актуализации учебных программ.

Укреплять связи с международными организациями для интеграции лучших практик.

Активно использовать цифровые инструменты для персонализированного и практико-ориентированного обучения.

Таким образом, квалификационные стандарты нового поколения не только способствуют модернизации высшего образования в Казахстане, но и создают основу для интеграции страны в глобальное образовательное пространство, что особенно важно в условиях цифровой трансформации.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, проект программно-целевого финансирования МНВО РК на 2024-2026 годы ИРН BR24992974 «Модернизация системы обеспечения качества высшего образования в Казахстане на основе цифровизации: разработка подходов, механизмов и информационной базы»

Список литературы

1. Kushchev, N. P. (2023). Formation of the new generation of the federal state educational standard on an interdisciplinary basis as a necessary condition for improving the quality of engineering personnel training. *Vestnik Vyshey Shkoly*, 6(14), 13–19. DOI: 10.36622/vstu.2023.6.14.13-19.
2. Бурляева, Е. В., Емельянова, О. А., Сорокина, А. В. Совершенствование компетенций преподавательского состава в контексте новых требований к высшему образованию // Журнал профессионального образования. — 2022. — Т. 4, № 3. — С. 15–30. <http://surl.li/fmkzcy>
3. Mosolova, E. N. (2011). Key compositions of specialists: Employers' perspective. *Professional Education in Russia and Abroad*, 1(5), 23–30. DOI: 10.22184/2499-9407.2019.14.01.112.117.
4. Атлас новых профессий и компетенций Казахстана [Электронный ресурс]. — Нур-Султан: Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан, 2020. — 198 с. — Режим доступа: <https://enbek.kz/atlas04>, свободный. — Загл. с экрана. — Дата обращения: 02.12.2024.
5. Sharples, M. (1999). The design of personal mobile technologies for lifelong learning. *Computers and Education*, 34(2), 177–193. DOI: 10.1016/S0360-1315(99)00044-5.
6. Lozano, J. F., Boni, A., Peris, J., & Hueso, A. (2012). Competencies in higher education: A critical analysis from the capabilities approach. *Journal of Philosophy of Education*, 46(1), 132–147. DOI: 10.1111/j.1467-9752.2011.00839.x.
7. Национальный доклад о состоянии и развитии системы образования Республики Казахстан (2022). Министерство просвещения Республики Казахстан. Получено из <https://edu.gov>.

kz.

8. Скляр, И. Обеспечение прозрачности и качества высшего образования в Украине: Национальная квалификационная рамка // *Business Ethics and Leadership*. — 2018. — Т. 2, № 1. — С. 96–100. — DOI: 10.21272/bel.2018.2-01.
9. Языджиоглу, О., Борат, О. Квалификационные рамки в переходе к обществу знаний // *International Journal of Education*. — 2020. — Т. 12, № 1. — С. 26–31. — DOI: 10.5296/ije.v12i1.15843.
10. ЮНЕСКО. Отчет о внедрении ИКТ в системе высшего и профессионального образования в странах Ближнего Востока и Пакистана. — 2022. — URL: <https://unesco.org/report-ict> (дата обращения: 02.12.2024).
11. ICT Talent Kenya: A Pathway to the Future. — 2022. — URL: <https://ictkenya.org/report> (дата обращения: 02.12.2024).
12. United Nations Statistics Division. (2023). *Statistical Yearbook 2023 Edition*. Available at: <https://unstats.un.org/UNSDWebsite/Publications/StatisticalYearbook/syb67.pdf>
13. World Bank. (2022). *Kazakhstan: Economic Indicators and Trends*. <https://data.worldbank.org>
14. World Development Indicators. (2022). <https://databank.worldbank.org>
15. World Bank. (2022). *World Development Indicators*. <https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.TOTL.FE.ZS>
16. United Nations Statistics Division (UNSD). *Labor force participation data*. <https://data.un.org/default.aspx>
17. International Labour Organization (ILO). *Global Employment Trends*. <https://ilosstat.ilo.org>
18. *Kazakhstan: Education Expenditure as a Percentage of GDP* // *The-GlobalEconomy.com*. — Available at: https://ru.theglobaleconomy.com/Kazakhstan/Education_spending/
19. *Global Talent Competitiveness Index 2023*. <https://www.insead.edu/system/files/2023-11/gtci-2023-report.pdf>
20. Ministry of Digital Development, Innovations and Aerospace Industry of the Republic of Kazakhstan. <https://www.gov.kz/memleket/entities/mdai/press/article/details/148539?lang=ru>
21. Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. (2023). *Business Statistics: Statistical Publications*. Available at: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-org/publications/5026/>
22. IDC (2023). *ICT Market in Kazakhstan: Current State and Development Forecast until 2027*. chrome-extension://efaidnbnmnibpcjpcglclefindmkaj/https://www.gov.kz/uploads/2024/2/12/0c6500bbaaa233b76e0c1101971415f4_original.8081299.pdf
23. World Economic Forum. (2017–2020). *Executive Opinion Survey*. <http://reports.weforum.org/>
24. World Bank. "A Roadmap for Improving the Quality of Education and Research through Regional Integration." Available: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099101023140578441/pdf/P1790811f2f765ea101eb142301abf0100a90db82451.pdf>
25. Trends.RBC.ru. *Trends and Challenges in Education in Kazakhstan*. Available: <https://trends.rbc.ru/trends/education/64edb0929a7947547ed007f6>
26. World Bank. *World Development Indicators*. Available: <https://data.worldbank.org/>
27. UNESCO Institute for Statistics. "Gross domestic expenditure on R&D (GERD), GERD as a percentage of GDP, GERD per capita and GERD per researcher." Available: <http://data.uis.unesco.org/index>.

aspx?queryid=74

28. On approval of the Concept of digital transformation, development of the information and communication technology industry and cybersecurity for 2023 – 2029 Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated March 28, 2023 No. 269. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269>
29. Huawei ICT Academy. <https://www.huawei.com/kz-ru/news/kz/2022/news-25-akademiy-v-kazakhstan>

References:

1. Kushchev, N. P. (2023). Formation of the new generation of the federal state educational standard on an interdisciplinary basis as a necessary condition for improving the quality of engineering personnel training. *Vestnik Vyshey Shkoly*, 6(14), 13–19. <https://doi.org/10.36622/vstu.2023.6.14.13-19>
2. Burlyaeva, E. V., Emelyanova, O. A., & Sorokina, A. V. (2022). Sovershenstvovanie kompetentsii prepodavatelskogo sostava v kontekste novykh trebovaniy k vysshemu obrazovaniyu [Improving the competence of teaching staff in the context of new requirements for higher education]. *Zhurnal Professionalnogo Obrazovaniya*, 4(3), 15–30. <http://surl.li/fmkzcy>
3. Mosolova, E. N. (2011). Key compositions of specialists: Employers' perspective. *Professional Education in Russia and Abroad*, 1(5), 23–30. <https://doi.org/10.22184/2499-9407.2019.14.01.112.117>
4. Atlas novykh professii i kompetentsii Kazakhstana [Atlas of New Professions and Competencies of Kazakhstan]. (2020). Nur-Sultan: Ministerstvo truda i sotsialnoi zashchity naseleniya Respubliki Kazakhstan. <https://enbek.kz/atlas04>
5. Sharples, M. (1999). The design of personal mobile technologies for lifelong learning. *Computers and Education*, 34(2), 177–193. [https://doi.org/10.1016/S0360-1315\(99\)00044-5](https://doi.org/10.1016/S0360-1315(99)00044-5)
6. Lozano, J. F., Boni, A., Peris, J., & Hueso, A. (2012). Competencies in higher education: A critical analysis from the capabilities approach. *Journal of Philosophy of Education*, 46(1), 132–147. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9752.2011.00839.x>
7. Natsionalnyi doklad o sostoyanii i razvitiy sistemy obrazovaniya Respubliki Kazakhstan [National Report on the State and Development of the Education System of the Republic of Kazakhstan]. (2022). Ministerstvo prosveshcheniya Respubliki Kazakhstan. <https://edu.gov.kz>
8. Sklyar, I. (2018). Obespechenie prozrachnosti i kachestva vysshego obrazovaniya v Ukraine: Natsionalnaya kvalifikatsionnaya ramka [Ensuring Transparency and Quality of Higher Education in Ukraine: National Qualifications Framework]. *Business Ethics and Leadership*, 2(1), 96–100. <https://doi.org/10.21272/bel.2018.2-01>
9. Yazydzhioğlu, O., & Borat, O. (2020). Kvalifikatsionnye ramki v perekhode k obshchestvu znaniy [Qualification frameworks in the transition to a knowledge society]. *International Journal of Education*, 12(1), 26–31. <https://doi.org/10.5296/ije.v12i1.15843>
10. UNESCO. (2022). Otchet o vnedrenii IKTs v sisteme vysshego i professionalnogo obrazovaniya v stranakh Blizhnego Vostoka i Pakistana [Report on the implementation of ICTs in the system of higher and professional education in the countries of the Middle East and Pakistan]. Retrieved from <https://unesco.org/report-ict>
11. ICT Talent Kenya: A Pathway to the Future. (2022). Retrieved from <https://ictkenya.org/report>

12. United Nations Statistics Division. (2023). Statistical Yearbook 2023 Edition. Retrieved from <https://unstats.un.org/UNSDWebsite/Publications/StatisticalYearbook/syb67.pdf>
13. World Bank. (2022). Kazakhstan: Economic Indicators and Trends. Retrieved from <https://data.worldbank.org>
14. World Development Indicators. (2022). Retrieved from <https://data-bank.worldbank.org>
15. World Bank. (2022). World Development Indicators. Retrieved from <https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.TOTL.FE.ZS>
16. United Nations Statistics Division (UNSD). (n.d.). Labor force participation data. Retrieved from <https://data.un.org/default.aspx>
17. International Labour Organization (ILO). (n.d.). Global Employment Trends. Retrieved from <https://ilostat.ilo.org>
18. Kazakhstan: Education Expenditure as a Percentage of GDP. (n.d.). TheGlobalEconomy.com. Retrieved from https://ru.theglobaleconomy.com/Kazakhstan/Education_spending/
19. Global Talent Competitiveness Index 2023. (2023). Retrieved from <https://www.insead.edu/system/files/2023-11/gtci-2023-report.pdf>
20. Ministry of Digital Development, Innovations and Aerospace Industry of the Republic of Kazakhstan. (n.d.). Retrieved from <https://www.gov.kz/memleket/entities/mdai/press/article/details/148539?lang=ru>
21. Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. (2023). Business Statistics: Statistical Publications. Retrieved from <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-org/publications/5026/>
22. IDC. (2023). ICT Market in Kazakhstan: Current State and Development Forecast until 2027. Retrieved from https://www.gov.kz/uploads/2024/2/12/0c6500bbaaa233b76e0c1101971415f4_original.8081299.pdf
23. World Economic Forum. (2017–2020). Executive Opinion Survey. Retrieved from <http://reports.weforum.org/>
24. World Bank. (n.d.). A Roadmap for Improving the Quality of Education and Research through Regional Integration. Retrieved from <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099101023140578441/pdf/P1790811f2f765ea101eb142301abf0100a90db82451.pdf>
25. Trends.RBC.ru. (n.d.). Trends and Challenges in Education in Kazakhstan. Retrieved from <https://trends.rbc.ru/trends/education/64edb0929a7947547ed007f6>
26. World Bank. (n.d.). World Development Indicators. Retrieved from <https://data.worldbank.org/>
27. UNESCO Institute for Statistics. (n.d.). Gross domestic expenditure on R&D (GERD), GERD as a percentage of GDP, GERD per capita and GERD per researcher. Retrieved from <http://data.uis.unesco.org/index.aspx?queryid=74>
28. Government of the Republic of Kazakhstan. (2023). On approval of the Concept of digital transformation, development of the information and communication technology industry and cybersecurity for 2023–2029. Resolution No. 269. Retrieved from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269>
29. Huawei ICT Academy. (2022). Retrieved from <https://www.huawei.com/kz-ru/news/kz/2022/news-25-akademiya-v-kazakhstane>

Материал поступил в редакцию 11.12.2024
 Утвержден к публикации 17.03.2025

EFFECTIVENESS OF ANTI-CORRUPTION STRATEGIES: EXPERIENCES AND ACHIEVEMENTS IN KAZAKHSTAN

**Aktore Talgatuly^{1*},
Gulsara Junusbekova²
Ane Tynyshbayeva³**

^{1*} DPA candidate at the Institute of management of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan, e-mail: aktoretalगतuly@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1370-5723,

² Candidate of economic sciences, professor, Head of the Center for educational policy at the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan, gulsara. e-mail: dzhunusbekova@apa.kz, ORCID:0000-0002-2709-652X

³ Doctor of sociological sciences, professor, Institute of Management of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan, e-mail: a.tynyshbayeva@apa.kz, ORCID: 0000-0002-6209-727X

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.1.008>

Abstract. In the context of globalization and the rapid development of society, the issue of corruption remains one of the most pressing topics in both academic and practical spheres. Corruption undermines the foundations of democracy, impedes economic progress, and harms social justice. Thus, effective anti-corruption efforts are crucial for public administration institutions, enhancing public trust in state authorities and ensuring transparency.

The purpose of this study is to analyze the effectiveness of anti-corruption strategies in Kazakhstan, identify best practices in corruption prevention, and provide recommendations for improving anti-corruption mechanisms within public administration.

Given the scope of the documents analyzed, the research was conducted using

both qualitative and quantitative content analysis methods.

The findings of this study can be utilized in the development of anti-corruption plans by public administration and civil society organizations, as well as in improving existing mechanisms.

Keywords: *corruption, anti-corruption strategy, public service, corruption prevention, prevention of corruption.*

СЫБАЙЛАС ЖЕМҚОРЛЫҚҚА ҚАРСЫ СТРАТЕГИЯЛАРДЫҢ ТИІМДІЛІГІ: ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ТӘЖІРИБЕЛЕР МЕН ЖЕТИСТІКТЕР

Ақтөре Талғатұлы^{1*}, Гүлсара Жүнісбекова², Ане Тынышбаева³

^{1*} Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының Басқару институтының докторанты, Астана қаласы, ҚР, e-mail: aktoretalगतuly@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1370-5723,

² Экономика ғылымдарының кандидаты, профессор, ҚР Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының Білім беру саясаты орталығының жетекшісі, Астана қаласы, e-mail: gulsara.dzhunusbekova@apa.kz, ORCID:0000-0002-2709-652X

³ Әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор, ҚР Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының Басқару институты, Астана қаласы, e-mail: a.tynyshbayeva@apa.kz, ORCID: 0000-0002-6209-727X

Аңдатпа. Жаһандану мен қоғамның қарқынды дамуы жағдайында сыбайлас жемқорлық мәселесі академиялық және практикалық салаларда өзекті тақырыптардың бірі болып қалып отыр. Сыбайлас жемқорлық демократияның негіздерін әлсіретеді, экономикалық прогресті тежейді және әлеуметтік әділеттілікке нұқсан келтіреді. Сондықтан мемлекеттік басқару институттары үшін сыбайлас жемқорлыққа қарсы тиімді шараларды жүзеге асыру, халықтың мемлекеттік билік органдарына деген сенімін арттыру және ашықтықты қамтамасыз ету маңызды болып табылады.

Бұл зерттеудің мақсаты – Қазақстандағы сыбайлас жемқорлыққа қарсы стратегиялардың тиімділігін талдау, сыбайлас жемқорлықтың алдын алу бойынша үздік тәжірибелерді анықтау және мемлекеттік басқару жүйесіндегі сыбайлас жемқорлыққа қарсы механизмдерді жетілдіру бойынша ұсыныстар беру.

Талдау жүргізілген құжаттардың ауқымын ескере отырып, зерттеу сапалық және сандық контент-талдау әдістері арқылы жүзеге асырылды.

Бұл зерттеудің нәтижелері мемлекеттік басқару және азаматтық қоғам ұйымдарының сыбайлас жемқорлыққа қарсы жоспарларын әзірлеуде, сондай-ақ қолданыстағы механизмдерді жетілдіруде пайдаланылуы мүмкін.

Түйін сөздер: *сыбайлас жемқорлық, сыбайлас жемқорлыққа қарсы стратегия, мемлекеттік қызмет, сыбайлас жемқорлықтың алдын алу, жемқорлықтың алдын алу.*

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СТРАТЕГИЙ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ: ОПЫТ И ДОСТИЖЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Акторе Талгатулы^{1*}, Гульсара Джунусбекова², Ане Тынышбаева³

¹ Докторант Института управления Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, город Астана, Республика Казахстан, aktoretalगतuly@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1370-5723

² Кандидат экономических наук, профессор, руководитель Центра образовательной политики Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, город Астана, Республика Казахстан, gulsara.dzhunusbekova@apa.kz, ORCID:0000-0002-2709-652X

³ Доктор социологических наук, профессор, Институт управления Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, город Астана, Республика Казахстан, a.tynyshbayeva@apa.kz, ORCID:0000-0002-6209-727X

Аннотация. Проблема коррупции остается одной из наиболее актуальных тем как в академической, так и в практической сферах. Коррупция подрывает основы демократии, препятствует экономическому прогрессу и наносит ущерб социальной справедливости. Таким образом, эффективные усилия по борьбе с коррупцией имеют решающее значение для органов государственного управления, укрепляя общественное доверие к государственным властям и обеспечивая прозрачность.

Целью данного исследования является анализ эффективности стратегий противодействия коррупции в Казахстане, выявление лучших практик в области предотвращения коррупции и выработка рекомендаций по улучшению механизмов борьбы с коррупцией в рамках государственного управления.

С учетом объема проанализированных документов исследование было проведено с использованием как качественного, так и количественного методов контент-анализа.

Результаты данного исследования могут быть использованы при разработке антикоррупционных планов органами государственного управления и организациями гражданского общества, а также при совершенствовании существующих механизмов.

Ключевые слова: коррупция, стратегия борьбы с коррупцией, государственная служба, предотвращение коррупции, профилактика коррупции.

Introduction

Corruption remains a pervasive issue in public administration institutions, the private sector, and business communities worldwide. It hinders the socio-economic development of states and undermines the efficiency of governmental apparatuses.

The phenomenon of corruption and efforts to combat it are not merely modern-day challenges. Historical accounts reveal instances of corruption dating back to ancient civilizations such as Egypt and the Roman Empire.

In ancient Roman law, the term "corruption" can be found, derived from the

Latin word "corrumpere," which means "to destroy, break, or unlawfully bribe." [1] Similarly, ancient Egyptian inscriptions advised: "When you appear before your superior, bow your head, for it will save your household; defiance will bring you trouble." [2]

Although the manifestations of corruption evolve with changing circumstances, its core essence remains constant. While the foundations of corruption in ancient times differ significantly from contemporary examples, the principle remains unchanged. [3]

One key distinction between modern and ancient corruption is its globalized nature. In the present day, corruption transcends national boundaries, infiltrating international organizations and posing a threat to global legal order. It is now recognized as an international problem that jeopardizes the integrity of worldwide governance systems. [4]

The effectiveness of a country's anti-corruption efforts and the level of corruption within its borders are critical factors that enhance its reputation. The level of corruption directly influences foreign direct investment inflows, political negotiations, and the country's standing on the global stage. [5]

Despite the numerous risks and potential manifestations of corruption, it is often linked to the poor design of public governance systems as a societal institution. Contradictory laws and regulations, coupled with their lack of clarity for the general population, allow public officials to interpret and communicate them at their discretion. This increases the shadow power of public institutions, consequently heightening the risk of arbitrary decision-making by public servants. Corruption in public administration is closely tied to the extent of monopolistic and discretionary powers exercised by officials. [6]

Monopolistic power is more prevalent in economically developed countries, while discretionary power is commonly observed in developing nations.

However, successful anti-corruption efforts require not only the active engagement of public authorities but also the commitment of the business community and civil society in combating corruption. [7]

Anti-corruption legislation is being developed and strictly enforced across countries worldwide. Dedicated state agencies tasked with combating corruption have been established, and penalties for corruption-related offenses are becoming increasingly severe.

In the fight against corruption, efforts are not limited to contemporary legal measures but also extend to the formulation of precise anti-corruption policies. Furthermore, in an ever-changing world, strategies and action plans are being devised to adapt to new challenges in combating corruption.

Singapore's anti-corruption framework, grounded in well-regulated legal documents and proactive measures, has demonstrated the possibility of significantly reducing corruption levels within a short period.

Singapore has successfully reduced corruption to minimal levels through a combination of political will, effective legislative reforms, the integrity of an incorruptible authorized body, and the independence of the judiciary. The clarity of reform objectives for the entire population, along with the strict implementation of these reforms, has produced unprecedented results recognized globally. [8]

In addition to the Singaporean model, the Hong Kong model of anti-corruption can also be highlighted. According to the works of renowned British scholar Alan Doig, Botswana has achieved significant success by adopting Hong Kong's anti-corruption model. Botswana's anti-corruption strategy consists of three main components: investigation, anti-corruption education, and preventive measures. [9]

However, the lack of a clear formula for corruption offenses means that adopting foreign models may not always yield positive results. According to Professor Rob Mccusker of Teesside University, a renowned scholar, corruption is a phenomenon primarily driven by the wrongful actions of individuals. In his research, the scholar emphasizes the need to conduct social and cultural studies before developing anti-corruption strategies. He also advocates for adapting international practices to align with national characteristics. [10]

The renowned scholar Gibson, in his works, argues that the development of anti-corruption strategies contributes to the enhancement of effective governance mechanisms within state institutions and helps build public trust in governmental bodies. [11]

However, it is clear that without eliminating bureaucratic barriers within state institutions, the implementation of any strategy will be difficult. [12]

After gaining independence, the Republic of Kazakhstan adopted the fight against corruption as one of the state's strategic priorities. The first major strategic document in the history of independent Kazakhstan, the "Kazakhstan-2030" development strategy, also outlined an uncompromising anti-corruption plan. Moreover, the current "Kazakhstan-2050" development strategy also places significant emphasis on combating corruption.

Based on these national strategic documents, specific strategic plans aimed at reducing corruption have been adopted and are being implemented. These include the "Anti-Corruption Strategy of the Republic of Kazakhstan for 2015-2025" (now repealed) and the "Concept of the Anti-Corruption Policy for 2022–2026."

Additionally, the "National Report on Anti-Corruption Efforts" is published annually to explain the results of work carried out based on these strategic documents.

Thanks to the initiatives outlined in these documents, a number of comprehensive measures have been implemented in the country. However, despite the adopted measures, the number of corruption offenses remains high in Kazakhstan. Therefore, questioning the effectiveness of the country's anti-corruption strategies is a legitimate phenomenon.

Nevertheless, the effectiveness of Kazakhstan's strategic documents has not been widely analyzed in the scientific literature. Additionally, there is a lack of specific research on the relevance and effectiveness of the anti-corruption measures taken.

Materials and methods

To analyze the effectiveness of anti-corruption strategies, this article examines not only the current and previously implemented anti-corruption strategies of the Republic of Kazakhstan but also other relevant state programs, laws, political documents, annual reports, media content, and numerous other materials. A wide

range of documents were analyzed, and qualitative and quantitative research methods were applied to the information obtained. For this purpose, content analysis was selected as the research method.

The key feature of content analysis lies in examining written documents through their social context. This method allows for the collection and systematization of structured information from these sources. In particular, studying normative documents and reports plays a crucial role in evaluating the anti-corruption measures implemented in Kazakhstan and assessing their effectiveness.

Content analysis enables both qualitative and quantitative data to be analyzed simultaneously. By studying the textual documents of anti-corruption policies, it is possible to identify their core ideas, tools, and directions. Additionally, the use of quantitative data allows for the assessment of the implementation level and effectiveness of these strategies.

The advantage of content analysis in the study is that it allows the researcher to eliminate personal bias from the analytical process. [13]

The fight against corruption in Kazakhstan is multifaceted and comprehensive. Given the large number of documents, legislations, and reports, content analysis provides an effective method for systematically processing extensive data and drawing unified conclusions. This approach plays a significant role in identifying patterns between strategies and their outcomes, as well as in detecting trends within the research.

During content analysis, anti-corruption strategies and plans will be evaluated through a quantitative analysis of Kazakhstan's criminal corruption situation, using the "Corruption Perception Index" of the international non-governmental organization Transparency International, which is dedicated to fighting corruption and determining its global levels.

The analyzed data will be structured into tables and bar charts. Based on the results of content analysis from these tables and charts, preliminary conclusions on the effectiveness of Kazakhstan's anti-corruption strategies will be drawn. The theoretical general logical methods used for analyzing the tables and charts include comparative analysis, synthesis, generalization, induction, and deduction.

Results and discussion

Since gaining independence, the importance of combating corruption has been firmly established in politically significant state documents. The Republic of Kazakhstan's first and most comprehensive strategic document, the "Kazakhstan-2030" strategy, published in 1997, highlights the importance of a strong fight against corruption on six occasions. According to this document, by the year 2000, Kazakhstan was to establish a professional government, complete reforms in public service and government operations, and prioritize the fight against corruption and abuse of power. [14] In the "Kazakhstan-2030" strategic document, corruption is described as an incomplete set of "qualities" that were nurtured by the former bureaucratic regime and, in recent years, have transitioned from a hidden form to an open one. [14]

As a result of this strategy, efforts were made to strengthen democratic foundations, increase transparency and oversight in public administration, and

build trust in the government and its institutions. In 1998, the "Law on Combating Corruption" was adopted with the aim of attracting qualified professionals to public service and creating favorable conditions for individuals to serve with integrity and loyalty in public office. This law established the key principles of anti-corruption efforts, including mechanisms for control, prevention, supervision, and prohibition.

It was the first law within the Commonwealth of Independent States (CIS) to define the goals, principles, and mechanisms of authorized bodies in the fight against corruption.

Starting from 2001, state programs aimed at combating corruption were implemented under this law. Within the framework of these programs, assessments of the current situation were made, and plans were developed to address pressing issues in the near future.

The first comprehensive strategy for combating corruption, which involved analyzing the current situation and planning for the future, was adopted in 2014, covering the period from 2015 to 2025. However, due to the acceleration of globalization processes and changing societal demands, a new concept was developed. On February 2, 2022, the President of Kazakhstan approved the "Concept of Kazakhstan's Anti-Corruption Policy for 2022-2026," which summarized national experience and incorporated the best foreign practices in the fight against corruption.

Table 1. Political documents of the Republic of Kazakhstan

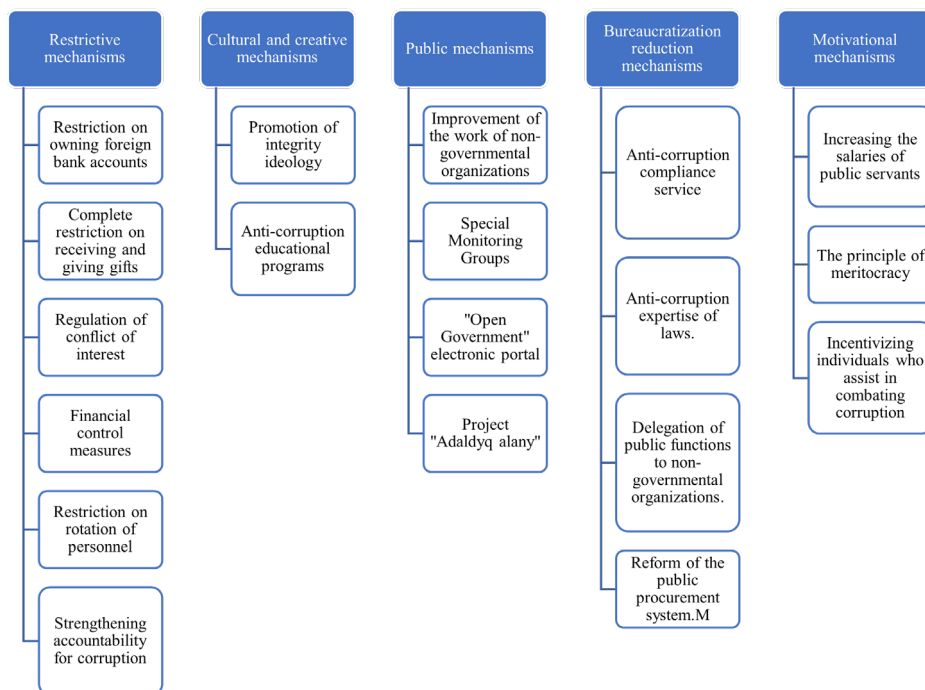
"KAZAKHSTAN-2030" POLITICAL STRATEGIC DOCUMENT	"KAZAKHSTAN-2050" POLITICAL STRATEGIC DOCUMENT
(11.10.1997)	(14.12.2012)
☐ On Anti-corruption Law (02.07.1998 – 18.11.2015)	☐ The Anti-Corruption Strategy of the Republic of Kazakhstan for 2015-2025 (26.12.2014 – 02.02.2022)
	☐ On combating corruption (18.11.2015 – currently in effect)
	☐ Concept of anti-corruption policy of the Republic of Kazakhstan for 2022-2026 (02.02.2022 – currently in effect)

Source: authors

As shown in the table above, in the history of independent Kazakhstan, two strategic documents with the primary goal of combating corruption can be observed.

The first strategic document, based on the Anti-Corruption Strategy of the Republic of Kazakhstan for 2015-2025, marked the major achievement of repealing the Law "On Combating Corruption" and adopting the Law "On Anti-Corruption Measures", which not only focuses on combating corruption but also aims at preventing it. The new law takes a comprehensive approach to addressing corruption risks. The key priorities of this anti-corruption strategy are outlined in Table 2.

Table 2. The best mechanisms for preventing corruption

Source: authors

The author will categorize the priorities of the strategies into five groups. As shown in the table, only one of the measures is a mechanism that is implemented after the occurrence of a corruption fact. The strengthening of accountability for individuals involved in corruption, while the other mechanisms are a set of measures aimed at preventing corruption.

In the course of implementing this strategy, the authorized body recognized in the fight against corruption, the Anti-Corruption Agency of the Republic of Kazakhstan (Anti-Corruption Service), has established the main principles of its activities. These include effective prevention, widespread public awareness, constructive cooperation with society, and the integration of criminal and legal measures. [15]

The authorized body established the Corruption Prevention Institute, which has played a significant role in preventing corruption in the public service and fostering integrity within society. Additionally, attention was paid to the work of non-governmental organizations, granting them the freedom to become a public oversight mechanism in the public service sector. Active representatives from society and the general public were given the opportunity to listen to reports on public service activities, provide suggestions, meet directly with senior management, and ask questions. The transparency of government agencies was placed under close scrutiny, and the authorized body conducted relevant evaluations. The main focus shifted from combating the consequences of corruption to addressing its causes. The authorized body carried out external and internal analyses, as well as anti-corruption

monitoring activities, aimed at eliminating corruption risks in the functioning of public administration institutions.

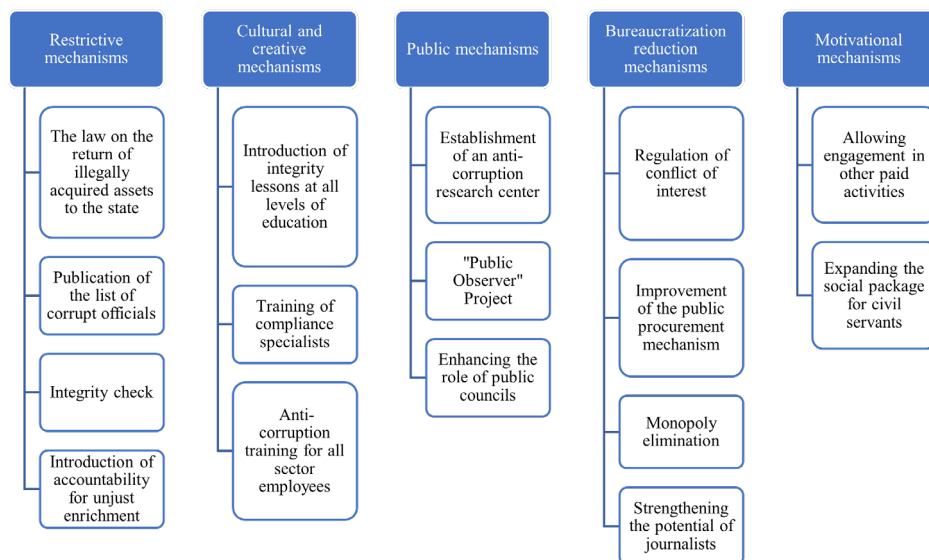
In the past, the authorized body in the fight against corruption was largely a closed and punitive institution. However, during the implementation of this strategic document, the authorized body opened front offices and began working closely with the public. During this period, tight cooperation with foreign anti-corruption organizations was established.

While implementing the 2015-2025 Anti-Corruption Strategy, there were certainly some shortcomings. These included the lack of a systematic approach to corruption prevention, the low level of social research on the results of anti-corruption efforts and the effectiveness of measures taken by public administration institutions and the authorized body, and the insufficient readiness of government agencies to ensure transparency at the required level.

These shortcomings were explicitly outlined in the strategic document, reflecting the state apparatus's ability to identify errors and take appropriate corrective actions.

Next, the effectiveness of the current Anti-Corruption Policy Concept for 2022–2026, as presented in Table 3, will be analyzed.

Table 3. The best mechanisms for preventing corruption

Source: authors

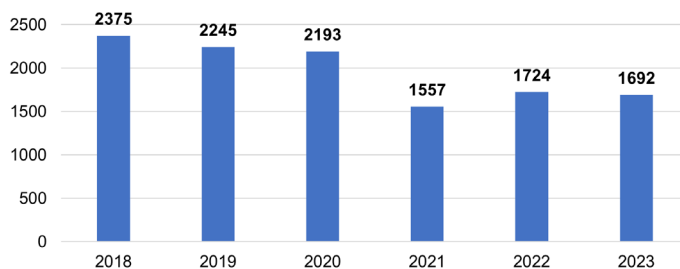
Tables 2 and 3 present the most effective corruption prevention mechanisms currently employed in Kazakhstan. The selection of these specific mechanisms is justified by their practical application within the national anti-corruption policy. They serve as key instruments of corruption prevention and are systematically analyzed in the framework of performance assessments of anti-corruption measures.

These mechanisms are incorporated into the National Report on Anti-Corruption Efforts, a fundamental strategic document that reflects the current state and outcomes

of the country's anti-corruption policies. Their selection is based on assessments conducted by relevant authorities, as well as on international recommendations in the field of anti-corruption regulation.

Thus, the mechanisms presented in this study are not only relevant but also subject to continuous monitoring, confirming their significance in shaping a sustainable system of corruption prevention in Kazakhstan.

Diagram 1. Corruption crimes in Republic of Kazakhstan

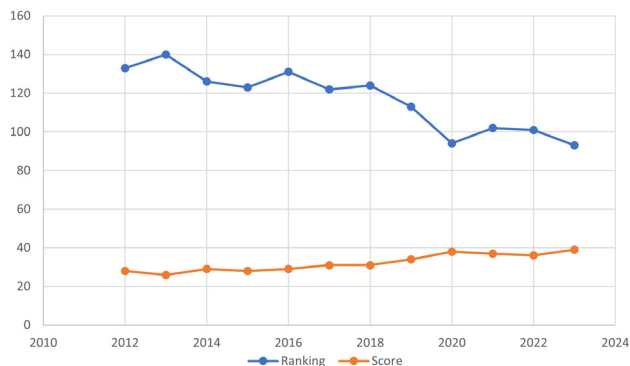

Source: National report on combating corruption

According to the implementation plan of the Anti-Corruption Policy for 2022-2026, the work done is aimed at improving the actions from the first strategic document and introducing new experiences.

The improvements made to the mechanisms initially introduced based on recommendations from foreign anti-corruption organizations aim to streamline their work and bring it into a consistent framework. As a result of these efforts, the prevention mechanisms within the authorized body have been systematized, and evaluation criteria for preventive measures have been established. By observing the measures outlined in the strategic document, we can see that Kazakhstan's fight against corruption is developing along the lines of the Singaporean model.

Diagram 2. Corruption perceptions index by Transparency International

Source: Transparency International, link: <https://www.transparency.org/en/countries/kazakhstan>

The strategic document aims to eliminate corruption by combining the development of integrity among society and civil servants with the strictness of punishment. During the implementation of the strategic plans, several tasks were completed, and as a result, we observe a trend of decreasing corruption crimes.

In addition, the international non-governmental organization Transparency International provides a positive assessment of the results of the anti-corruption mechanisms in our country

As a result of the long-standing anti-corruption policy in the country, for the first time in history, Moody's agency assigned a "stable" rating to the Republic of Kazakhstan due to progress in public administration and anti-corruption efforts. [16]

Conclusion

The advancement of socialization and globalization processes has led to an increase in public relations. The role of the state in the mechanism of these relations is immense. Preventing corruption risks in the interaction between the public and the state, as well as among state authorities, and in the relations between civil servants and the population, positively impacts the social well-being of the people, increases trust in public administration institutions, and facilitates the implementation of state policies.

Since corruption is a direct factor influencing the general mood of society, the enhanced efforts to combat this epidemic in the Republic of Kazakhstan can be seen in the research above.

It has not been long since Kazakhstan's public administration institutions transitioned from a socialist regime to a market economy. Similarly, over time, the work of anti-corruption institutions in Kazakhstan has been improving.

The strategies were developed based on the best international practices, taking into account the cultural and historical values of the people, and the full implementation of the strategies involves the active participation of all state institutions.

However, there are also shortcomings in the anti-corruption strategies. Strategic planning of actions requires the proper preparation of personnel, and the clarification of mechanisms for implementing and evaluating the work.

References:

1. Arvind J. Corruption: A Review, *Journal of Economic Surveys*, pp. 71-121, 2001.
2. Tomsinov V. A textbook of the state and law of foreign countries // *Antiquity and the Middle Ages*, p. 56, 2004.
3. Transparency International, *What is corruption?*, Berlin, 2024.
4. Lipinsky D.A., Musatkina A., Stankin A.N., Chuklova E.V. Corruption risks as a threat to national security: a comparative analysis of their prevention and minimization // *Amazonia Investiga*, pp. 354-356, 2019.
5. Karlina A.A., Kochneva O.V. Review of methods for assessing the level of corruption in government: russian and foreign experience, // *IGH technology, science and education: current issues, achievements and innovations*, pp. 9-11, 2023.

6. Vashalomitdze E.V. Corruption as a form of unprofessionalism of public administration specialists (review of foreign literature) // Bulletin of the BIST (Bashkir institute of social technologies), pp. 108-113, 2021.
7. Gaynullin V.V., LATYPOV N.I., ZIYATDINOV N.R. Overview of law enforcement institutions, fighting corruption in organizations // Current research, pp. 62-64, 2024.
8. Andrianov V.D. Bureaucracy, corruption and efficiency of public administration: history and modernity, Moscow, 66.
9. Chi H.L. Advancing the Anti-corruption cause through International Cooperation: lessons from the Hong Kong experience // Springer Nature, pp. 297-307, 2024.
10. McCusker R. Review of anti-corruption strategies // Australian Institute of Criminology, pp. 12-25, 2006.
11. Disch A., Vigeland E., Sundet G., Gibson S. Anti-corruption approaches: A literature review., 2009.
12. Chidi O., Ibrahim I. Traditional and Information Technology Anti-Corruption Strategies for Curbing the Public Sector Corruption in Developing Economies of Sub-Saharan Africa: A Systematic Literature Review // The African Journal of Information Systems, pp. 218-229, 2020.
13. Lindberg R., Emilly D., McNaughton S. Quality and accuracy of online nutrition-related information: a systematic review of content analysis studies // Cambridge Core, 2023.
14. Kazakhstan-2030 increase in prosperity, security and well-being of all Kazakhstanis, Legal information system Adilet, 1997. [Electronic resource]. URL:https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K970002030_
15. The concept of anti-corruption policy of the Republic of Kazakhstan for 2022-2026, Legal information system Adilet [Electronic resource]. URL:<https://adilet.zan.kz/kaz/docs/U2200000802#z23>.
16. Moody's ratings, Moody's, [Electronic resource]. URL:<https://ratings.moody's.io/ratings>.
17. Strategy "Kazakhstan-2050": a new political course of the established state, Legal information system Adilet, 2012. [Electronic resource]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050>
18. On the Anti-Corruption Strategy of the Republic of Kazakhstan for 2015-2025, Legal information system Adilet, 2022. [Electronic resource]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000986>
19. Law "On combating corruption", Legal information system Adilet, 2015. [Electronic resource]. URL: <https://adilet.zan.kz/eng/docs/Z1500000410>
20. On Anti-corruption law, Legal information system Adilet, 1988. [Electronic resource]. URL: https://adilet.zan.kz/eng/docs/Z980000267_
21. National anti-corruption report 2023, 2024. [Electronic resource]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/anticorruption/documents/details/695032?lang=en>

Материал поступил в редакцию 14.12.2024

Утвержден к публикации 17.03.2025

RESEARCH AND EDUCATION AS THE DRIVERS OF A PARADIGM SHIFT IN CENTRAL ASIAN WATER GOVERNANCE AND WATER DIPLOMACY

Marton Krasznai^{1*},
Iskandar Abdullaev²

^{1*} Scientific Director of the Center for Central Asia Research of Corvinus University Budapest, Hungary, e-mail: marton.krasznai@uni-corvinus.hu, ORCID 0000-0003-0383-5671

² Country Representative of IWMI in Pakistan, e-mail: iabdullaev68@gmail.com

---

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.1.009>

Abstract. Detailed analysis of the growing problems of the Central Asian water sector leads the authors to the conclusion that there is an urgent need for a paradigm shift in water governance and water diplomacy. As a result of climate change the natural environment and human systems are nearing adaptation limits. Climate change affects the region primarily through the water sector. Central Asian countries - including Afghanistan - are linked by two large rivers, therefore strengthened regional cooperation is a sine qua non precondition of achieving sustainability of the water sector. Since there is a close link between domestic politics and regional cooperation, only the simultaneous improvement of water diplomacy and water governance can reverse the negative trends of the last three decades. As President Kassym-Jomart Tokayev in his State of the Nation Address on 1 September 2023 emphasized: *“conducting a balanced water policy and solving issues of transboundary water use are the most important tasks of the Government”*.

The authors propose integrating the latest achievements of political economy of the water sector, international political economy, international cooperation theory, institutional economics of sustainability and conflict analysis into the theoretical framework for water diplomacy, building on pragmatic and region-specific cooperation models developed and maintained in the last 30 years. The envisioned paradigm shift would be a catalyst for fostering innovative, creative, mutually stimulating and complementary cooperation among a broad range of stakeholders. It would offer a promising pathway not only to strengthening regional cooperation on

water in Central Asia but would empower Central Asian water diplomats to play a leading, proactive role in global efforts to address the challenges of the 21st century. It would pave the way for the integration of modern concepts like benefit sharing into negotiating strategies and initiatives, thereby helping translate into concrete action the existing high level political will at the regional level to resolve problems of the water sector.

Keywords: *climate change, water sector, adaptation limits, water diplomacy, water governance, paradigm shift, higher education, institutional economics of sustainability, political economy of the water sector, international political economy, international cooperation theory, conflict analysis.*

ЗЕРТТЕУ ЖӘНЕ БІЛІМ БЕРУ ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ СУ РЕСУРСТАРЫН БАСҚАРУ МЕН СУ ДИПЛОМАТИЯСЫНЫҢ ПАРАДИГМАСЫ ӨЗГЕРУІНІҢ ҚОЗҒАЛТҚЫШ КҮШТЕРІ РЕТІНДЕ

Мартон Краснай^{1*}, Искандар Абдуллаев²

^{1*} Орталық Азия зерттеулер орталығының ғылыми директоры, Корвинус университеті, Будапешт, Венгрия, e-mail: marton.krasznai@uni-corvinus.hu

² Халықаралық су ресурстарын басқару институтының Пакистандағы өкілі, e-mail: iabdullaev68@gmail.com

Аңдатпа. Орталық Азиядағы су секторындағы өскен проблемаларды терең талдау авторларды су басқаруы мен су дипломатиясының парадигмасын шұғыл өзгерту қажеттілігі туралы қорытындыға әкеледі. Климаттың өзгеруі табиғи орта мен адам жүйелерін бейімделу шегіне жақындатуда. Климаттың өзгеруі ең алдымен су секторы арқылы аймаққа әсер етеді. Орталық Азия елдері, оның ішінде Ауғанстан, екі үлкен өзенмен байланысты, сондықтан аймақтық ынтымақтастықты күшейту су секторын тұрақты дамыту үшін қажетті шарт болып табылады. Ішкі саясат пен аймақтық ынтымақтастық арасындағы тығыз байланыс болғандықтан, су дипломатиясы мен су басқаруын бір уақытта жақсарту тек соңғы үш онжылдықтағы теріс үрдістерді өзгерте алады. 2023 жылдың 1 қыркүйегінде Президент Қасым-Жомарт Тоқаев өзінің Жолдауында: «*Су саясатын теңгерімді жүргізу және трансшекаралық су пайдалануды шешу - Үкіметтің ең маңызды міндеттері*» деп атап өтті.

Авторлар су секторындағы саяси экономика, халықаралық саяси экономика, халықаралық ынтымақтастық теориясы, тұрақты дамудың институционалдық экономикасы мен қақтығыстарды талдау саласындағы соңғы жетістіктерді су дипломатиясының теориялық негізіне интеграциялауды ұсынады, бұл үшін соңғы 30 жылда әзірленген және қолданыстағы прагматикалық және аймаққа бейімделген ынтымақтастық модельдеріне негізделеді. Күтілетін парадигма өзгерісі инновациялық, шығармашылық, өзара ынталандыратын және толықтыратын ынтымақтастықты кең ауқымды мүдделі тараптар арасында дамытудың катализаторы бола алады. Бұл Орталық Азиядағы су саласындағы аймақтық ынтымақтастықты нығайтуға ғана емес, сондай-ақ Орталық Азиялық

су дипломаттарына ХХІ ғасырдың сын-қатерлерін шешу жөніндегі жаһандық күш-жігерде жетекші және проактивті рөл атқаруға мүмкіндік береді. Бұл сондай-ақ пайдалармен бөлісу (*benefit sharing*) сияқты заманауи концепцияларды келіссөздер стратегиялары мен бастамаларға интеграциялау жолын ашады, осылайша аймақтық деңгейде су секторындағы проблемаларды шешуге бағытталған саяси ерік-жігерді нақты әрекетке айналдыруға ықпал етеді.

Түйін сөздер: климаттың өзгеруі, су секторы, бейімделу шекаралары, су дипломатиясы, су басқаруы, парадигманың өзгеруі, жоғары білім, тұрақты дамудың институционалдық экономикасы, су секторының саяси экономикасы, халықаралық саяси экономика, халықаралық ынтымақтастық теориясы, қақтығыстарды талдау.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ КАК ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ СМЕНЫ ПАРАДИГМЫ В УПРАВЛЕНИИ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ И ВОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Мартон Краснай^{1*}, Искандар Абдуллаев²

¹ Научный директор Центра исследований Центральной Азии Будапештского университета им. Корвинуса, Венгрия, e-mail: marton.krasznai@uni-corvinus.hu

² Представитель Международного института управления водными ресурсами в Пакистане, e-mail: iabdullaev68@gmail.com

Аннотация. Детальный анализ растущих проблем водного сектора Центральной Азии приводит авторов к выводу о необходимости срочного пересмотра парадигмы водного управления и водной дипломатии. В результате изменения климата естественная среда и человеческие системы приближаются к пределам адаптации. Климатические изменения в первую очередь воздействуют на регион через водный сектор. Страны Центральной Азии, включая Афганистан, объединены двумя крупными реками, поэтому усиление регионального сотрудничества является *sine qua non* (необходимым) условием для достижения устойчивого развития водного сектора. Поскольку между внутренней политикой и региональным сотрудничеством существует тесная связь, только одновременное совершенствование водной дипломатии и водного управления может переломить негативные тенденции последних трёх десятилетий. Как отметил Президент Касым-Жомарт Токаев в своем Послании к народу 1 сентября 2023 года: «Проведение сбалансированной водной политики и решение вопросов трансграничного водопользования – важнейшие задачи Правительства».

Авторы предлагают интегрировать новейшие достижения политической экономии водного сектора, международной политической экономии, теории международного сотрудничества, институциональной экономики устойчивого развития и анализа конфликтов в теоретическую основу водной дипломатии, опираясь на прагматичные и адаптированные к региону модели сотрудничества, разработанные и применяемые в течение последних 30 лет. Ожидаемый сдвиг парадигмы может стать катализатором для стимулирования инновационного,

творческого и взаимодополняющего сотрудничества среди широкого круга заинтересованных сторон. Он обеспечит не только укрепление регионального сотрудничества в водной сфере Центральной Азии, но и позволит центральноазиатским водным дипломатам играть ведущую, проактивную роль в глобальных усилиях по решению вызовов XXI века. Это также откроет путь к интеграции современных концепций, таких как распределение выгод (*benefit sharing*), в стратегии переговоров и инициативы, способствуя воплощению в конкретные действия существующей на региональном уровне политической воли к решению проблем водного сектора.

Ключевые слова: *изменение климата, водный сектор, пределы адаптации, водная дипломатия, водное управление, смена парадигмы, высшее образование, институциональная экономика устойчивого развития, политическая экономика водного сектора, международная политическая экономика, теория международного сотрудничества, анализ конфликтов.*

Introduction

During its long history Central Asia had brilliant achievements and tragic failures in the management of its water resources. The extraordinary wealth of oasis cities and states along the Silk Road was based on prodigiously productive irrigated agriculture. They boasted highly developed arts and crafts and large markets renowned far and wide. During the period of “Central Asian enlightenment” between the 8th and 15th centuries the region became one of the centers of world civilization (Starr, 2015). Poets, philosophers, historians, political thinkers, astronomers, mathematicians and doctors contributed to the vibrant intellectual and artistic scene of the oasis states. Prosperity went hand in hand with cultural openness and religious tolerance: in Central Asia peacefully coexisted several major religions, starting from Zoroastrianism to Manichaeism, from Buddhism to Islam, not to mention well established local communities of Jews, Nestorian Christians or the great variety of shamanistic belief systems of the people of the steppe. At the same time there are examples of the tragic consequences of the neglect and destruction of irrigation systems for the communities that depended on them. In the 11th and 12th centuries Merv was one of the biggest cultural and economic centers of the world but as a result of renewed large scale military campaigns by nomadic conquerors the irrigation systems it depended upon gradually decayed, leading to the depopulation of the city by the 19th century.

The water sector of Central Asia went through a period of rapid development during Soviet times. When the countries of the region became independent in 1991 they inherited an extensive, highly integrated and well-maintained water infrastructure as well as one of the greatest man-made environmental disasters of the 20th century, the drying out of the Aral Sea. The use of practically all available water resources for irrigation and industrial and communal water supply and competing needs of the energy and irrigation sectors resulted in a fragile balance among various uses of water by riparian's, with a non-negligible conflict potential. Central Asian countries managed to preserve this delicate balance, avoided major conflicts and have recently started to address key issues left unresolved for decades. How much the emerging political will to cooperate is going to be translated into

concrete action depends very much on the effectiveness of water diplomacy.

A paradigm shift in water diplomacy is necessitated by the uneven performance of water diplomats in recent decades and the increasing water stress that has made water an issue of national security for several countries. The water sectors of Central Asia are racing against time. There is growing uncertainty caused by the cumulative effects of climate change, melting glaciers and growing demand for water due to population growth and economic development. The building of new infrastructure of regional importance, like the Kosh Tepa irrigation canal in Afghanistan, if not managed in a rational and cooperative way, may upset the existing water sharing arrangements and regional water resources management in general. Business as usual is not an option. A combination of national and regional measures is required if riparian countries want to avoid increasingly frequent crisis situations and an eventual collapse of large parts of regional water infrastructure.

Climate change pressures, such as droughts and floods, have become frequent enough to seriously affect the water systems of Central Asian countries. Climate change is a game changer in Central Asia: it accelerates the negative trends, like decreasing water availability, and it directly impacts upon the socio-economic development of the region. This change is not linear, but exponential and its effects are aggravated by another exponential change, the increasing cost of restoration, modernization and maintenance of the decaying regional water infrastructure. These two concomitant processes constitute a strategic challenge for the region.

The growing uncertainties and emerging challenges are hammering home the importance of strengthened regional cooperation. The policy brief by Adelphi on the publication “Rethinking Water in Central Asia” points out: “Despite a general commitment to cooperation, Central Asia is witnessing intense competition over water resources. Water policies are often driven by uncoordinated national strategies. A combination of low water efficiency, strong interdependencies, and competing national priorities has caused disagreements, and contributed to political and diplomatic disputes between Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan. Insufficient water cooperation entails significant costs and major risks for the future development of the region”. Stubborn stumbling blocks hindering regional cooperation on water weaken the ability of Central Asian countries to jointly formulate and defend their strategic interests in a period of complex and unpredictable geopolitical processes called “multipolarization” by the Report of the 2025 Munich Security Conference.

The list of recent positive developments include regular consultative meetings of the Heads of State of IFAS member countries and cooperation in the development of strategically important water infrastructure like the agreement of Uzbekistan and Tajikistan to build two hydropower stations on the Zeravshan river and the January 2023 offer by Kazakhstan and Uzbekistan to participate in the building of the Kamarata HPS in Kyrgyzstan. After 30 years of underinvestment, finally more resources are shifted to the water sector.

Methodology and Research Methods

The foundation of this article is based on systematic and comparative analysis, the analytical method, and the historical research method. This approach enables

the examination of these processes within the context of the political and social conditions of the corresponding period. The authors compared their personal experiences in the water sector over a decade and a half with the results of projects assessing the state of water related research and higher education in Central Asian countries to draw conclusions and recommendations. Extensive first-hand experience, among others, in the Central Asian Regional Environmental Center, the CAREC Research Institute, IWMI, the UN Special Program for the Economies of Central Asia, the UNECE and GiZ supported project on legal and institutional strengthening of regional cooperation on water and the Blue Peace Central Asia project allowed the authors to assess the consequences of insufficient human capacity for water governance and water diplomacy in Central Asia. The analysis of the conclusions of recent assessments of water related research and education capacity in Central Asia (among others projects supported by the World Bank, USAID, SDC and the Erasmus+ program of the European Union) made it possible to reveal the root causes of slow build up of human capacity on water governance and water diplomacy and formulate concrete recommendations for steps to overcome persistent problems in water related research and higher education.

Discussion and Results

How can water diplomacy rise to the challenges ahead?

To translate the increased political will into joint action and optimally utilize available resources, Central Asian countries need a paradigm shift in water diplomacy. The shift should be started by joint research and training a new generation of water diplomats. The collaborative analysis and understanding of the challenges that the region is facing could facilitate progress towards joint governance and management of water resources.

Studying “best practices” like cooperation in the Danube, Sava or Rhine basins could be useful, but it should be kept in mind that each river basin has its own challenges and opportunities, especially when historic, economic, social, institutional, regulatory and political factors are taken into account. Therefore copying or adapting “best practices” has its limitations (and there is a danger that in some cases it might be simply misleading). Moreover, global concepts and principles applied in earlier years yielded mixed results. As Biswas (2001) points out, the “crux of the major water problems of the future will be on developing countries. And yet, the universities and research institutions of developing countries are generally not conducting research on water problems that are relevant and appropriate for their countries. The basic thrusts of their research programs are often similar to what could be seen at Oxford or Harvard Universities, even though the water problems faced by developing countries are very different from those of the UK or USA”.

The water sector transformations in Central Asia continue since the collapse of the former Soviet Union in the 1990s (Table 1).

Table 1. Water sector transformation in Central Asia

Periods	Transformations	Observed intentions
Late 1980's and early 1990's	Water sector financing was reduced, and the role of the water sector in the overall government system declined	Reducing the hydraulic mission-based water sector and transitioning to the new economic settings
Mid 1990's-2000's	Formation of water users' associations, donors lead reforms and focus on setting up post-soviet water systems. Transboundary issues are emerging as factors in water policy and management	Crafting new water systems, integrating water into the nation-building efforts Setting up new local water institutions, hydro services, WUA's
2000's- 2010's	Setting up normative reforms in the water sector: IWRM period	Making the water sector attractive for international financing and support
2010 onwards	Water sector financing and a broader focus on water security	Setting up efforts toward sustainable and productive water systems

Source: Compiled by the authors

The proposed paradigm shift should start with the thorough analysis of the experiences of Central Asian countries since 1991. Looking at the history of the last three decades through the lens of international cooperation theory, international political economy, institutional economics and conflict analysis would allow researchers to go beyond the usual diagnosis repeated ad nauseam: the lack of sufficient investment in the water sector is resulting in huge losses of water due to a crumbling infrastructure. Research based on the proposed new theoretical basis would be able to explain the reasons for the decade-long under-investment, the inability to achieve economic and financial sustainability of the water sector and preference for national solutions versus more efficient regional projects.

Why to start with education and research?

In Soviet times universities of Central Asian countries trained world class water engineers (in Russian “vodniki”) who built, maintained and operated one of the biggest networks of irrigation canals and reservoirs in the world. At the same time, decisions on strategic development plans, large scale investment and financing were made in Moscow by the Central Committee of the CPSU, the State Planning Committee and central line ministries. After 1991 when Central Asian countries became independent the curricula of the majority of universities continued to reflect this lopsided situation. According to the 2019 Review of water-related academic and research capacity in Central Asian countries (Ibatullin, 2019) “The overall analysis of current education trends and existing specialty in the Central Asian countries shows that, at large, they are almost identical in all universities and do reflect existing water sector management policies.” The teaching programs of the 24 surveyed institutes of higher education aim to train technical specialists, thus contributing to the perpetuation of the “engineering approach” in the governance of water resources and in water diplomacy. As the 2023 “Needs assessment of 12 Central Asian universities” conducted in the framework of the Erasmus+ project

“Strengthening Higher Education in the Water Sector for Climate Resilience and Security in Central Asia” revealed, only a handful of institutes of higher education have a curriculum that can serve as the basis for the development of a modern water diplomacy training program and faculty who can teach such a curriculum. The lack of economic, financial, institutional and management expertise is arguably one of the reasons for the slow progress of negotiations on market-based solutions in regional cooperation. It goes without saying that further modernization of the teaching of existing subjects that are commonly referred to under the collective name STEM (science, technology, engineering and mathematics) should go hand in hand with the development of new modules that include social sciences subjects.

Results and lessons of three decades

The case for more attention to economic and financial aspects

Central Asian water sectors inherited a number of problems from the Soviet Union, like the drying out of the Aral Sea, one of the most serious man-made environmental disasters of the 20th century, wide-spread environmental pollution, obsolete irrigation methods and the predominance of water-intensive crops in agriculture. The dramatic drop of GDP in the first decade after independence and the break-up of a unified economic space along national borders further aggravated inherited problems. Many state-owned companies producing materials for the water sector went bankrupt due to imprudent and hasty privatization attempts. Building capitalism without capital did not work too well in the water sector either. As a result, today the bulk of water infrastructure of regional importance remains in public ownership and needs massive investment. According to a conservative estimate, Central Asian countries would have to spend USD 33 - 35 billion annually to modernize and properly maintain thousands of kilometers of irrigation canals and communal water systems, predominantly built in Soviet times. Attempts to introduce market based solutions into regional cooperation on water have brought only limited successes. According to a number of recent studies (OECD, ADB, IWMI, UNECE) sector-based, ill-coordinated planning and investment in the water sector do not provide alternative solutions for infrastructure financing. Negotiations on a water-energy consortium have dragged on for a quarter century with no early results in sight.

Current financing of crucial sectors of the water-energy-food-environment nexus, especially the water sector, is fully public. However, only 50% of the financing needs of the water sector are at present covered by the state budgets. Upscaling private sector financing, in particular opening up the water sector for FDI and other financing instruments would have great importance for achieving economic and financial sustainability of the water sector. The proposed paradigm shift would empower experts and water diplomats to correctly define the optimal role of the public and private sectors and multilateral development banks in investment in and maintenance and operation of national and regional water infrastructure in Central Asia. This task is highly complicated. As Ghosh (2024) points out: “If they (multilateral development banks) allocate more resources to mitigating risks for private investors, available funds for essential public services will shrink even further. Historically, private investors have relied on the public sector to finance infrastructure projects and riskier, less profitable ventures. If governments and

international institutions remain resource- constrained, it is highly unlikely that private entities will step in to bridge the gap. The problem is compounded by the difficulty of ensuring that private entities fulfill their commitments. The prevailing approach involves offering incentives, such as subsidies and risk underwriting, but not at the same time establishing clear conditions, enforcement mechanisms, and regulations to curb monopolistic and anticompetitive behavior.” Combining incentives with conditionality at the regional level is a highly complicated task, a major challenge for water diplomats.

Untapped geo-economics advantages

Obviously, the narrow focus on physical water necessarily results in a zero sum game: if one party uses more water, less is left to the others. Focusing on shared benefits instead of quantity would facilitate the development of cooperative solutions. The broader the range of benefits under discussion, the more likely that riparians will be able to work out configurations of benefits that are mutually acceptable. Central Asia has exceptionally favorable conditions for regional cooperation based on benefit sharing. As the Adelphi report on water diplomacy (2014) points out, in many river basins upstream countries not only control water flows but are in an economically dominant position - suffice just to mention the Mekong or the Tigris-Euphrates rivers. In Central Asia the situation is just the opposite. The economies of downstream countries are much bigger than the economies of upstream countries while the latter - Tajikistan and Kyrgyzstan - have abundant freshwater resources and huge, underdeveloped hydropower potentials. The approximate equilibrium of relative bargaining power of upstream and downstream countries could provide a solid basis for water diplomats to combine strengths and work out cooperative solutions.

Analyzing the conflict potential

Since 1991 Central Asian countries have managed to maintain a cooperative system of water resources management and avoided major conflicts over water. Still the tense situation on the border between Kyrgyzstan and Tajikistan is a stark reminder that there is room for improving the effectiveness of water diplomacy. Water diplomats will need to be trained in conflict analysis and preventive diplomacy. Conflicts, as a rule, are multi-faceted and have multiple causes. Conflict analysis by water diplomats needs to go beyond the narrow problems of the water sector and take into consideration the history, culture and traditions of the region as well as the economic, environmental, social, political and strategic aspects of bilateral or multilateral relations.

Stepping up international funding

Water is a global public good. Its efficient management requires a fundamental reinvention of international water cooperation, using a multi-actor approach. This requires the constant evolution of the conceptual basis of water diplomacy to empower water diplomats to actively participate in collective action to overcome water crises and develop networked responses at the regional and global levels. The amount of resources available for collective action is growing every year. The Central Asian region needs coordinated strategies and well-functioning institutions to have better access to climate funds and “green” development assistance, which are indispensable for restoring the water infrastructure and introducing modern water saving technologies in order to avoid more frequent crises.

At the same time the recent decision by several developed countries, including the US and the UK, to drastically cut their development aid budgets is a cause for serious concern. Central Asian states need to strengthen their cooperation with partners such as the European Union and China, which are able to continue to support research and higher education in water governance and water diplomacy through development programs. Well trained water diplomats can more effectively promote the interests of Central Asian countries in negotiations on transboundary water resources with neighboring countries, like Russia or China, and can play an active role in formulating and defending the political, economic, financial interests of the region at various multilateral fora.

Outlining a paradigm shift for Central Asian water diplomacy

For the last thirty years water diplomacy in Central Asia has mostly been going around in circles. The old engineering-legal approach more often than not condemned the negotiators to focusing on physical water or trying to use international water law to underpin their positions. The drawback of this approach is that the only country that is party to both the 1992 UNECE Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes and the 1997 UN Convention on the Law of Non-Navigational Uses of International Watercourses, is Uzbekistan, while the three upstream countries - Afghanistan, Kyrgyzstan and Tajikistan - to none of them. It is true, international water law (including customary law) principles include the duty to cooperate and equitable and reasonable utilization, but in practice these cannot be determined unilaterally, only through a complicated and lengthy process of bilateral and multilateral negotiations, repeated claims and counterclaims by the parties involved. As “asymmetrical vulnerability interdependence” described by Keohane and Nye (2012) would predict, upstream countries often see their control of transboundary water flows as that can be used as a source of leverage in negotiations among riparians. A too narrow focus on physical water or international water law makes it difficult for water diplomats to design strategies that translate power resources that are unequally distributed in various issue areas into the desired outcomes that result in balanced cooperation. One of the key issues that needs to be tackled is how to develop a workable negotiating strategy that balances/combines through cooperative arrangements upstream control of water flows (traditional source of power) and downstream economic clout. Water diplomats need to be aware that power resources under conditions of complex interdependence are not fully homogeneous and in most cases they are not fully fungible. They face the complicated task of developing strategies that can balance and combine capabilities in one area with capabilities and influence in other issue areas. The central element of the proposed paradigm shift in the region is to focus on applying more “out-of-the-box” or “out-of-water-sector” approaches. The trade-infrastructure-security-development nexus should become a major trend in setting water, environment and climate issues.

Improving the institutional frameworks

In Central Asia the Ministries of Foreign Affairs are the main actors and coordinators of water diplomacy. In its activities, the MFA seeks to represent and promote the general political, security and economic interests of the country. So water diplomacy is inextricably embedded in the general planning and conduct of foreign (and foreign economic and security) policy. MFA-s and presidential

administrations prepare consultative meetings of the heads of state, which in turn play a key role in the strengthening of political will.

While water diplomacy is a primary responsibility of foreign ministries, it requires a combination of different knowledge, information and skills that is the involvement of water experts, engineers, economic, financial, investment and environmental specialists. The proposed paradigm shift would provide a sufficiently broad theoretical framework for structured and productive cooperation among experts of technically distant disciplines.

Reducing organizational competition and clearly delineating interstate agencies' functions could help improve cooperation attitudes. The current competitive and complex structure of the institutional environment is the outcome of the post-soviet period of regional development. The integration of international cooperation theory, international political economy, institutional economics and conflict analysis into the theoretical basis of Central Asian water diplomacy would also facilitate better analysis of strategic issues, like competition among regional organizations and strengthen the ability of Central Asian states to maintain control over this vitally important resource.

Costs and benefits

The book “*Rethinking water in Central Asia: the costs of inaction and benefits of water cooperation*” (2017) provides convincing arguments in favor of strengthening regional cooperation on water: “Costs of inaction” – defined here as the difference between the current, limited cooperation and the benefits that would result from full cooperation. Even if only parts of these costs are taken into account, they amount to more than US\$ 4.5 billion per year for the whole region and are significant for each of the five countries studied. Due to deteriorating infrastructure, environmental degradation and demographic and economic pressures, these costs will increase if water management remains as it currently is.”

It is quite striking to discover that the discussion paper by the Expert Platform “*Rethinking Institutional and Financial Mechanisms on Water and Energy Cooperation in Central Asia*” (Ibatullin, 2023) published six years later exposes disappointingly slow progress in key areas of water cooperation. The old engineering-legal approach, if it continues, would seriously limit the ability of water diplomats to use more recent concepts, like the nexus or benefit sharing, when developing negotiating strategies to eliminate stumbling blocks and accelerate progress towards substantive cooperation.

Examining water within an expanded conceptual framework

Sadoff and Grey (2002) bring convincing arguments in favor of water diplomacy based on an expanded conceptual framework: “Cooperation or disagreement on the management of shared water resources are bundled with many other factors - historic, cultural, environmental and economic - that affect relations between neighboring nations. Fully unbundling water's role from the complex dynamics of relationships between states is not possible. Control of international rivers is inextricably entwined with economic opportunity, national security, society and culture...The management of shared water can be a force for peace, or a force for war, but politics—as a proxy for the full bundle of relationships, and associated tensions, that arise between states—will determine whether cooperation or conflict is chosen.”

Such an extended conceptual framework would make it possible to revisit issues which have for decades been stubborn stumbling blocks for cooperative solutions for regional water resources management. It could allow water diplomats to get rid of old stereotypes. Take, for example, Afghanistan: the opening of the Mes Aynak project (and several similar projects in the pipeline) shows that the Taliban is well aware of the importance of economic development and economic cooperation. Water diplomacy, taking advantage of a new, extended conceptual framework, could base negotiating strategies on a benefit sharing approach when discussing thorny issues, like Qosh Tepa.

Institutional strengthening: a sine qua non precondition of IWRM

Biswas (2008) highlights the political, institutional and regulatory bottlenecks for using IWRM (at the river basin level) to develop negotiating strategies, as proposed by several authors. He explains the problems caused by different institutions, regulatory frameworks, weak inter-sector coordination as well as inter-sector competition. An unpublished study prepared by the Center for Central Asia Research of Corvinus University (2023) Budapest for the World Bank on the water sector of Kazakhstan revealed persistent problems with inter-sector coordination and multilevel governance. Needless to say, harmonization of policies, institutions and regulations at the regional level is immensely more complicated than within just one country. The proposed paradigm shift could help identify the most pressing regionally coordinated institutional and regulatory reforms that could pave the way for a gradual introduction of IWRM in negotiating strategies on regional cooperation on water. Ongoing efforts to strengthen legal and institutional frameworks (the International Fund for Saving the Aral Sea) and establish a Central Asian water and energy consortium would also greatly benefit from the proposed paradigm shift.

Central Asia needs its own solutions and models

Local, national and regional level management of water resources are closely intertwined: by failing to create negotiating space for water diplomats by improving governance and increasing investment at home, governments tie their own hands when it comes to developing regional negotiation strategies. Technical assistance by development agencies and advice by international partners have for decades influenced the conduct of water diplomacy in Central Asia. Such advice was supposed to help governments to realistically assess the social and economic needs and the optimal direction of reforms in their water sectors. While the Sustainable Development Goals adopted by the UN in 2015 (Goals 6: “Ensure availability and sustainable management of water and sanitation for all”) set the right goals for the water sector, it is important to note that an increasing number of economists, like Noble-winning J. Stiglitz (2004), doubt whether it was a realistic idea to rely on neoliberal (market fundamentalists) economic theories to solve mounting problems of a sector which not only remained overwhelmingly in public ownership but played a key role in maintaining social stability, facilitating poverty reduction, provision of WASH services and preserving food security in the midst of the long and complicated process of economic transition after 1991. “Neoliberalism had given short shrift to externalities, but with climate change and then the Covid-19 pandemic, it became obvious that externalities are of first-order importance. Government is as necessary to helping society maintain the environment and

public health as it is to helping sustain macroeconomic stability.” (J.Stiglitz 2024)

How can we explain that very few experts proposed to implement reforms based on the New Public Management theory developed by Hood (1995) and others, designed to mitigate the inherent challenges of public ownership and foster efficient operations within these entities? As G. Boccaletti (2023) explains “The prime objective of public water resource development is the maximization of national welfare. But it is almost impossible to calculate beforehand what those benefits will be. Water investments last for decades, during which time economies are transformed and systems change. Moreover, people care about more than income. Add in budgetary constraints – which force choices between second-best options, rather than pure benefit optimization – and the problem becomes analytically intractable. All one can do is construct scenarios to facilitate a political discussion about what solution people might prefer.” Integration of modern concepts of international cooperation theory, international political economy, institutional economics and conflict analysis into the theoretical framework for water diplomacy would help representatives of Central Asian countries to develop indigenous economic, institutional and regulatory solutions at the regional level to solve the problems of the water sectors. Regional institutions strengthened by more effective water diplomacy would, in turn, influence national policies through empowering domestic constituencies, thus consolidating broad support to reform agendas within Central Asian societies.

A modern, indigenously developed and comprehensive theoretical framework would allow Central Asian water diplomats to take the initiative and present innovative proposals when negotiating with international partners - be it development banks, foreign consultants or scholars. The same is true for negotiations at global forums on climate change or sustainable development.

The potential for conflict must be carefully analyzed

Besides international cooperation theory, international political economy and institutional economics, conflict analysis should occupy a prominent place in the broad theoretical framework for water diplomacy. Experience has shown that only a comprehensive study of root causes (as opposed to analysis that focuses only on one particular sector/field, be it the military, political, economic, environmental or the human dimension) would produce useful results. The proposed paradigm shift would help water diplomats to base their negotiating strategies on comprehensive conflict analysis. It is important to note here that above a certain level of tension legal and institutional frameworks become largely irrelevant. Preventive action is therefore highly important.

Central Asian countries need skillful water diplomacy (and not just technical and economic expertise to develop mutually beneficial projects), as a larger pie does not automatically stop disputes over the size of the slices. Distributional conflicts may persist in the future even if there are large net benefits as a result of improved regional cooperation.

The first steps - education and research

Developing an updated curriculum or module on water diplomacy that includes lectures, case studies and skills development exercises on the latest achievements of political economy of the water sector, international cooperation theory, international political economy, institutional economics of sustainability, and

conflict analysis is a complex and demanding task, requiring top level teaching staff as well as proven research capacity. To facilitate the optimal use of available resources, a small number of Central Asian universities could be selected to become advanced regional centers for training water diplomats. Central Asian institutes of higher education could cooperate in teaching modern theory and practice of water diplomacy: universities of water resources management or irrigation could team up with academies of public administration, universities of world economy or diplomacy to equip students with the broad range of knowledge and skills that they need to become successful water diplomats. A good example is the MoU signed recently by the Tashkent Institute of Irrigation and Agricultural Mechanization Engineering and the University of World Economy and Diplomacy on developing a joint MSci program on water diplomacy.

Leading authors of international cooperation theory, international political economy, institutional economics and conflict analysis provide a broad theoretical background for the proposed paradigm shift in CA water diplomacy but they don't offer tailor made solutions for concrete problems of the water sector of Central Asia. Universities and research institutes need to develop their own, curricula or modules that would facilitate the proposed paradigm shift before they can be used for teaching BA and MA courses, instructing doctoral students, retraining government officials, developing new, out-of-the-box and out-of-the-water initiatives for MFA-s, presidential administrations and high level decision makers. Regional organizations and institutions - like EC IFAS or SIC ICWC - could provide a much needed framework for joint research by the academic communities of Central Asian countries.

Key issues

As Keohane (2020) notes "Political science has two missions: to help us understand politics better and to improve the world." The proposed paradigm shift in Central Asian water diplomacy must start with an analysis of the successes and lessons of regional cooperation on water since 1991 and the mapping of research topics and directions. The main objective of regional research programs would be to produce new teaching materials, methodology and case studies that could be integrated into the MA or PhD programs of the advanced regional centers for education. In addition, the proposed research program would have important spin-offs: it could produce recommendations, policy papers, high-level initiatives as well as basic packages for retraining government officials, decision makers, youth and women activists and civil society organizations.

Experts of international cooperation theory, international political economy, institutional economics and conflict analysis will need to continue working with natural scientists and engineers to understand the economic, technical, social and political stumbling blocks to regional cooperation on water and explain how to overcome them through innovative political and economic strategies and more effective water diplomacy. It bears emphasizing that the new subjects can only be taught effectively in the framework of the renewed water diplomacy training if the general theories are first adapted to the specific conditions and needs of Central Asia and linked to concrete problems of the region. The group of experts should select a limited number of subjects that are most relevant for the water sector of

the region and develop methodologies and case studies to facilitate their effective teaching. Case studies should be selected by the faculty of each university that teaches the module, taking into account what issues have been on the agenda of water cooperation with neighboring countries over the last thirty years.

The modules - developed on the basis of a general basic package - could be integrated into various curricula and taught to students with different majors and areas of interests. However, it would be a mistake to teach the new modules using the old, traditional methodology. For example, teaching staff might be encouraged not to include formal, predefined and unified exams in the module. It is important to keep in mind that one of the main objectives of the module is to develop capacities for critical thinking and teach basic social sciences skills to future generations of water diplomats. Accordingly, faculty teaching the module should be encouraged to ask students to develop and present projects. The projects should focus on challenges, opportunities for cooperation or conflict risks in areas linked to the majors of the student. The projects should offer an opportunity to evaluate the creativity, critical thinking and independent judgment of the student, as well as her/his openness to cooperation and ability to engage in teamwork. Curriculum development should go hand in hand with retraining faculty of selected universities to teach the new modules.

Let's have a look now at the subjects that could be included in the basic package. These should be carefully selected to equip students of water diplomacy with the most useful, region-specific knowledge and skills without overburdening them. Graduates should be able a) to critically analyze the history (good practices and lessons learned) of regional cooperation on water b) develop a new conceptual framework for strengthening regional cooperation c) translate high level political will to cooperate into concrete initiatives and projects d) develop negotiating strategies to implement these initiatives and projects e) conduct bilateral and multilateral negotiation in a highly professional manner f) formulate and represent the interests of the region at global fora.

The list below is far from complete. It serves just to illustrate the subjects that could be considered for inclusion in the proposed basic package / module:

- *A general introduction to international cooperation theory, international political economy, institutional economics and conflict analysis.*

Students should acquire a profound knowledge of relevant theories so they are able to undertake an in-depth, critical review of successful models, challenges and lessons learned of regional cooperation on water since 1991. They should learn to analyze relations of complex interdependence in the economic, environmental, social, political and security fields. They should get acquainted, among others, with the process of policy coordination, principles, norms, rules, and decision making procedures and the theory of non-zero sum games. They should learn how to find efficient solutions to the problems of externalities (e.g. water pollution) and practical skills like market-oriented bargaining, mutual adjustment and bargaining to strengthen cooperation and lowering transaction costs of bargaining by strengthening credibility and reducing uncertainties.

- *Institutional and legal frameworks*

Students should learn about the strengths and weaknesses of the existing institutional and legal frameworks for water cooperation in Central Asia and

analyze lessons of past and ongoing efforts to strengthen and modernize them. They should examine the role of incomplete information and negative consequences of asymmetrical information in regional cooperation and analyze how organizations / institutions can enhance monitoring and information transmission. A case study could look into the mandate and functioning of SIC ICWC and the role of civil society as a low-cost monitor. They should learn about connections between institutionalized regional cooperation and domestic politics, domestic distributional effects of regional agreements and problems of local commons and regional interdependence.

Students should critically analyze international water law and the existing legal frameworks for regional cooperation on water. They should examine how to modernize the present legal frameworks without undermining their stabilization effects. More generally, students should learn about the latest trends in the development of international water law: how its evolution could narrow the gap between existing legal norms (including customary law) on the one hand and the latest theories and policy frameworks for regional cooperation on water (e.g. benefit sharing or nexus) on the other. Case studies and skills development exercises should give an opportunity for students from different countries to elaborate mutually acceptable solutions.

- *Economic aspects of regional cooperation on water*

Students should undertake a critical analysis of economic problems of regional cooperation on water through the lens of international political economy, learn about the the cost of inaction and benefits of cooperation, the influence of institutionalized regional cooperation and the international political and economic environment on the business and investment climate in the nexus-sectors of Central Asia.

- *New approaches to regional cooperation and water diplomacy*

Students should be invited to undertake a critical evaluation of global concepts and principles applied in Central Asia, including IWRM, the nexus and benefit sharing. Students could analyze the implementation record of various concepts and policy frameworks, identify causes of slow and uneven progress (e.g. weak institutional and regulatory frameworks) and learn (through skills development exercises) to adapt them to prevailing political, economic and social conditions and accepted, proven cooperation models in Central Asia.

Students should learn about the role of non-state actors (youth, women, representatives of disadvantaged and vulnerable communities) in regional cooperation on water and second track diplomacy.

- *Fundamentals of conflict analysis*

Students should learn how to undertake an analysis of existing and future conflict potential in the region with a focus on the role of water in the comprehensive concept of security. They should study concepts of interdependence, including sources, benefits and costs of interdependence and positive and negative implications of interdependence for conflict. They should be able to conduct comprehensive analysis of root causes of conflict, including economic, social, environmental, political and other factors and identify entry points for preventive action.

Conclusions

In Central Asia water is becoming a key issue of national security. Climate

change directly impacts upon the socio-economic development and political stability of the region. This change is not linear, but exponential and its effects are aggravated by another exponential change, the increasing cost of restoration, modernization and maintenance of decaying regional water infrastructure. These unprecedented challenges can lead to two scenarios: increased economic, social, environmental and political tensions or fundamental improvements in policy making, institutional reforms and the joint management of transboundary water resources. The time has arrived for a paradigm shift in water governance and water diplomacy in order to achieve the second scenario. The proposed paradigm shift is intended to strengthen political will to increase resilience and achieve economic, financial and environmental sustainability of the water sector and help translate political will into action.

Change should start with human capacity building and the creation of a new theoretical basis, new policy frameworks for water governance and water diplomacy. Today very few Central Asian universities are able to offer complete modern courses on water governance and water diplomacy alone. Due to time pressure and limited resources overall modernization of water related higher education can only be a long-term task. Through academic exchanges, scholarships, joint degrees, joint research projects and eventually a regional doctoral school leading universities should become “regional champions” and form a “Central Asian Water Campus” that could offer training to students of all six countries. Thanks to modernized curricula on water and reskilled teaching staff, graduates of Central Asian universities should become initiators and drivers of change in governments, public companies, the private sector, civil society and academia.

To launch the process of paradigm shift, a panel of experts could be tasked to prepare a programmatic action plan based on bilateral or regional initiatives that enjoy political support. The Executive Committee of IFAS or a similar institution could host such a panel. Research institutes and think-tanks could become knowledge and information hubs to promote dialogue and joint research.

References:

1. Assubayeva, A. (2022). Water security assessment in Central Asia: Connecting conceptual frameworks and policy perspectives. Nazarbayev University Press.
2. Biswas, A. K. (2001). Missing and neglected links in water management. *Water Science and Technology*, 43(4), 45–50. <https://doi.org/10.2166/wst.2001.0262>
3. Biswas, A. K. (2008). Integrated water resources management: Is it working? *International Journal of Water Resources Development*, 24(1), 5–22.
4. Ghosh, J. (2024, May 14). The billions to trillions charade. Project Syndicate. Retrieved from <https://www.project-syndicate.org>
5. Hood, C. (1995). The “New Public Management” in the 1980s: Variations on a theme. *Accounting, Organizations and Society*, 20(2), 93–109.
6. Pollitt, C., & Bouckaert, G. (2011). *Public management reform: A comparative analysis*, New Public Management, Governance, and the Neo-Weberian State. Oxford University Press.
7. Ibatullin, S. (Ed.). (2019). Review of water-related academic and research capacity in Central Asian countries. CAWEP, The World Bank.
8. Kipshakbaev, N. (2011). IWMI—Tool to achieve intersectoral balance between water users. Global Water Partnership.

9. Stiglitz, J. E. (2004). *The roaring nineties: A new history of the world's most prosperous decade*. Allen Lane.
10. Stiglitz, J. E. (2024). *The road to freedom*. Allen Lane, an imprint of Penguin Books.
11. Keohane, R. O. (2020). Understanding multilateral institutions in easy and hard times. *Annual Review of Political Science*, 23(1), 1–18.
12. Keohane, R. O., & Nye, J. S. (2012). *Power and interdependence* (4th ed.). Longman.
13. Krasznai, M. (2021). Water as a driver of sustainable recovery: Economic, institutional, and strategic aspects of water resources management in Central Asia. *Kazakhstan -Spektrum*, 2021(2), 36–44. https://doi.org/10.52536/KS/vol_98_issue_2_AJ
14. Krasznai, M. (2023). Macro-assessment to define water needs and possible 2030 WRG priorities in Kazakhstan (Unpublished manuscript).
15. Ormysheva, T. A., & Kukeyeva, F. T. (2016). Sotrudnichestvo stran Central'noj Azii po resheniyu problemy transgranichnyh rek: analiz osnovnyh soglashenij [Cooperation of Central Asian countries in solving the problem of transboundary rivers: analysis of the main agreements]. *Vestnik KazNU. Seriya mezhdunarodnye otnosheniya i mezhdunarodnoe pravo*, 73(1). <https://bulletin-ir-law.kaznu.kz/index.php/1-mo/article/view/411>
16. Pohl, B. (Ed.). (2017). *The rise of hydro-diplomacy: Strengthening foreign policy for transboundary waters*. Adelphi CAREC, Swiss Agency for Development and Cooperation.
17. "Multipolarization" Report on the Munich Security Conference 2025. (2025). Munich Security Conference. Retrieved from https://securityconference.org/assets/02_Dokumente/01_Publikationen/2025/MSR_2025/Multipolarization_%E2%80%93_Munich_Security_Report_2025.pdf
18. Sadoff, C. W., & Grey, D. (2002). Beyond the river: The benefits of cooperation on international rivers. *The World Bank, Water Policy*, 4(4), 389–403.
19. Starr, F. (2015). *Lost enlightenment*. Princeton University Press.
20. Suleymen, M. B. (2016). Vodnye resursy kak faktor bezopasnosti v Central'noj Azii [Water resources as a security factor in Central Asia]. *Vestnik KazNU. Seriya mezhdunarodnye otnosheniya i mezhdunarodnoe pravo*, 51(1-2). <https://bulletin-ir-law.kaznu.kz/index.php/1-mo/article/view/134>
21. Mussatayev, S., Muminov, N., & Orynbayev, Z. (2024). Water scarcity dynamics in Central Asia: Implications for regional stability. *Journal of Central Asian Studies*, 96(4), 20–31. <https://doi.org/10.52536/3006-807X.2024-4.002a>
22. Ziganshina, D. R. (Ed.). (2023). *Rethinking institutional and financial mechanisms on water and energy cooperation in Central Asia: Discussion paper*.

Материал поступил в редакцию 12.01.2025
 Утвержден к публикации 17.03.2025